

НЕЗНАКОМЫЙ ПУШКИН И «УТАЁННАЯ» МУЗА ПОЭТА

Борис Матвеевский

Борис Матвеевский

НЕЗНАКОМЫЙ ПУШКИН И «УТАЁННАЯ» МУЗА ПОЭТА

Сезоны. 1998г. Москва.

В увлекательной, почти детективной форме автор исследует и по-своему решает одну из загадок биографии и творчества Александра Сергеевича Пушкина - тайну его знаменитой «утаённой» любви, вот уже на протяжении двух столетий волнующую пушкиноведа.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	2
ВСТУПЛЕНИЕ	3
«ОНА КАЗАЛАСЬ... ОНА БЫЛА»	4
«НА УГЛУ МАЛЕНЬКОЙ ПЛОЩАДИ...»	6
НЕРАВНЫЙ БРАК	8
ТАЙНА	10
У СОСЕДЕЙ	12
ФАКТЫ	14
МАДРИГАЛ	17
ПРООБРАЗ КАРЛЫ ЧЕРНОМОРА	20
ПОРТРЕТ, ИЛИ «ЗАГАДКА МАЕВСКОГО»	29
«ДОМИК В КОЛОМНЕ»	35
МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ	39
ОЖЕРЕЛЬЕ МАРИИ АНТУАНЕТТЫ	50
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ	65
«ЗАГАДКА МАЕВСКОГО»	69
ДИАЛОГ С ОППОНЕНТАМИ	76
ДОСАДНЫЕ НЕТОЧНОСТИ ХОРОШЕЙ КНИГИ	85
«ХОТЯ КРУПИЦУ МОГ НАЙТИ»	89
ВЕРА МОЛЧАЛЬНИЦА	96
БЫЛЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?	113
ЭПИГРАММА	121
КОММЕНТАРИИ	126

ВСТУПЛЕНИЕ

Публикуя эту рукопись почти через 10 лет после смерти автора, испытываешь чувство как бы двойной ответственности: и перед ним самим, уже не имеющим возможности участвовать в публикации и вносить соответствующие коррективы, и особенно перед памятью Александра Сергеевича Пушкина, жизни и творчеству которого посвящена книга.

Такая двойная ответственность подчас заставляла колебаться в праве наследников отдать незавершенный до конца труд моего покойного брата на суд общественности. Однако сомнения разрешились в пользу издания книги. Читателю, в том числе и профессиональным пушкинистам, думается, будет интересно познакомиться с оригинальными идеями автора, само возникновение которых стало возможным лишь благодаря совершенно исключительному стечению личных жизненных обстоятельств, объективно недоступных никому из современных биографов Пушкина и исследователей его творчества.

Содержание и выводы книги в свое время получили одобрение у многих, познакомившихся с рукописью, в частности, у таких известных пушкинистов, как А. Тархов и Я. Певзнер. Но, может быть главное, на мой взгляд, почему рукопись заслуживает опубликования, заключается в ее общей идее, решительно опровергающей представление о Пушкине, как о ветреном легкомысленном человеке, и утверждающей, что несмотря на все увлечения поэта, в его душе жила одна привязанность, зародившаяся на пороге юности и сохранившаяся почти на всю жизнь, постоянно питая его творчество, наполняя его поэзию светом, грустью и глубокой серьезностью, без чего ведь и не бывает подлинно высокого искусства.

Из уважения к автору рукопись публикуется в том виде, в каком она осталась после его смерти, не позволившей довести работу до полного завершения. Поэтому же и все временные ссылки оставлены без изменения, как и псевдоним, которым автор пользовался при жизни.

Олег Буткевич

«ОНА КАЗАЛАСЬ... ОНА БЫЛА»

«Так сердце, жертва заблуждений
Среди порочных упоений
Хранит один святой залог,
Одно божественное чувство...»¹
А.С. Пушкин

(Все последующие эпиграфы взяты так же из сочинений А.С. Пушкина.)

«В жизни Пушкина была любовь, необычайная по силе, длительности, влиянию на всю жизнь и им самим никогда не названная, утаенная...» Так писал Юрий Тынянов в своей статье о безыменной любви поэта.² Как известно, предположение Тынянова не было новым. За минувший век пушкинистами в числе прекрасных современниц поэта, которые могли претендовать на его «тайную» привязанность, были названы: княгиня Голицына и Мария Николаевна Раевская, Наталья Кочубей и Софья Потоцкая, компаньонка Раевских Анна Ивановна и Екатерина Андреевна Карамзина...³

И несмотря на то, что ни к одной из них любовь Пушкина не была бесспорно доказана, сама убежденность исследователей в существовании этого «утаенного» чувства поэта еще и еще раз подтверждает правоту слов того же Тынянова о том, как ложно... представление о Пушкине как о ветреном, легкомысленном, «беспрестанно и беспечно меняющем свои привязанности человеку...».⁴

Мне самому не приходилось заниматься исследованием биографии Пушкина. Это не моя профессия. Просто, как и со многими из нас, он «вечным спутником» прошел со мной через все прожитые годы. Но ... Это «но» возникло совершенно случайно, следствием интереса к семейной старине, к жизни и судьбам давно ушедших предков. В результате архивных розысков я неожиданно обнаружил ряд неизвестных мне прежде однофамильцев, живших в прошлом веке и ранее в Петербурге и в Казанской губернии. И тут стала открываться интереснейшая история, имеющая, как мне кажется, непосредственное отношение к сказанному выше.

Впрочем, как говорится, судите сами.

В середине семидесятых годов большой интерес москвичей вызвала открывшаяся в Третьяковской галерее выставка «Неизвестные и забытые портреты конца XVIII - середины XIX веков». Там, в ряду других прекрасных полотен, внимание посетителей привлекал портрет молодой женщины, сидящей на веранде, в кресле, на фоне деревьев старого парка.

Голубое платье с наброшенной поверх кружевной накидкой, обнаженные плечи, нитки крупного жемчуга оттеняли шею; темноволосую голову венчал красный тюрбан, украшенный золотой полосой, бахромой и перьями. Классически правильные черты лица, разлет бровей над синими глазами со спокойным, пожалуй, чуть грустным выражением, улыбка, затаившаяся в уголках губ... Такой смотрела она на зрителей с полотна, подпись под которым была предельно лаконична - Стройновская. Художник неизвестен, время - первая половина прошлого века. А вскоре газета «Литературная Россия»⁵ опубликовала заметку об этом портрете, в которой искусствовед и знаток иконографии пушкинского окружения Л.И.Певзнер на основе бесспорно аргументированных выводов раскрывала тайну портрета неизвестной красавицы, полностью называя ее имя - Екатерина Александровна Стройновская, женщина, пережившая глубокую трагедию в личной жизни и вдохновившая Пушкина на элегически прекрасные строфы в одной из его поэм...

«НА УГЛУ МАЛЕНЬКОЙ ПЛОЩАДИ...»

«Супруг - он звался Дмитрий Ларин -
И винокур и хлебосол,
Ну словом, прямо русский барин...
Под вечер у него сходилась
Соседей милая семья -
Исправник, поп и попадья...»⁶

Дальше нить рассказа уводит нас из современности в начало давно ушедшего девятнадцатого века, на окраину старого Петербурга, называвшуюся Коломной, где у Калинкина моста, на углу маленькой площади с храмом Покрова, а точнее, на углу набережной Фонтанки и Садовой улицы стоял окруженный большим садом трехэтажный каменный дом генерала Александра Дмитриевича Буткевича, жившего тут со своей многочисленной семьей.⁷ Такие дома были редки в тогдашней Коломне. Вокруг них, вдоль плохо мощеных улиц, теснились домишки служилого люда, ремесленников, мелких торговцев; это был как бы уголок глухой провинции, где, по словам современника, всякий знал всякого и каждый все о каждом. Где стоявшая перед домом карета уже была явлением редким и необычным, где вставали чуть свет, ложились, когда на Невском лишь собирались ехать с визитами. Жизнь заявляла себя бедностью, сплетнями обывателей, пьянством забитой господской дворни. Другой она была за стенами дома генерала Буткевича.

Унаследовав весьма значительное состояние, он не сумел до конца промотать его и к описываемому нами времени, а точнее в 1817 году, продолжал жить широкой барской жизнью, соблюдая при том весь этикет тогдашнего высшего света. Прапрадед его, родом из польского шляхетства, еще в XVII веке вместе с братьями перешел на русскую службу. Все они были определены на жительство в Казанской губернии.⁸ У деда Александра Дмитриевича было пятеро сыновей, из которых только Дмитрий, благодаря фортуне, а скорее выгодной женитьбе на некоей Татьяне Балк, дослужился до генеральского чина и осел в Петербурге. Остальные же его братья после службы отправились вместе с семьями восвояси в свою казанскую глухомань.⁹ Запомнив все это, вернемся снова к Александру Дмитриевичу. Будучи единственным сыном, он, с детства избалованный, имел нрав крутой и необузданный. Был трижды женат. Похоронив первую жену, он прогнал вторую, обвинив ее в неверности, и, не получив развода, в 1796 году женился на пятнадцатилетней девушке, проигнорировав при этом все моральные устои своего времени. Однако этот поступок поколебал его общественное положение и связи. Знаменитый екатерининский вельможа граф Николай Алексеевич Татищев и вовсе прекратил свои посещения, хотя

Александр Дмитриевич приходился ему родственником и, по тогдашним правилам, не смел не являться к нему в торжественные дни. От третьего брака Александр Дмитриевич имел трех дочерей и сына. Внук же его от средней дочери, Любови Александровны, Николай Сергеевич Маевский написал любопытную семейную хронику, опубликовав ее в 1881 году.¹⁰ Ниже мы перескажем вкратце его рассказ о судьбе старшей дочери Александра Дмитриевича - Екатерине.

НЕРАВНЫЙ БРАК

«Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж...»¹¹

Итак, Маевский рассказывает, что Катенька Буткевич родилась в 1799 году. Будущая красавица, она уже с самого раннего возраста выказывала и свой будущий характер; с детства величавая и бесстрастная, не принимала участия в играх двух младших сестер и брата и только изредка, в минуту особого к ним благоволения, позволяла им запрячься в ее маленькие саночки и катать ее. Прошли годы. Около расцветших барышень стала увиваться молодежь. Чаще и усерднее других посещали их дом сыновья Николая Алексеевича Татищева, старший из которых, Алексей¹², был страстно влюблен в Екатерину Александровну и уже считался ее женихом. О предстоящей свадьбе говорил весь город, все считали ее несомненною. Но когда дело подошло к помолвке, старый граф запретил сыну и думать об этой невесте. Ответом ее вспыльчивого отца был полный разрыв с семьей Татищевых. Алексею с братьями было запрещено являться в дом. Разразившийся скандал быстро оброс кривотолками в гостиных столичного света. По тогдашним понятиям, девушка, хотя и ни в чем не повинная, считалась опозоренной, а необыкновенная красота невесты лишь увеличивала злословие и злорадство. Сестер перестали вывозить в свет, к тому же, добавляет Маевский, положение семьи было затруднительным, дохода с оставшегося имения в 600 душ с трудом хватало на жизнь. Можно представить, какая трагедия бушевала в юном сердце Екатерины Александровны! Родным же и близким ее скорейшее замужество представлялось теперь единственным выходом из создавшегося невыносимого положения. И тут на помощь пришел случай. Благодаря знакомым подвернулся неожиданный жених. Поляк, обладатель миллионного состояния, сенатор, вдовец, граф Валериан Венедиктович Стройновский. Казалось бы, все прекрасно, если бы... если бы он не был на пятьдесят лет старше своей невесты! Но это не смутило его. Смолоду красавец, он имел громадный успех у женщин и всю жизнь оставался поклонником и ценителем женской красоты. И в этот раз на специально подстроенных смотринах красота Екатерины Александровны, правильная и холодная, как красота греческой богини, поразила его. Он сделал предложение. Несчастливая мать, упав на колени и горько рыдая, умоляла дочь пожертвовать собой ради благосостояния и чести семьи. Екатерина Александровна дала согласие... С бесстрастной улыбкой, с горделиво покойным взглядом синих глаз, с ясным сознанием

выполненного долга девятнадцатилетняя красавица пошла к брачному алтарю со своим семидесятилетним женихом. Венчание совершилось в Коломенской церкви Покрова, в начале 1819 года. После свадьбы Стройновский попробовал вывозить свою жену в свет. Но на первом же балу произведенный ею эффект испугал старого графа. Он ограничил общество жены лишь родственниками и близкими друзьями. В 1823 году у них родилась дочь, а вскоре Стройновский уехал с женой в имение, купленное им рядом с имением Буткевичей в Новгородской губернии, где и провел оставшиеся годы своей жизни. В 1835 году он умер, Екатерина Александровна вторично вышла замуж - за генерала Зурова, тульского губернатора. Вот и вся история этого «неравного брака». Она вряд ли привлекла бы наше внимание, если бы не несколько слов, оброненных Маевским в конце рассказа о жизни Стройновской: «Была ли счастлива, - писал он, - молодая красавица? Пушкин не был с нею знаком (курсив наш - Б.Б.), но ходил, говорят, в церковь Покрова, что в Коломне, полюбоваться ею; там ее можно было видеть каждый воскресный и праздничный день. Затем появился «Домик в Коломне», где тетка моя, под названием графини, изображена с поразительной верностью...»

ТАЙНА

«На сем лице лишь гнева след...
Да, может быть, боязни тайной,
Чтоб муж иль свет не угадал
Проказы, слабости случайной...
Всего, что мой Онегин знал...»¹³

Так чего же боялась Татьяна? Какого разоблачения? Какие «проказы и случайные слабости», известные лишь Онегину, а значит, бывшие в прошлом, могли скомпрометировать ее в глазах мужа, во мнении света? И вообще, разве в созданном Пушкиным образе Татьяны можно найти черты, допускающие легкомыслие, случайные слабости?.. Сто лет назад Маевский своим категорическим утверждением, что Пушкин не был знаком с его теткой, воздвиг незримую преграду между будущей Стройновской и юным поэтом. За прошедший век ни один исследователь не взял на себя смелость поставить под сомнение свидетельство родственника, почти очевидца... лишь известный пушкинист Н.О. Лернер, хоть и косвенно, но пытался это сделать, трижды публикуя свое мнение, что именно трагедия Стройновской подсказала Пушкину судьбу Татьяны, а стало быть ему, три года жившему в Коломне, в ближайшем соседстве с Буткевичами, была хорошо известна история ее первой любви и первого брака¹⁴. Но и Лернер не ставит вопрос об их личном знакомстве, лишь повторяя здесь слова Маевского.

Ну, а если Маевский все же умышленно, «чтоб муж иль свет не угадал», написал эти «роковые» слова?! Если, наоборот, в его семье прекрасно знали, что Катенька Буткевич и Саша Пушкин были знакомы, но потом знакомство это оборвалось, да так, что и упоминать о нем в ближайшие сто лет было нельзя... Если так, то надо искать объяснение этому предположению, пытаться разгадать тайну, которую нужно было сокрыть так глубоко и надолго. Здесь логика сопоставлений невольно подводит к другой загадке в рассказе Маевского, к его недомолвке. Почему все же расстроилась свадьба Екатерины Александровны с Алексеем Татищевым? Ведь должна же была быть конкретная причина? И очень мало вероятности, что этой причиной был разрыв ее отца со второй женой, вызвавший негодование его высокопоставленных родственников. Ведь с тех пор (с 1795 года) прошло без малого четверть века. Да и не такие грехи прощались сильным мира сего в «золотой» екатерининский век. Ссылка на бедность тоже мало убедительна. Во-первых, 600 душ - это по тем временам бедность весьма относительная, да и вопросы такого плана решались и обсуждались задолго до помолвки или свадьбы, о которой, тем более, уже говорил весь город. Нет. Скорее всего, причиной было другое, а точнее, другой...

И в этой связи непонятным остается тот факт, что, упомянув имя великого поэта, Маевский не счел нужным вспомнить, что в те самые годы, когда разыгралась трагедия Екатерины Александровны, вплотную с особняком Буткевичей находился дом графа Марка Константиновича Ивелича¹⁵, старого приятеля и сослуживца Александра Дмитриевича, дочь которого Екатерина Марковна была задушевным другом матери Маевского. Еще же через четыре дома, на этой же стороне Фонтанки, стоял дом адмирала Клокачева. В нем, на втором этаже, в квартире своих родителей с июня 1817-го по 6 мая 1820 года жил А.С. Пушкин, тогда всего лишь чиновник десятого класса.

У СОСЕДЕЙ

«Вам должно знать, что мой чиновник
Был сочинитель и любовник;
Свои статьи печатал он
В "Соревнователе". Влюблен
Он был в Коломне по соседству...»¹⁶

Осень 1817 года. Воскресенье. Как обычно, в этот день Александр Дмитриевич принимал гостей. После степенного обеда общество разделилось: мужчины направились в кабинет к ломберным столам, возле которых буфетчик Фадеич еще загодя приготовил строй бутылок, окружив их судачками с рыжиками, икрой, хрустящими огурчиками и прочей соблазнительной снедью. Дамы в столовой допивали чай, а молодежь, устроившись в одном из уголков зала, готовилась играть в шарады. Однако на этот раз игра не клеилась. Сквозь плохо прикрытую дверь кабинета то и дело долетали басистые раскаты брани, извергаемой как всегда проигрывавшим графом Ивеличем, вслед же звучал осуждающий голос настоятеля Покровской церкви отца Бориса Албенского. Девушки в зале умолкали и краснели, двое их кавалеров с деланной невозмутимостью поглаживали усы, а притаившаяся в уголке няня Фадеевна (жена буфетчика) испуганно крестилась. Положение было спасено предприимчивой Любочкой. Заговорщическим шепотом она предложила навестить соседку, свою подругу Екатерину. Марковну, по легкому нездоровью оставшуюся сегодня дома. Короткое обсуждение, идея одобрена. Фадеевна - наперсница всех тайн - укутала девушек в шали и душегрейки, и все общество, в составе Кати, ее двух сестер и братьев Татищевых, минуя полумрак коридоров, спустилось в сад и, проскользнув через скрытую в заборе калитку, вскоре уже поднималось по балконным ступеням соседнего дома. Неприбранная девка проводила гостей до дверей гостиной и распахнула их. В комнате плотными клубами плавал табачный дым. В руках Екатерины Марковны и сидящего прямо на ковре молодого человека, почти подростка, дымились трубки. Увидев гостей, хозяйка поспешила навстречу:

- Как я рада! Господа, кто незнаком, рекомендую - Александр Пушкин, мой кузен, сосед, любимец муз.

Пушкин поклонился, живо вскочив:

- Да мы знакомы уж тысячу лет, вот разве что их сиятельства...

Мужчины сдержанно представились. Пушкин метнул насмешливый взгляд в сторону помрачневшего Алексея Татищева. Минутная неловкость была развеяна Любовью Александровной:

- А ведь мы в шарады пришли играть, так идемте же, а то здесь тесно и танцевать нельзя.

Компания перешла в залу. Подали свечи, их огоньки заискрились в зеркальных простенках. Разделившись на две партии, разыграли несколько шарад, с хохотом переодевались в извлеченные из сундуков камзолы и кирасы прадедовских времен. Партия Пушкина, в которой кроме него были заняты Катя и меньшей Татищев, проиграла, пришлось отдавать фанты. Хозяйка села за клавикорды, спиной к обществу. Подглядывая в зеркала, она говорила, что делать проигравшему фанту. Екатерине Александровне выпало, надев кирасу, залезть на высокую тумбу и принять позу Афины. Она смутилась, казалось, вот-вот заплачет, умоляюще взглянула на Пушкина. Он спас ее: с канделябром в руке мигом взобрался на постамент, скрючившись и гримасничая, напоминая чертенка. Самого Пушкина Ивелич, также подсмотрев, приговорила сочинить экспромт. Он молча уселся у камина на корточках... Через несколько минут, когда хозяйка начала наигрывать вальс, непринужденно подошел к Екатерине

Александровне:

- Позвольте...

Она подала руку, и он повел ее легко и свободно, став, словно выше ростом, чуть откинув курчавую голову. Светлые глаза были задумчивы и грустны. Сказал тихо:

- Я хочу оплатить свой фант.

Затем произнес ей на ухо несколько фраз. Катенька вспыхнула. Кончилась музыка. Ивелич, как всегда бесцеремонно, спросила:

- И что это вы шептали сейчас Катрин?

Пушкин рассмеялся: вы все видите! Я вас разочарую, то был всего лишь мадригал.

Екатерина Александровна растерянно искала глазами Татищевых и, не видя их, вопросительно посмотрела на сестру. Люба серьезно сказала:

- Боюсь, что их сиятельства уехали по-английски, не прощаясь...

ФАКТЫ

«То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья...»¹⁷

Читатель, несомненно, догадался, что очерк «У соседей» - всего лишь вымысел, один из возможных вариантов утаенной Маевским правды о близком знакомстве Пушкина с Катенькой Буткевич, о ее разрыве со своим женихом Алексеем Татищевым. Однако и тут есть исторически верные факты и вполне обоснованные догадки.

Однако, прежде чем обратиться к этим фактам, необходимо, как кажется, подчеркнуть, что соображения, положенные в основу нашего рассказа, являются только гипотезой. Гипотезой, выдвигаемой впервые, никогда ранее не рассматриваемой, не разрабатывавшейся и, следовательно, не подтвержденной на сегодня научным пушкиноведением.

Суть ее в следующем. Пушкин и Катерина Буткевич познакомились вскоре после выхода поэта из Лицея. Это было естественным следствием близкого соседства, общих знакомых, необыкновенной красоты девушки, влюбчивости Пушкина тех лет, обаяния его личности.

Возникшее между ними взаимное увлечение явилось причиной расстроившейся свадьбы Катерины Александровны с Алексеем Татищевым, последовавших затем позора и бесчестия ее в глазах общества, скандала в семье, «тайны» Маевского.

Для Пушкина отчаяние скомпрометированной девушки, бесперспективность дальнейших отношений, вся разыгравшаяся затем трагедия неравного брака стали одной из причин, заставивших поэта покинуть Петербург в 1819 – начале. Глубоко скрытое в душе Пушкина чувство симпатии к Катерине Александровне и непроходящее сознание вины за ее исковерканную жизнь неоднократно находили отражение в его творчестве на протяжении всей жизни поэта.

Совокупность этих предположений и является нашей гипотезой.

Естественен вопрос: как могло случиться, что подобная гипотеза, фактически претендующая на обоснование новой тематической нити в творчестве Пушкина и не подкрепленная каким-либо новооткрытым документальным материалом, не была ранее выдвинута и разработана пушкиноведением? Думается, причина в том, что при изучении жизни и творчества поэта эта нить просто не просматривается. Она выявилась только в результате субъективного интереса автора к биографии Стройновской, к жизненным перипетиям ее петербургских и казанских родственников, ко всему кругу знакомых этой семьи.

Теперь о фактах. Стройновская заинтересовала пушкинистов, как все и вся, что нашло отражение в творчестве поэта. Это явилось следствием свидетельств двух очевидцев - близких друзей Пушкина Плетнева и Нащокина, документально подтвердивших, что гордая графиня, упомянутая в «Домике в Коломне»¹⁸, - девица Буткевич, вышедшая за старика графа Стройновского. Третьим был Маевский. Но, вопреки его «роковой» реплике, которая упоминалась выше, простая логика подсказывает, что семьи Пушкиных и Буткевичей, живя в близком соседстве и имея немало общих знакомых, вполне могли быть знакомы между собой. Однако, могли или были? И кто же эти общие знакомые? Снова обратившись к хронике Маевского, назовем некоторых из них, тех, кто постоянно бывал в доме Буткевичей.

Ближайший друг Александра Дмитриевича архиепископ Иринеи - глава Псковской епархии, куда входило и пушкинское Михайловское. Писатель Дмитрий Иванович Хвостов, хорошо знакомый с отцом, дядей, а в дальнейшем и с самим поэтом. Настоятель Коломенской церкви Покрова Борис Албенский - человек даже по долгу службы близкий обоим домам и постоянно бывавший в них. Семья Ивеличей - родственников и близких знакомых Пушкиных. Илья Александрович Болтин - племянник Александра Дмитриевича, приятель Баратынского, Дельвига, Льва Пушкина. Флигель-адъютант Шемиот - троюродный брат Пушкина¹⁹. Наконец, лейб-медик Николай Федорович Арендт - домашний врач обеих семей... Можно упомянуть и других общих знакомых, но и названных вполне достаточно, чтобы утвердиться в том, что по тем временам Пушкины и Буткевичи не могли не быть знакомы между собой. Близки они, возможно, не были, но кланялись друг другу и в дома при необходимости заходили. Мы уже рассказывали о внешней стороне жизни в доме Александра Дмитриевича. Ну, а каким был домашний уклад в семье Сергея Львовича? Сам поэт не раз жаловался на скардность своего отца, стеснялся бедности их дома. Действительно, денег в семье всегда не хватало. Жили незначительными доходами со своей части Болдинского имения и Михайловского. Ни Сергей Львович, ни Надежда Осиповна не умели, да и не хотели заниматься хозяйством... Доходило до того, что когда в доме собиралось несколько гостей, то посуду занимали у соседей, возможно, у тех же Буткевичей.

Однако была и другая сторона. Своей родословной, восходящей ко времени Александра Невского, Пушкины могли гордиться. За шесть столетий их предки породнились с самыми аристократическими и знатными русскими фамилиями. Да и образованности, умения представлять им было не занимать. Двери гостиных высшего света Петербурга были всегда открыты перед четой Пушкиных и Василием Львовичем. И напротив, при всем достатке Буткевичей их родословная насчитывала немногим более двухсот лет, да и неизвестно,

знали ли они ее толком, и уж во всяком случае не имели основания гордиться своими бедными казанскими родственниками...²⁰

Поэтому понятно, что им должны были импонировать знатность и связи соседей (ведь дочерей надо было пристраивать), а Пушкины были заинтересованы в знакомстве скорее с другой, чисто житейской стороны, тем более - после «удачного» замужества Екатерины Александровны.

Ну, а главное? Были ли знакомы Катенька Буткевич и юный поэт? Современники и мемуаристы либо молчат, либо категорически говорят «нет»; неразобранные архивы хранят свои тайны... И нам ничего не остается, как обратиться к самому Пушкину, к строкам его творчества, хотя мы заранее знаем, что и в них нет однозначного ответа, нет даже имени Екатерины Стройновской.

МАДРИГАЛ

«И, наклонясь, ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал,
И руку жмет...»²¹

Среди мелких стихотворений Пушкина, созданных им в ранний послелицейский период, есть четверостишие, ничем особо не примечательное, - типичный салонный мадригал:

«Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу все то же»²²

Тем не менее, к нашему рассказу оно имеет самое непосредственное отношение. Впервые мы находим его в тетради стихов, подготовленных Пушкиным к печати до его отъезда в ссылку на юг в 1820 году. Здесь оно озаглавлено «Экспромт» и не датировано²³. Как известно, в отсутствие поэта его первый сборник стихов не был издан, и Пушкин, уже будучи в Михайловском, в 1825 году снова редактирует его, придирчиво оценивая достоинство и возможность публикации каждого стихотворения, исключая ряд одних и дополняя другими, вновь созданными. Однако наш мадригал он оставляет, только меняет заглавие. Перечеркнув «Экспромт», он ставит в заголовке три буквы - «К.А.Б.***» и тем самым из безымянного делает четверостишие посвященным определенному лицу²⁴.

В таком виде оно и появляется на страницах первой книги поэта в 1826 году. Спустя три года, выпуская две первые части собрания своих стихотворений, Пушкин снова публикует строки, посвященные К.А.Б., несмотря на всю, казалось бы, их незначительность и каламбурную банальность. Мало того, параллельно с изданиями 1826 и 1829 годов мадригал еще дважды печатается за его подписью в альманахах²⁵, изданных в 1827 и 1830 годах.¹ Создается впечатление, что, поступая так,

¹ В этой связи заслуживают внимания два других, очень схожих как по форме, так и по каламбурной игре слов мадригала, написанных в тот же период: Е.П. Бакуниной

«Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей»²⁶.

Пушкин напоминает о чем-то тому таинственному лицу, что скрыто за инициалами К.А.Б. Эти три буквы так и оставались не расшифрованными до последнего времени, и мы, следуя нашей гипотезе, попытались восполнить этот пробел.

Прежде всего, надо вспомнить, что среди 37 имен своего шуточного «Дон-Жуанского» списка, занесенного накануне женитьбы в альбом Елизаветы Ушаковой, он «увекочил» четырех Екатерин, причем все они названы просто: Катерина-1, Катерина-2 и так далее²⁹. Поэтому под инициалами К.А.Б. вполне могло быть скрыто интересующее нас имя. Простудировав книгу Л.А.Черейского «Пушкин и его окружение», мы из двух с половиной тысяч упомянутых в ней лиц выбрали всех представительниц прекрасного пола, имевших до или после замужества инициалы К.А.Б. Оказалось, что за всю жизнь Пушкина в числе его знакомых, как точно установленных, так и возможных, такие инициалы принадлежали только четырем:

Екатерине Александровне Бакуниной,
Екатерине Андреевне Бороздиной,
Екатерине Александровне Булгаковой,
Екатерине Александровне Буткевич.

Дальше методом исключения следует, что Екатерина Александровна Бакунина - мать первой платонической любви Пушкина Е.П. Бакуниной - была на 22 года старше поэта, то есть почти ровесницей его матери Надежды Осиповны. Лицеист Саша Пушкин был с нею знаком, как и со всем семейством Бакуниных. Но невозможно допустить, чтобы семнадцатилетний юноша, в условиях приличий того времени, мог позволить себе обратиться к матери своей возлюбленной на «ты», да еще в таком фривольно-легкомысленном тоне. Ясно, что стихотворение посвящено не ей. Екатерина Андреевна Бороздина, как и Екатерина Александровна Булгакова, отпадают, так как знакомство их с Пушкиным состоялось много позднее написания стихотворения, то есть 1817 - 1818 годов. Остается Екатерина Александровна Буткевич.

А если так, то понятно, почему в 1825 году поэт, готовя публикацию своих стихов, меняет заглавие экспромта, написанного и поднесенного

И «В альбом Сосницкой»

«Вы съединить могли с холодностью сердечной
Чудесный жар пленительных очей.

Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;

Но кто не любит вас, тот во сто крат глупей²⁷»

Пушкин при жизни, не счел возможным их опубликовать, и они появились в печати лишь после смерти поэта²⁸.

Катеньке Буткевич в самом начале их знакомства. Ведь издать свой сборник стихов Пушкин намеревался и готовился еще в 1819 году, во время или сразу после трагедии, разыгравшейся в доме Буткевичей и имевшей скандальный резонанс в светском обществе Петербурга. Тогда ни к чему не обязывающее заглавие над стихотворением надежно скрывало его истинный адресат. Спустя же шесть лет Катеньки Буткевич уже не было. В своем имении, в глуши Новгородской губернии жила графиня Екатерина Александровна Стройновская, и Пушкин, восстанавливая правду прошлого, решительно меняет «Экспромт» на «К.А.Б.***».

... Мы начинали этот рассказ с портрета Стройновской, написанного на рубеже 1830-х годов, в пору ее зрелости, после ряда томительных лет первого замужества. Но время донесло до нас и другое изображение - миниатюру, на которой она запечатлена, вероятно, вскоре после свадьбы, то есть в 1819 - 1820 году. Миниатюра была опубликована Н.О. Лернером в первом выпуске журнала «Наша старина» за 1917 год, где он писал, что хранится она в семье двух сестер, урожденных Марковых, мать которых была крестницей Екатерины Александровны. Вторично эта миниатюра воспроизводилась уже в наше время в зарубежном каталоге и находилась в парижской коллекции Сержа Лифаря. Нам дорог именно этот портрет Стройновской, потому что такой она была, живя в родительском доме в Коломне у Покрова.

Такой знал ее Пушкин, посвятивший ей свой мадригал.

ПРООБРАЗ КАРЛЫ ЧЕРНОМОРА

За строкой «Руслана и Людмилы»

«Известно, - писал пушкинист Щеголев, - что Пушкин, отдавая в печать свои стихи, всегда старался уничтожить все намеки, которые могли бы помочь добраться до действительности».

Так было и с несколькими строками из IV песни «Руслана и Людмилы», исключенными им из текста поэмы при втором ее издании, в 1828 году. Какие же реалии читались в них? Чтобы ответить, заглянем в его жизнь, в декабрь 1818 года. Пушкин живет в доме родителей, на окраине Петербурга, в Старой Коломне. Его дни заполнены светской суетой, встречами с друзьями, легкомысленными и краткими сердечными увлечениями, участием в литературных сборищах, театром, творчеством. Причем творчеством, пожалуй, в последнюю очередь. За весь год написано всего лишь около двадцати стихотворений, да и то в большинстве эпиграмм, мелких набросков. Урывками продолжает создаваться «Руслан и Людмила».

18 декабря 1818 года Александр Тургенев пишет в Варшаву находящемуся там Петру Вяземскому: «... Сверчок (арзамасское прозвище Пушкина - Б.Б.) прыгает по бульвару и по б... », Стихи свои едва писать успевает. Но при всем беспутном образе жизни его он кончает четвертую песню поэмы...».

Ох, уж этот беспутный образ жизни! Друзья вразумляют, Тургенев с Карамзиным нравоучениями замучили... А тут еще дома житья не стало. И все из-за кузины любезной, Екатерины Марковны. Казалось бы: сама стихи марает, все им написанное наизусть помнит, сестры Ольги подруга задушевная, и на тебе - насплетничала матери о его сомнительных знакомствах... И откуда только все знает?... Старая дева, гусар в юбке... Ну да ладно, он еще припомнит ей эти сплетни... Да кабы только это душу терзало! Ведь вся Коломна, весь свет языки чешет. Еще бы! Такое событие, такой нонсенс! - одну из первых петербургских красавиц, девятнадцатилетнюю соседку его милую, Катрин Буткевичеву, просватали за старикашку-миллионера. Ему же уже за семьдесят!! Тургенев рассказывал, что на обеде у «жениха» только и разговору было, что о предстоящей свадьбе. И не стесняется развратник старей. Ведь он же, в сущности, просто купил Катюшу, как девку крепостную. Когда, бишь, они венчаются? Говорят, что в конце января... Вот тебе и Валериан Стройновский! А что он знает о нем? Ну, старик, граф, сенатор, миллионер, живет тут же рядом в Коломне... Что еще?

За окном зимнее петербургское утро. Пушкин лежит на постели в полосатом бухарском халате, на голове ермолка. Возле кровати - стол, на

нем книги, бумаги. Он стремительно пишет, зачеркивает, кусает огрызок пера, снова пишет:

« Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же - честь и слава им! -
Женитьбы наши безопасны...
Их замыслы не так ужасны
Мужьям, девицам молодым...
Все к лучшему: теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных,
И девушек худых и бледных,
Пророчит, издает журнал -
Дела достойные похвал!»

Это вступление к четвертой песне «Руслана и Людмилы». Таким было оно в первом издании поэмы летом 1820 года. Ни черновых, ни беловых автографов этого отрывка не сохранилось, и мы не знаем его вариантов, возможно, отражавших оттенки искрометной и злой иронии поэта, спрятанной за балагурным и шутливо легким бегом стиха. Но Пушкин всегда предельно конкретен, и колдун здесь - это не просто абстракция, синоним злого волшебника; вероятнее, что это вполне реальное лицо, скорее всего - старик граф Стройновский. Такое предположение, конечно, требует доказательств. Мы постараемся привести их, но прежде процитируем еще несколько фрагментов из писем Александра Тургенева к Вяземскому с нашими короткими комментариями.

«2 октября 1818 года... У Жуковского - субботы, и стекается множество празднующихся авторов и литераторов...» С осени этого года Жуковский жил рядом с Пушкиным, Буткевичами и Стройновским в Коломне, у «арзамасца» А.А. Плещеева, где у него постоянно бывали Тургеневы, Дельвиг, Баратынский и другие друзья Пушкина. Здесь Пушкин читал им отрывками свою поэму по мере ее написания.

«23 октября 1818 года. Письмо твое, милый друг, получил исправно вчера и вчера же... отдал Карамзину, с которым обедал у Козодавлева...» Осип Петрович Козодавлев - министр внутренних дел, близкий знакомый и приятель графа Стройновского. Следующее письмо дает основание думать, что и он был на этом обеде. «12 ноября 1818 года. Если успею, допишу письмо завтра. Теперь голова кружится, а желудок ворчит от нетерпения и готовясь на польский обед к Стройновскому». Тургенев говорит о предстоящем обеде «по-польски» мимоходом, как о житейской

мелочи. Но для нас это свидетельство знакомства и общения со Стройновским людей из ближайшего окружения Пушкина того времени. «3 декабря 1818 года. Книгу о магнетизме постараюсь отыскать и прислать к тебе. Мне подарил ее автор. Пушкин уже на четвертой песне своей поэмы, которая будет иметь всего шесть». Имеется в виду книга «Живой магнетизм, представленный в историческом, практическом и теоретическом содержании», СПб, 1818г. Автор этой книги Д.М. Велланский, известный профессор медицины и философ, в письме к приятелю говорил о своей книге следующее: «Она отпечатана в половине прошедшего августа (1818г. - Б.Б.) из всех почти мест России приходят ко мне требования на оную... а наипаче русские врачи изъявляют мне благодарность свою».

Строки из письма Тургенева от 18 декабря о времяпрепровождении Пушкина в те дни были приведены выше. Воздержимся пока от продолжения этих цитат, так как следующие интересующие нас выдержки относятся уже к письмам Тургенева 1819 года, и обобщим все предыдущее.

Несколько слов о Стройновском. Граф Валериан Венедиктович Стройновский родился в 1747 году. Владелец обширных имений в Прикарпатской Украине. Получил блестящее европейское образование. Был доктором права и медицины, тонким ценителем и знатоком искусств. После 1812 года - сенатор от Межевого департамента, действительный тайный советник. Отставлен от дел в начале 1820-х годов. Умер в 1834 году. Автор нашумевшей книги «О условиях помещиков с крестьянами» (Вильно, 1809г.) и «Всеобщей экономии народов...» Ч.1-4.(СПБ,1817г.).

Племянник Стройновской Н. Маевский писал, что, имея медицинское образование, граф до старости считал себя великим врачом-практиком, и вслед за сочинительством пространных трактатов по политэкономии его другой страстью было лечить всех и каждого. Друзья, знакомые, родственники должны были выслушивать его длиннейшие консультации и делать вид, что пользуются его рецептами. Как большинство старых людей, Стройновский был в определенной степени представителем своего, уже ушедшего, 18-го века, оставался верен тому, что интересовало когда-то поколение его сверстников. И если в этом плане говорить о медицине, то наиболее новым и сенсационным в конце 18-го века было учение Фредерика Месмера (1734-1815), названное по его имени месмеризмом, а точнее, жизненным месмеризмом (т.е. магнетизмом). Применяя свой метод лечения, Месмер имел громадную практику в Вене и в Париже. Он утверждал, что переводит на больных таинственные магнитные истечения (флюиды), прикасаясь к ним пальцами, или проводя около их тела движения (пассы) руками. Шум, который он наделал своим лечением, и обстановка, при которой оно производилось

(на сеансы собиралась масса народа, имелись отдельные кабинеты: по-видимому, не всегда соблюдались правила благопристойности по отношению магнетизера к пациенткам), побудили французскую Академию наук к специальному исследованию его методы. Было дано заключение, что животного магнетизма не существует, что все это отчасти обман или результат воображения.

Биография Месмера во многом сходна с биографией Стройновского. Он тоже изучал в Вене сначала право, а затем медицину, стал доктором того и другого, был любителем и знатоком изящных искусств. Не исключено, что они были лично знакомы и Стройновский в свое время тоже увлекался магнетизмом. Успех книги Велланского вполне мог послужить престарелому и вряд ли обладавшему силой магнетизера эскулапу поводом для применения в 1818 году этого метода среди его петербургских знакомых, особенно женского пола. Маевский же не упоминает об этом, так как слишком прозрачен и не двусмысленен намек Пушкина:

«...теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных
И девушек худых и бледных...»

Указанные выше книги Стройновского, конечно, тоже были известны Пушкину. В его ближайшем окружении, начиная с Николая и Александра Тургеневых и кончая Карамзиным и Дмитриевым, шла горячая по их поводу полемика. Но Пушкин понимал, что, несмотря на призывы Стройновского к освобождению крестьян от крепостного рабства без права собственности на землю и его пророчества, что иначе Россия все больше будет отставать в своем национальном развитии от Запада, что ей не избежать народных волнений и бунтов, его позиция отличалась от крайне крепостнической скорее по форме, чем по существу. Что панический страх перед реформами, предложенными Стройновским, таких монстров, как попечитель Московского учебного округа П.Н. Голенищев-Кутузов, которому даже Карамзин казался якобинцем, так как, по его словам, превозносил книгу Стройновского и в его кругу ее читали с восхищением, не был обоснован. Что скорее прав был Н.М. Лонгинов, иронически называвший Стройновского «поборником свободы русских крестьян и величайшим тираном крестьян собственных», поскольку последний, владелец многих тысяч душ, так и не перевел их в «свободные хлебопашцы». Точку в этих спорах поставил Александр II, написавший: «В упомянутой книге ничего похожего всем нашим опасениям я не нашел», и, как считали современники, именно за эту книгу, несмотря на все ее мрачные пророчества, даже произвел Стройновского в сенаторы.

с 1815 по 1820 годы в Петербурге выходил журнал «Дух журналов», редактором которого был Г.М. Яценко. При издании журнала он пользовался содействием (скорее всего финансовым) «почтенных особ», пожелавших остаться неизвестными. Освещая разные стороны общественной жизни, этот журнал, будучи, в общем, консервативного направления, отдавал дань модным либеральным течениям. Печатал переводы известных европейских экономистов, таких как А. Смит, Сисмонди и других, «являлся органом партии защитников свободной торговли», поддерживал школу физиократов, активным сторонником и пропагандистом которой был Стройновский. В крестьянском вопросе журнал стоял на крепостнических позициях, в статье некоего Правдина ратовал за перевод всех оброчных крестьян на барщину, что фактически повторяло предложения Стройновского. Все это позволяет предположить, что одной из «почтенных особ», финансирующих журнал, был Стройновский. Всю эту деятельность престарелого «поборника» свободы Пушкин уместил в две иронические строчки:

«Пророчит, издает журнал -
Дела, достойные похвал!»

Думается, что рассмотренное начало IV песни «Руслана и Людмилы» было написано Пушкиным в ноябре 1818 года^{II}, когда, вероятно, состоялась или была объявлена помолвка Стройновского с Катериной Буткевич, естественно, вызвавшая широкий скандально-насмешливый резонанс в светских салонах Петербурга и бесконечные сплетни, и пересуды коломенских обывателей. Но, несмотря на это, Пушкин до последнего дня, до самой свадьбы не мог верить, что это все-таки произойдет. И кто знает, не отголоском ли тех дней стали потом его строки:

«Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу...

или слова Маши Троекуровой в «Дубровском»: «Нет, - отвечала она. - Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского... Я не обманывала. Я ждала вас до последней мину ты...».

Однако он наступает, этот, для юного Пушкина, нелепый, противоестественный, тяжкий, как дурной сон, день. В метрической книге Покровской, что в Большой Коломне, церкви 29 января 1819 года

^{II} Эта датировка не противоречит анализу черновиков в книге С.А. Фомичева «Поэзия Пушкина» стр.45

появляется запись: «Господин тайный советник, сенатор и разных орденов кавалер граф Валериан Стройновский венчался с дочерью генерал - лейтенанта Александра Дмитриевича Буткевича Екатериной Александровной. Жених вдов, а невеста девица». Поручителями были, Министр внутренних дел Осип Петрович Козодавлев, сенатор и кавалер Павел Пуцин, генерал-лейтенант и кавалер Александр Буткевич. Эти поручители интересны как ближайшее окружение жениха и невесты. О.П. Козодавлев, конечно, поручитель со стороны жениха. Он был всего лишь на семь лет моложе графа. Вероятно, основой их дружбы и многолетнего знакомства было сходство общественных интересов и взглядов. Павел Петрович Пуцин, скорее, поручитель со стороны невесты. Жил через дом от Буткевичей, за углом, по Большой Садовой. Его родной брат, Иван Петрович, был отцом друзей Пушкина - декабристов Михаила и Ивана Пуциных. Пушкин был знаком и с сыном поручителя, Петром Пуциным. Мы не располагаем какими-либо документальными материалами или свидетельствами о подробностях этого венчания и, естественно, бывшего за ним торжественного обеда или ужина. Не знаем, кто, кроме, несомненно, многочисленных зевак, присутствовал на церковном обряде, кто был приглашен за свадебный стол... По запискам Маевского можно предположить, что, кроме поручителей, в церкви и на свадебном обеде могли быть вся семья Буткевичей, их сосед генерал-лейтенант Ивелич, тоже с семейством, граф Д.И. Хвостов, его двоюродный брат А.С.Хвостов, старшая дочь А.Д. Буткевича (от первого брака) Варвара Татищева с мужем Александром Ивановичем, через шесть лет председателем Верховного суда над декабристами... А со стороны жениха? Здесь трудно говорить. Мы не знаем петербургских приятелей и знакомых Стройновского. Возможно, их было тоже не мало, включая и А.И. Тургенева. Могли быть и Пушкины. В любом случае, эта свадьба была «эпохальным» событием в размеренной и скучной жизни петербургской Коломны. Проходят первые две недели «медового месяца молодых». В эти дни Пушкин заболевает.

12 Февраля 1819 года А. Тургенев пишет Вяземскому: «Пушкин слег, старое пристало к новому, и пришлось ему опять за поэму приниматься...» Наверное, тогда и были написаны строфы, бывшие заключительными в IV песне поэмы:

« Что будет с бедною княжной!
О страшный вид! Волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой Младые прелести Людмилы;
К ее пленительным устам

Прильнув увядшими устами,
Он, вопреки своим годам,
Уж мыслит хладными трудами
Сорвать сей нежный, тайный цвет,
Хранимый Лелем для другого;
Уже... но бремя поздних лет
Тягчит бесстыдника седого -
Стоная, дряхлый чародей,
В бессильной дерзости своей
Пред сонной девой упадает;
В нем сердце ноет, плачет он,
Но вдруг раздался рога звон...» III

Тургенев - Вяземскому: «19 февраля 1819 года.... Пушкина не видел еще, но он должен быть неприступен...» (курсив наш - Б.Б.). В литературе о Пушкине мы не встречали комментария и попытки объяснить эту фразу Тургенева. Ее трудно понять иначе, как характеристику депрессивного, мрачного настроения Пушкина, его нежелания видеться и общаться с кем-либо. Что могло быть поводом к такому настроению? На основании чего Тургенев считает, что «он должен быть неприступен»? На что он намекает? Вяземский, конечно, понял смысл этого намека. В конце января того года он был в Петербурге, а может быть, и на свадьбе Стройновского. Отсюда и отсутствие упоминания о ней в их переписке.

«5 марта 1819 года. Пушкин уже на ногах и идет в военную службу...»

«12 марта 1819 года. Пушкин, которого вчера видел у княгини Голицыной, написал несколько прекрасных стихов... Он не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною...»

Вяземский - Тургеневу: «24 марта 1819 года. Пришли Пушкина стихи. Я думаю, что он ни хорошо, ни худо не делает, вступая в военную службу. Ему нужно волнение и сотрясение: пускай трясет он себя! По крайней мере фрянок^{IV} не будет...» Опять же подтверждение того, что Вяземский знает причину мрачного настроения Пушкина в те дни. Эти фрагменты писем отражают вторую, после бессильного негодования и отчаяния, столь естественную молодости реакцию на попоранную любовь - уехать, забыть, погибнуть от пули, стать героем... Ведь Пушкину всего двадцать лет!

Сопоставляя даты писем Тургенева, венчания Стройновского, болезни Пушкина, создания им четвертой песни поэмы и принимая нашу гипотезу об его увлечении Екатериной Буткевич в 1817 - 1819 годах, можно смело усматривать в обоих приведенных отрывках поэмы личное

III Строфы, изъяты Пушкиным при втором издании поэмы в 1828 году.

IV Т.е. . - важных особ женского пола (см. Даля).

отношение поэта к, возможно, драматическому для него событию - фактической продаже его возлюбленной старику Стройновскому. С присущей Пушкину в те годы блестящей и острой иронией он осмеивает ненавистного ему соперника еще до свадьбы. Когда же она свершается, он уже откровенно, с беспощадностью молодости издевается над старческой немощью жениха. Здесь он бескомпромиссен в своей насмешке, в своем страстном негодовании. Возможным возражением на наше предположение о биографических реалиях этих строф поэмы может служить следующее. В критических статьях и разборах «Руслана и Людмилы», наряду с признанным влиянием на поэму рыцарских романов и русских былинных сказок, в статье В. Сиповского («К литературной истории поэмы») есть объяснение беспомощности всесильного Черномора перед плененной им Людмилой. Оказывается, согласно одному из старинных поверий, «чародеи и волшебники «любовью» могли наслаждаться только тогда, когда она им давалась добровольно: над любовью бессильна была их наука». Думается, что такое объяснение не только не противоречит нашему предположению, но, напротив, подкрепляет его. Надежно прикрываясь этим поверьем, Пушкин предельно реалистично изобразил элементарную житейскую трагедию семидесятилетнего новобрачного. Здесь у него нет ни слова, ни намека на сказочную неизбежность сюжетной ситуации.

Пушкин не уехал, не стал военным, не сражался в горах Кавказа. В середине июня 1819 года он простудился и снова заболел, а по выздоровлению уехал к отцу в деревню. Но перед отъездом, где-то в конце июня, он написал стихотворение «Дорида»:

«В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,..
... но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали

В вариантах этих строф, связанных, как принято считать, с именем легкомысленной петербургской дамы полусвета Ольги Масон, читаем:

«...В ее объятиях забылся я душой...
Темноволосую я видел красоту...
И кудри черные и черные ресницы...
Другой мне чудились знакомые черты...»

Со слов Маевского (как и на ее портрете) мы видим Стройновскую темноволосой с синими (голубыми) глазами. Стихотворение появилось в печати в феврале 1820 года, еще до ссылки Пушкина на юг. Можно считать, что своими последними строками и вариантами к ним оно как бы открывает тот широко известный цикл лирики поэта, отражающий его «таинственную северную любовь» - загадку, так и не разгаданную пушкинистами.

Прошло восемь лет. В 1828 году поэма «Руслан и Людмила» вышла в свет вторым тиснением. Кроме указанных, Пушкиным по разным причинам был изъят из нее еще ряд строф, в том числе и тех, что, возможно, также таили в себе отголоски прежних тревожных смятений его души:

« Руслан, не знаешь ты мученья
Любви отверженной навек.
Увы! ты не сносил презренья...»

Время подлечило сердечные раны, сгладило остроту переживаний. Да и критики шумели о безнравственности отдельных строк поэмы. Всеми полузабытый восьмидесятилетний граф, окруженный вниманием и заботой тридцатилетней супруги, доживал в глуши имения свои последние годы. Уже далеким прошлым был для Пушкина 1819 год. Теперь, создавая «Онегина», он «сквозь магический кристалл» все пристальней всматривался в знакомые ему черты Татьяны, видел в ее судьбе - судьбу Екатерины Стройновской...

ПОРТРЕТ, ИЛИ «ЗАГАДКА МАЕВСКОГО»

«А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...»³⁰

По подсчетам Пушкина, он писал «Онегина» с мая 1823- го по сентябрь 1830 года. То есть почти семь с половиной лет в большей или меньшей степени, но неотступно, жил жизнью героев своего романа. Самых любимых героев всего его творчества. Отсюда понятен незатухающий интерес к вопросу о том, существовали ли реальные прообразы этих героев, и если были, то кто.

Выше мы упоминали об известном пушкинисте Николае Осиповиче Лернере - ученом, крайне осторожно и придирчиво относившемся ко всякого рода домыслам, догадкам и непроверенным фактам в вопросах, касающихся творчества и биографии Пушкина. Поэтому нам особенно ценно, что именно он не раз указывал на Екатерину Стройновскую как на наиболее вероятный прототип Онегинской Татьяны. Говоря о графине из «Домика в Коломне» (к этой повести мы еще вернемся), он пишет, что в ней «есть что-то общее с Татьяной - княгиней, и это сразу бросается в глаза. И Татьяна умела скрывать свое страдание под маской надменной светскости, окружать себя «крещенским холодом», она появляется в бальной зале, как графиня в церкви, - «толпа заколебалась..., шепот пробежал...»

Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Вез притязаний на успех...

Но для поэта она - «прежняя Таня, бедная Таня», и он знает ее грустную повесть³¹. Далее Лернер, следуя воспоминаниям того же Маевского, указывает на сходство между Таней и Катенькой Буткевич еще в их детские годы, когда Катя была так похожа на маленькую Татьяну, которая «дитя сама, в толпе детей играть и прыгать не хотела». В них обоих он справедливо видит признаки «охоты властвовать».

После разрыва с Татищевым Екатерине Александровне, как и Татьяне, «все были жребии равны», как и Татьяну, ее «с слезами заклиний молила мать...» Нельзя не согласиться со столь явной общностью черт в образах обеих женщин, не признать справедливость выводов покойного ученого. Но, продолжая развивать свою гипотезу, хотим обратить внимание читателя еще на несколько моментов.

Первое - это интереснейшая информация о том, что уже в наши дни известный ленинградский историк Владислав Михайлович Глинка в частном письме Л. Певзнер сообщал:

«... Продолжая наш разговор, касавшийся портрета Е.А. Буткевич-Стройновской-Зуровой, хочу Вас заверить, что имение, в котором он находился до 1917 года, в Старорусском уезде Новгородской губернии, именовалось Налючи... (имение Стройновских-Зуровых - Б.Б.). Касаясь своего знакомства с этим портретом, позвольте подтвердить, что впервые я увидел и запомнил его в этих самых Налючах летом 1912 или 1913 гг., когда моего отца, старорусского врача-терапевта Михаила Павловича Глинку вместе с его коллегой Г. Верманом приглашали туда по поводу болезни кого-то из семьи Зуровых... В то время как отец и доктор Верман осматривали больного, я был оставлен в гостиной, где висел ряд фамильных портретов, в том числе и определенный Вами. Какая-то девушка, кажется, гувернантка детей Зуровых, взяла на себя труд занять меня, и она-то пояснила мне, что с этой, мол, дамы Пушкин написал свою Татьяну в «Евгении Онегине». Именно поэтому я особенно внимательно посмотрел на портрет и запомнил его...» Далее В.М. Глинка пишет, что второй раз видел этот портрет летом 1924 или 1925 года в кладовой при налюческой церкви, куда он был принесен из дома священником и позднее передан в Старорусский музей.

Это свидетельство покойного ученого (в точности которого сомневаться не приходится) не только еще раз подтверждает правильность атрибуции портрета, но и наводит на следующие размышления.

Весьма странным смотрится тот факт, что, спустя сорок пять лет после смерти Стройновской, в ее доме простая гувернантка или горничная знает, что возможным прототипом Онегинской Татьяны была Екатерина Александровна, а пушкинисты не знают! И это в то время, когда уже успели написать все, что можно, и даже умереть такие корифеи пушкиноведения, как Анненков, Бартенев, Майков; когда находились в расцвете литературно-исследовательской деятельности Гершензон, Щеголев, Вересаев, Лернер, Брюсов и Цявловский. И все они ничего не знали (уж если б знали, то где-нибудь хотя бы упомянули), а прислуга в барском доме знала! Что-то здесь не так. Но, может быть, все же есть какое-то разъяснение этой загадки? Допустим, сам факт был известен в семье, известен пушкинистам, но, за незначительностью информации, у них просто руки не доходили написать... Возможно ли это? Нет, невозможно. Портрет реального прообраза Татьяны - это не мелочь, это всегда сенсация. Опять же допустим, что портрет находился где-нибудь в забытом Богом имении, в непролазной глуши Пошехонского уезда, в доме, хозяева которого и Пушкина-то толком не читали, и как звали бабу, что на портрете, запомнили... допустим, что в такой или похожей ситуации пушкинисты могли и не знать. Но вспомним:

Стройновский купил для жены имение в две тысячи душ и выстроил там большой каменный дом (в нем как раз и был Глинка), вспомним, кто были те, что жили в нем уже после смерти Стройновской. Ее второй муж Зуров (умер в 1871 году) - тайный советник, сенатор. Их сын - свитский генерал, Санкт-Петербургский градоначальник, женатый на графине Игнатъевой, дочери Петербургского генерал-губернатора... Короче, дети и внуки Стройновской-Зуровой занимали высокие ступени иерархической лестницы империи. И было это все не в Пошехонской глухомани, а рядом с Петербургом и Новгородом, Тверью и Псковом, в нескольких часах езды от Святогорского монастыря и в пятидесяти верстах от Петербурго-Московского почтового тракта. Представим, что за общество собиралось в этом доме за упомянутые сорок пять лет. Можно не сомневаться, что наравне с великосветском знатью в нем бывали и художники, и литераторы, и артисты. Нелишне заметить, что живший в пяти верстах от Налючеи, в имении Милохово, родной племянник Стройновской М.Н. Буткевич был владельцем коллекции живописи, о портретах которой писал журнал «Старые годы» в 1911 году. На этот же промежуток времени падал 1899 год, к которому вся культурная Россия долго готовилась и торжественно праздновала - год столетия Пушкина (и Екатерины Александровны - тоже).

Так возможно ли, чтобы при всем этом известные в семье факты или бытовавшие предания, касающиеся столь актуальной тогда пушкинской темы, не стали достоянием литературной общественности? Тем более что, начиная с 1855 года, имя Стройновской - сначала, правда, завуалированно, но после публикации воспоминаний Маевского в 1881 году уже открыто - всегда упоминалось в комментариях к «Домику в Коломне» и было неразрывно связано с Пушкиным, тем более для пушкинистов. Думаем, что если и возможно, то только в случае существовавшего в семье и передаваемого из поколения в поколение запрета на разговоры, касающиеся отношений Стройновской с Пушкиным, т.е. сохранения той тайны, о возможности которой мы уже говорили в связи с недомолвками Маевского. Он же, конечно, бывал в доме родной тетки и при жизни ее, и после смерти, уже у своих двоюродных братьев и племянников. Видел портрет и, наверно, слышал рассказы о том, что характер и история первого замужества Катерины Буткевич нашли свое отражение в образе Онегинской Татьяны. Но обо всем этом он умолчал. Почему? Будем считать это второй загадкой и вспомним, что первой - своим однозначным утверждением, что Пушкин не был знаком с его теткой (графиней в «Домике в Коломне») - он достиг своей цели. Все пушкинисты, ссылаясь на него, писали потом, что Пушкин и Стройновская знакомы не были. Вполне вероятно, что и вообще упомянуть о Пушкине Маевский был вынужден лишь потому, что тогда уже вышли «Материалы» Анненкова, который, со слов Плетнева, а,

может быть, и самой Н.Н. Ланской, хоть и безымянно, но говорил «о той пышной красавице», в соседстве которой жил Пушкин. Маевский, конечно, знал об этом соседстве, знал, что Пушкин и его сестра Ольга постоянно бывали гостями своей «милой кухни» Екатерины Ивелич, бывшей, в свою очередь, «задушевной подругой» его матери Любови Александровны. Об этой дружбе, об их постоянном общении Маевский говорит много и обстоятельно, но ни словом не упоминает о бывших все время рядом Пушкине, его сестре, их матери Надежде Осиповне... Или действительно не знал? Но могло ли так быть? Однако Маевский молчит. Молчит - как и о портрете в имении тетки, молчит - вопреки самой элементарной логике, которая подсказывает, что если б Пушкин и впрямь только издали любовался графинею Стройновской в церкви Покрова, пусть даже и зная трагедию ее жизни, которую отразил потом в строфах «Онегина», если бы он, живя с нею рядом и имея много общих знакомых, не был лично знаком с семьей А.Д. Буткевича, - то Маевский вне сомнения рассказал бы обо всем этом, сделав свои воспоминания подлинным культурным наследием, частью «зеркала Пушкинской эпохи». Но он умолчал. Почему? Прежде чем говорить о «третьей загадке Маевского», возьмем на себя смелость снова обратиться к творчеству самого Пушкина. И попытаемся найти в нем отзвуки интересующих нас событий.

Во-первых, вспомним, что еще П.И. Бартенев, со слов С.А. Соболевского, рассказывал о приятельнице дома Пушкиных, его соседке и родственнице графине Екатерине Марковне Ивелич, имевшей неосторожность передать матери Пушкина дурные слухи, ходившие про него в городе, и что Пушкин насмеялся над ней за это в пятой песне «Руслана и Людмилы», где она изображена под именем Дельфиры.

Второе. Пушкин говорит:

«Письмо Татьяны предо мною:

Его я свято берегу,

Читаю с тайною тоскою

И начитаться не могу». (Курсив наш - Б.Б.)

Здесь поэт настолько конкретен в каждом своем слове, что невольно возникает ощущение реальности самого предмета. Чем больше вчитываешься в эти четыре строчки, тем больше убеждаешься в том, что письмо действительно было перед ним в те минуты. Чье письмо?

Нужно отметить, что реальность существования письма Татьяны подтверждают и другие строки романа. В VIII главе написанной шесть лет спустя, уже в Болдине, читаем:

«Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где все наруже, все на воле,
Та девочка...» (Курсив наш - Б Б)

Только теперь письмо не у автора, а у его героя.
И там же:

«То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой». (Курсив наш - Б.Б.)

И еще дальше, в конце его:

«...Судьбу мою Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: Я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя...» (Курсив наш - Б.Б.)

Ни у кого из пушкинистов мы не нашли бесспорного ответа на вопросы, кричащие с этих строк! Защиты от кого? Почему должна гибнуть? Но если эти слова взяты Пушкиным из реального письма к нему, которое он свято бережет, читает с тайною тоскою... то тогда ответом могут быть слова другой его героини: «Я не обманывала, я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно...» (Курсив наш - Б.Б.)

И третье. Среди особо доверенных слуг деда Маевский неоднократно упоминает буфетчика (а точнее - дворецкого) Афанасия Фадеева, которого домашние звали коротко «Фадееч». Думается, что и жену его или старушку мать (хотя в хронике она фигурирует) тоже, скорее всего, могли звать Фадеевной. В черновиках же второй главы «Онегина» есть такие строфы, не включенные Пушкиным в основной текст:

«Ни дура английской породы,
Ни своенравная мамзель...
Не стали портить Ольги милой.
Фадеевна рукою хилой

Ее качала колыбель...»³²

Однако в третьей опубликованной главе читаем:

«Уж ей Филипьевна седая
Приносит на подносе чай...»³³

Ведь что-то побудило Пушкина изменить имя няни Лариных! На наш взгляд, это «что-то» имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой гипотезе. В этой связи интересно, что большинство приведенных нами - как в виде эпиграфов, так и в тексте - пушкинских строф, косвенно подтверждающих наши мысли, взяты из его черновых набросков и вариантов, затем либо вообще упущенных им, либо переделанных.

«ДОМИК В КОЛОМНЕ»

«Я воды Леты пью...»

Эта стихотворная повесть не раз вызывала недоумение пушкинистов. Всяк толковал ее по-своему, сходясь лишь в том, что она - одно из самых непонятных произведений Пушкина^V. В 1846 году П.А. Плетнев, которому поэт посвятил «Онегина», писал: ««Домик в Коломне» для меня с особенным значением. Пушкин вышедши из лица действительно жил в Коломне... Здесь я познакомился с ним... Следовательно, каждый стих для меня есть воспоминание или отрывок из жизни»³⁴. Эти слова очень емки; ведь ими ближайший друг Пушкина подтверждает жизненную реальность повести, биографичность каждого ее стиха... Она была написана в Болдине в октябре 1830 года. После шутливого, полемического (о формах стихотворства) вступления Пушкин начинает рассказ легко и спокойно. Однако этого спокойствия ему хватает только на две строфы:

« Усядьяся, муза; ручки в рукава,
Под лавку ножки! не вертись, резвушка!
Теперь начнем. - Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одною дочерью.
У Покрова
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, как теперь,
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.
Дни три тому^{VI} туда ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой item уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? - И что же?

^V Основной причиной этому, если не считать полемического вступления, были два приводимых нами ниже отрывка (строфы X-XII и XXI- XXIV), казалось бы, не связанные ни друг с другом, ни с основным сюжетом этой шутливой повести.

^{VI} В рукописи скачало было: «Лет пять тому...»

Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо^{VII}. Если в эту пору
Пожар его бы охватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя. Станным сном
Бывает сердце полно; много вздору
Приходит нам на ум, когда бредем
Одни или с товарищем вдвоем.
Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию;
Но кто болтлив, того молва прославит
Вмиг извергом... Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость:
Оставим это, - сделайте мне милость!»³⁵

И что ж мы видим? Стоило в памяти воскреснуть прошлому, стоило ему вспомнить как, будучи после ссылки впервые в Петербурге в 1827 году, он навестил места, где прошли три года юности, и тут же «скрытая боль раздражается бурным взрывом ожесточения и гнева»³⁶. Он точно указывает место - у Покрова, за самой будкой. А где могла находиться эта будка, как не на углу площади возле трехэтажного генеральского дома? И уже не важно, была ли здесь «смиренная лачужка» в действительности или же лишь в авторском вымысле, но высокий дом стоит по-прежнему, и Пушкин ненавидит его. Он был бы рад «озлобленным взором» видеть эти стены охваченными пламенем, - слишком много трагического, горько-тайного связано с ними в прошлом. И не странным сном полно его сердце, не вздор приходит на ум; это неумолимая память оживляет притупившиеся за годы странствий боль и вину. Но надо молчать - это не его тайна - надо задавить в своем сердце «мгновенно прошипевшую змию». Ведь иначе, если свет все же угадает, то тогда «молва прославит вмиг извергом». И Пушкин заставляет умолкнуть память^{VIII}. Он пьет из

^{VII} В рукописи было: «мрачно»

^{VIII} Этот отзвук укора совести и вины за проступок, совершенный в юности, имевший, возможно, резонанс в обществе (оставшийся нам не известным), проскальзывает у Пушкина и в «Онегине». В черновых вариантах VI главы романа читаем:

«Пора проступки юных дней
Загладить жизнью моей!
Молва, играя, очернила
Мои начальные лета.
Ей подмогала клевета

реки забвения, он просит себя, нас: «Оставим это, - сделайте мне милость». В семи последующих строфах он опять спокоен, он продолжает игривую историю. Но - не тут-то было! Ему необходимо досказать, снять с себя тяжесть молчания. И вновь в разорванной канве легкого повествования мы видим строки совсем иные, полные элегической грусти, теплоты, мягкого укора:

«... Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову - ив воскресенье
Там слушать русское богослуженье.
Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право).
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!),
Бывало, грешен! все гляжу направо,
Все на нее...
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды новой,
В своей красе надменной и суровой.
Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб...
В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня внесла.
Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам, - она была несчастна»

И впрямь: шутка соседствует с драмой, веселость души - с ее горьким ожесточением. Да и эпизод с «несчастной» графиней вроде бы никак не

И дружбу только что смешила,
Но, к счастью, суд молвы слепой
Опровергается порой»³⁷

связан с шалостями Параша и Мавруши. Но... Мавруша? Мавр? Ведь это, как известно, одно из лицейских прозвищ самого Александра Сергеевича, и, быть может... Конечно, это уж совершенно вольное допущение - а нет ли в забавном сюжете, подсказанном поэту Нащокиным, намек на какую-то близкую ситуацию, приключившуюся некогда в Коломне с самим Пушкиным - но не с Парашей, конечно? И действительно ли товарищ подсказал сюжет, а не напомнил о нем?..

В этих строфах Пушкин во второй раз (если считать «К.А.Б. ***») говорит о Катеньке Буткевич, но единственный - о страдании ее души, заключенной в золотую клетку. Его воспоминания снова точны и правдивы. Поэтому и фраза «Звали как, не помню, право» наполнена самоиронией, грустная улыбка проскальзывает в ней. Он, конечно, помнит. «Через всю поэзию Пушкина проходит одна тема - тема воспоминаний» (Д.С.Лихачев).

« Осенью 1830 года, готовясь к браку и отрываясь от своего прошлого, поэт писал прощальные стихи когда-то любимым женщинам...» - это слова пушкиниста Цявловской в одной из ее последних работ. А много лет назад она опубликовала авторизованную копию приведенных нами строф о графине, озаглавленную «Отрывок из повести». Рукопись переписана Натальей Николаевной в конце 1831 года и предназначалась для журнала «Европеец». Рукою Пушкина пронумерованы октавы, надписано заглавие, поставлена подпись. Это, кстати, единственный известный нам случай непосредственного участия Натальи Николаевны в переписке рукописей мужа. Случайность, нет ли, но безусловен бывший при этом разговор или рассказ о Стройновской, подтверждающий вывод Цявловской, что Пушкин «пришел к браку с сердцем, облегченным полной исповедью».

Однако журнал «Европеец» был запрещен, и «Домик в Коломне», уже целиком, появился в альманахе «Новоселье» лишь в 1833 году. «И если бы, - писала Цявловская, - не находение авторизованной копии... то мы никогда не знали бы, что Пушкин выделил в качестве отрывка, достойного отдельной публикации... именно эти пять октав». Думаем, что будет правильно дополнить ими «прощальные стихи» Болдинской осени.

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Предпоследнюю строфу «Евгения Онегина» Пушкин закончил словами:

«Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне -
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал».

Положенные в основу этих строк два поэтических образа - «в смутном сне» и «сквозь магический кристалл» - неоднократно комментировались пушкинистами, и, казалось бы, здесь трудно добавить что-либо новое. Но, тем не менее, вернуться к ним кажется не лишенным смысла. И вот почему.

Однажды в московском музее А.С. Пушкина проходил симпозиум, посвященный вопросам подготовки нового комментария к «Евгению Онегину» для готовившегося исчерпывающе полного академического собрания сочинений поэта. В заслушанных на этом представительном форуме докладах о «магическом кристалле» было упомянуто лишь вскользь, тема эта не обсуждалась, но в кулуарных беседах имели место самые разноречивые мнения о том, что же все-таки такое пушкинский «магический кристалл»? Причем эта разноречивость колебалась от утверждения, будто это всего лишь красивая поэтическая метафора, до предположения о том, что это нечто вроде увеличительного стекла, лорнета или подзорной трубы.

Следует оговориться, что разговор велся между молодыми участниками симпозиума, которые, вероятно, не обратили в свое время внимания на указание в примечаниях к не раз переизданному, ставшему уже стереотипным, собранию сочинений Пушкина в 10ти томах. Дословно там сказано: «Магический кристалл - небольшой стеклянный шар, применявшийся для гадания». Спор молодых филологов в сочетании со столь лаконичным примечанием, являющимся долгое время каноническим при толковании этого пушкинского термина, а также появившиеся в последние годы в научном пушкиноведении полемические суждения по этому вопросу и натолкнули на мысль попытаться с возможной тщательностью разобраться в нем и приблизиться к истине.

Существенным стимулятором послужило здесь и то, что в доме своих старинных московских знакомых я случайно увидел стеклянный шар, который, по словам владельцев, уже более века находился в семье и,

переходя по наследству из поколения в поколение, неизменно именовался магическим кристаллом. С разрешения его нынешней хозяйки я получил этот предмет во временное пользование и приступил к его «исследованию». Шар этот совершенно правильной формы, абсолютно прозрачный, диаметром 5 см и весом 150 граммов. Дальнейшая атрибуция требовала знаний специалистов, но... я обивал один за другим пороги московских музеев, причем «магическая сила», заключенная в шаре, а, вернее, любовь к Пушкину и интерес ко всему, что с ним связано, открывали передо мной двери музейных кабинетов и хранилищ, отрывали научных сотрудников от работы, заставляли с неподдельным участием и интересом находить время для беседы. Однако, начиная с музея Пушкина, а затем в музее Изобразительных искусств, Историческом, Останкинском музее творчества крепостных, Бахрушинском театральном и ряде других, - результат был один: «Нет, - отвечали мне, - подобного экспоната в наших фондах не имеется». Первый успех ждал меня в Кусковском музее. Подобного шара в их громадной коллекции тоже не было, но сотрудники музея, через руки которых прошли тысячи и тысячи изделий из фарфора, хрусталя, стекла и керамики, созданных на протяжении последних трех столетий, сказали: «Очень похоже, что это хрусталь, но не наверное. А вот что, на основании нашего опыта, можно считать бесспорным, так это время обработки, то есть изготовления, - конец XVIII - начало XIX веков. И еще. Если он не стеклянный, а выточен из горного хрусталя, то в свое время был предметом роскоши и стоил очень дорого». Затем, по совету директора Пушкинского музея Алексея Алексеевича Садовского, я направился в Музей минералогии. Здесь под линзами внушительных микроскопов внутренность шара подвергли самому пристрастному анализу. Его смотрели при разной освещенности, пробовали царапать специальными иглами, производили другие непонятные мне манипуляции. Вывод был следующий: выточен из цельного кристалла горного хрусталя «чистой воды», то есть совершенно прозрачного, без каких-либо примесей и вкраплений. Итак, наш «магический кристалл» можно было считать атрибутированным. Именно таким дорогим хрустальным шаром пользовались для гадания во времена Пушкина состоятельные люди светского общества. Следующей задачей было разобраться в комментариях пушкинистов. Первым упомянул о «магическом кристалле»

Н.О. Лернер. Этому вопросу было посвящено небольшое эссе в его «Пушкино-логических этюдах», где, после беглого обзора истории гадания при помощи стеклянных шаров и ссылок на специальную литературу (к ней мы еще вернемся), он в итоге делал вывод, что Пушкин, творя «Онегина», конечно же, ни в какой шар не смотрел и никаких поэтических «смутных снов» в нем не видел, а вспомнил о нем,

лишь создавая красивый образ, хотя и не чуждый бытовавшей в то время реалии. Начиная же свою заметку, Лернер писал, что еще в конце прошлого века ему приходилось видеть в Петербурге, в витрине посудной лавки массивные стеклянные шары, упакованные в картонки с привлекающей внимание надписью «Магический кристалл»; приказчик же пояснил, что покупают такие шары для гадания. Этот этюд Лернера, опубликованный в 1935 году, и явился первоосновой для последующих (как уже говорилось) комментариев к разбираемой строфе «Онегина». Лишь в конце 1960-х годов М.Ф. Мурьянов на страницах «Временника Пушкинской комиссии» предложил более расширенное ее толкование. Он писал, что Лернер допустил «неосторожный» перенос торгового ассортимента посудных лавок конца XIX века в дворянскую культуру первой четверти XIX века без поправки на весьма вероятную эволюцию понятия и предмета... - и далее, что - стекло является по своей физической природе веществом аморфным, а не кристаллическим, и даже по своей внешней форме стеклянный шар не имитирует природный кристалл, который, как известно, имеет только плоские грани. Именно это дает право предполагать, что первоначальный облик магического кристалла не имел никакого отношения к сфере...

На эту мысль Мурьянова последовало возражение Ю.М. Лотмана: «Вода, как известно, имеет аморфную структуру. Это не помешало Пушкину написать: «...отразилась в кристалле зыбких вод», то есть в стекле, в зеркале вод... Гадание на кристаллах действительно имело место, но в обиходе гадалок «магическим кристаллом» именовалась именно сфера». Последний по времени комментатор пушкинского романа А.Е. Тархов, обобщив мнения своих предшественников, в заключение пишет: «Какой же вывод должны мы сделать относительно пушкинского «магического кристалла»? Независимо от того, обращался ли поэт к опытам с реальным кристаллом для гадания или нет, но метафора такого гадания была для него, очевидно, самой адекватной формой изображения замысла «Евгения Онегина». Материальный инструмент для гадания - магический кристалл - Пушкин делает художественным символом своего «свободного романа», романа, «вопрошающего о будущем», исследующего движение истории и судьбы поколений».

Теперь, прежде чем продолжить разговор о «пушкинском кристалле», о его возможной реальности и значении в творчестве поэта, проведем небольшой исторический экскурс в область истории гадания, а точнее, стремления человека максимально понять скрытые возможности своего мозга, заглянуть за грань обыденного. Из многочисленных способов гадания остановимся на истории только одного, возможно самого древнего, направленного на искусственный вызов галлюцинаций посредством пристального созерцания блестящей, отражающей или прозрачной поверхности того или иного предмета.

Первые упоминания об этом способе имеются как в Библии, так и в древне-египетских папирусах четырех тысячелетней давности. Это, прежде всего гидромантика (по-гречески - «мантика» - искусство гадания), то есть когда смотрели на отражающую водную поверхность и ждали появления каких-либо образов, видений. Здесь же леканомантика, когда с той же целью направляли взгляд в наполненные маслом вазы и чаши. Затем катопрамантика - прорицание в зеркальных отражениях, оникомаптика, когда смазывали ноготь руки маслом и фиксировали на нем свой взгляд. Но на первом месте в этом, далеко не полном перечне всяких мантик, была наиболее широко распространенная за счет простоты обращения кристалломантика - гадание на полированных камнях и стеклах. Именно она и будет предметом нашего дальнейшего внимания. В упомянутой статье М.Ф.Мурьянова было совершенно правильно отмечено, что «настоящие» кристаллы для прорицания изготавливались, «как правило, из горного хрусталя, то есть кристаллического кварца, реже из берилла, а в единичных случаях из яшмы. Сферическая или полусферическая формы были отнюдь не обязательны - кристаллы делались также цилиндрическими, призматическими, либо в виде гемм или камней, вправляющихся в перстни». Интересны и литературные примеры, приведенные автором статьи, как, например, слова нюрнбергского мастерзингера Ганса Сакса: «В кристалле и берилле^{IX} я могу увидеть многое такое, что происходит за несколько миль отсюда». Или когда в «Фаусте» Гете девушки во время гулянья говорят, что колдунья показала им женихов, одной в новолуние, другой - в хрустальном шаре (перевод Б. Пастернака). Здесь уместно вспомнить и известный рассказ Герберта Уэллса на аналогичную тему, который так и называется «Хрустальное яйцо». Далее Мурьянов указывает на широкую известность кристалломанта, английского математика Джона Ди (1527 -1608гг.), «инструмент которого представлял собой тщательно отполированный кусок шотландского антрацита». Правда, эта информация несколько расходится с другими источниками. Так, в статье из английского журнала 1852 года говорится, что «кристаллы-прорицатели» не составляли исключительно принадлежность Востока. Известный доктор Ди был, можно сказать, первый волшебник, который мог похвастаться приобретением такого неоцененного сокровища... или так называемого берилла доктора Ди...» В книге же французского врача-психиатра Пьера Жане читаем: «Один англичанин, по имени Джон Ди, объехал всю Европу, проделывая чудеса с помощью кусочка хрусталя. Этот магический камень был вделан в кольцо, и желавшие могли видеть в камне все, что они желали звать».

^{IX} В цитате, здесь и далее, выделено нами - Б.Б.

Конечно, теперь уже нет возможности установить точно, какой камень-кристалл был в кольце доктора Ди: антрацит, хрусталь или берилл, тем более что в минералогии «название берилл прилагается ко всем разновидностям этого материала, название изумруд - к зеленой разновидности, а аквамарин - к разновидности цвета морской волны».

Интересно, что из сказанного выше можно сделать любопытное наблюдение. Ни в одном из приведенных, а также просмотренных нами литературных источников, изданных до середины 1840-х годов, нет термина, словосочетания «магический кристалл» (за исключением переводной английской статьи в «пушкинском» журнале «Современник» за 1852 год, но и там разбирается и критикуется «Альманах Задкиля на 1751 год», в обширных цитатах из которого часто повторяются термины: кристаллы, кристаллы-прорицатели, прорицатели стекла, хрустальные и магические шары и так далее, но ни разу не фигурирует словосочетание «магический кристалл»). Это дает основание предполагать, что сам этот термин-образ «магический кристалл» ранее не существовал и был впервые создан и применен Пушкиным.^х А если так, то почему следует считать, что этот созданный им образ подразумевал именно хрустальный или стеклянный шар? Только потому, что сферическая форма этого атрибута гадания была в его время наиболее распространенной, хотя и далеко не единственной? С тем же успехом он мог сказать так о другом предмете, например, просто куске граненого хрусталя или полированном драгоценном камне, украшавшем его трость, перстне, наконец, о своей чернильнице - «заветный кристалл хранит огонь небесный». Все это тем более вероятно, что для того, чтобы увидеть какие-либо образы, картины и тому подобное в хрустальном шаре, требовалась хоть и не сложная, но обязательная практическая подготовка: темный фон, строго определенное освещение, тишина, сосредоточенность.

Теперь о появлении самих этих образов и видений. Вот что пишет по этому поводу известный современный психиатр, член-корреспондент Академии медицинских наук профессор Л.Л. Васильев в одной из своих популярных работ, где касается темы внушенных иллюзий и галлюцинаций: «По своему происхождению галлюцинации близки к сновидениям. Это своего рода сновидения наяву. Сумеречное состояние сознания, в котором мы пребываем перед засыпанием или тотчас после пробуждения, особенно способствует появлению гипногагических галлюцинаций... (они - Б.Б.) не более таинственны, чем сновидения, и, также как сновидения, могут быть вызваны различными искусственными приемами. На этих приемах, известных еще древним народам, основаны многие виды гадания. Так, зрительные галлюцинации вызывались, когда

^х Первый перевод «Евгения Онегина» на европейский язык (немецким) был сделан в 1840 году.

гадающий упорно смотрел в кристалл (кристалломантика) или в «магическую жидкость» - воду (гидромантика), которая впоследствии была заменена зеркалом... Французский психиатр Симон выделяет категорию «физиологических галлюцинаций», проявляющихся у здоровых, даже выдающихся людей. Бальзак, описывая Аустерлицкую битву, слышал крики раненых, пушечные выстрелы, ружейные залпы; Флобер, когда писал сцену отравления госпожи Бовари, ощущал во рту вкус мышьяка, вызывавший у него рвоту... Гете мог по желанию вызывать у себя тот или другой зрительный галлюциаторный образ, который затем видоизменялся у него непроизвольно». Адекватные наблюдения и выводы находим у французского исследователя Лемана в его книге «История суеверий и волшебства». Еще на рубеже века он писал о видениях, возникающих у кристалломантов: «Таким образом, мы имеем случай восстановления совершенно забытых подсознательных представлений... Впечатления, промелькнувшие в поле сознания и, по-видимому, не оставившие никакого следа, на самом деле не пропадают безвозвратно, а воспроизводятся в видениях. Псевдогаллюцинации часто возникали в минуты внезапной «рассеянности», когда я не вполне сознавал, что вокруг меня делалось. Поэтому можно думать, что необходимым условием для вторжения бессознательных представлений в сознательную область должно быть некоторое внезапно наступающее сонливое состояние, в более легких формах сходное с простой рассеянностью... иногда оно наступает само собой, и тогда получаются самопроизвольные галлюцинации, но иногда оно может быть вызвано искусственно такими гипнотизирующими приемами, как смотрение на блестящие поверхности... оно наиболее сходно с состоянием полусна, когда человек еще грезит, но уже многое сознает и из окружающей действительности... когда, вследствие ослабления произвольного внимания, бессознательные представления получают возможность проскользнуть в сознание».

Когда-то Сенека сказал: «Не было еще гения без некоторой доли безумия». Этой божественной долей был, безусловно наделен и гений Пушкина. Его «Онегинская» строфа, где в единый смысловой и поэтический образ сплетены «смутные сны» и виденье «сквозь магический кристалл», в контексте с приведенными выше историческими и научными фактами и наблюдениями дает, прежде всего, основание считать, что Пушкин знал о существовании состояния дивинации, искусственно вызываемой при помощи кристалломантики. Не было ли это состояние свойственно ему самому? Здесь мы невольно вторгаемся в святая святых, в таинственный мир психологии гения и, конечно, не можем получить однозначного ответа на поставленный вопрос. Но все же?

На протяжении всей творческой жизни Пушкина не только в его поэзии, но и в прозе периодически появляется тематический повтор, характеризующий определенное состояние поэта. Вот несколько наиболее ярких примеров:^{XI}

1820г. «Тогда, рассеянный, унылый,
Перед собою, как во сне
Я вижу образ...»⁴²

1821г. «И музу призывал
На пир воображенья.
Прозрачный легкий дым
Носился над тобою.
В нем быстрой чередою...»⁴³

1824 г. «Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?»

1824 г. «Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья...»⁴⁵

1830 г. «И постепенно в усыпленье
И чувств и дум впадает он,
А перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон...»⁴⁶

1830 г. «...в смутном сне
Явились впервые мне...»⁴⁷

1830 г. «Люблю летать, заснувши наяву» ...⁴⁸

1832г. «Он у чугунного камина
(Лениво наяву дремал).

Видений сонных перед ним
Менялись тусклые картины»

1833г. «Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...

Трепещет и звучит, и ищет, как во сне
Излиться наконец свободным проявленьем...»⁴⁹

1835 г. «Чарский чувствовал то благодатное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами и вы обретаете живые, неожиданные слова для воплощения видений ваших... погружен был душою в сладостное забвение...»⁵⁰

Здесь трудно сохранить ортодоксальное восприятие и не увидеть в этих, как всегда прекрасных, пушкинских строках, написанных с никогда не

^{XI} Ср.: Гершензон М.О. «Статьи о Пушкине». МЛ926, с.60-68.

изменявшей ему точностью слов и эпитетов, одной общей темы, раскрывающей механизм появления перед взором поэта видений, рожденных воображением, находящимся в состоянии полусна-полуяви, то есть, говоря языком сегодняшней науки, галлюцинаторных образов. А если допустить, что подобные моменты имели место в процессе его творчества, то возникает закономерный вопрос: были ли они произвольного характера? или же Пушкин, подобно Гете, обладал способностью вызывать их искусственно, силой самовнушения? Второе предположение не исключает и возможности концентрации при этом зрительного внимания на каком-то предмете, тайна которого была лишь раз доверена нам в неповторимо красивом поэтическом образе - «магический кристалл». Если допустить конкретную реальность этого образа, то есть, что и здесь Пушкин точен и что опозитивированный им предмет действительно был у него, то, конечно же, это не хрустальный или стеклянный шар. Более чем абсурдно представить ситуацию, что Пушкин в поисках нужного слова, образа, плана произведения доставал из стола или кармана подобный шар, затемнял его ширмами и затем высматривал в нем что-то, облегчающее ему «муки творчества». Даже мысль об этом близка к кощунству. Но что же тогда он имел в виду? И заметьте, «даль свободного романа» он видел не в кристалле, а «сквозь» него - опять же удивительная, подчеркнутая точность смысла.

В своем поэтическом хозяйстве поэт семь раз обращается к слову «кристалл», причем всегда использует его как красивую метафору. В хронологической последовательности это выглядит так. В еще лицейском «Воспоминании о Царском Селе» - «И отразилась в кристалле зыбких вод», то есть в зеркале, стекле. В «Руслане и Людмиле» - «прибор из яркого кристалла», волшебная посуда из драгоценного цветного стекла или хрусталя. Затем, уже в Кишиневе, он пишет: «Заветный твой кристалл...» - чернильница, опять же из стекла, хрусталя, камня? (Исследователи справедливо видят здесь ассоциацию с «магическим кристаллом»). Там же на юге - «кристаллом покрывал недвижные струи», то есть льдом (греческое «кристаллос» - лед). В Михайловском - «кристалл, поэтом обновленный», - скорее всего кубок, бокал (только из чего?), подаренный Пушкину Языковым. Там же, в «Онегине» - «Зизи, кристалл души моей...» - звезда, богиня красоты, огонь. (Можно сравнить с вероятно известным Пушкину поэтическим образом французского писателя Делиля в его поэме «Сады»:

«Богиня эта... (богиня красоты - Б.Б.)
Сверкающий кристалл подняв над головой,
В свеченьи радужном меняет облик свой».

И, наконец, «магический кристалл» в «Онегине» - как считается, стекло, хрусталь или камень. Однако следует отметить, что слово «хрусталь» никогда не служит у Пушкина метафорой, а почти всегда конкретно: «В дверях сеней твоих хрустальных...; Выстроил хрустальный дом...; Гроб качается хрустальный...; Духи в граненом хрустале». Чем же дополняют этот небольшой анализ лексики поэта наши предположения? Думается, что они еще раз подтверждают мысль о том, что, будь у Пушкина реальный хрустальный шар (говорить о стеклянном шаре столь же бессмысленно, как допустить, что Наталья Николаевна носила поддельные брильянты или позолоченные кольца), то и в «Евгении Онегине» мы читали бы: «Сквозь магический хрусталь». Стеклянные же шары, будучи всего лишь ширпотребом, вполне закономерно нашли в итоге себе место в посудных лавках Петербурга.

Теперь, прежде чем предложить нашу гипотезу, остановимся еще на двух моментах, непосредственно ей предшествующих. В статье М.Ф. Мурьянова в качестве литературного примера, подтверждающего его доводы, приведен отрывок из сказки Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок»:
«...Быстро сняв с левой руки перчатку и поднеся к глазам студента перстень с драгоценным камнем, сверкавшим удивительными искрами и огнями, он сказал:

-Смотрите сюда, дорогой Анселем, то, что вы увидите, может доставить вам удовольствие.

Студент Анселем посмотрел, и - о чудо! - из драгоценного камня, как из пылающего фокуса, брызнули во все стороны лучи и сплелись, образовав светлое, блестящее хрустальное зеркало, а в нем танцевали, подпрыгивали и затейливо крутились, то разбегаясь, то свиваясь, три зелено-золотистые змейки... средняя змейка вытягивала ... свою головку к зеркалу, и ее синие глаза говорили: - Знаешь ли ты, веришь ли ты в меня, Анселем?...

-О Серпентина, Серпентина! - воскликнул в безумном восхищении студент Анселем, но архивариус Линдхорст быстро дунул на зеркало, и лучи с электрическим треском скрылись в фокус, а на руке снова блеснул лишь маленький изумруд, на который архивариус натянул перчатку».

Конечно, это только сказка замечательного немецкого романтика, увидевшая свет в 1814 году. Нам не известно, читал ли ее Пушкин в годы, предшествующие его ссылке, но, однако, нельзя здесь не вспомнить о его перстне-талисмани, массивном золотом кольце с крупным изумрудом (то есть бериллом) квадратной формы со слегка закругленными углами и чуть выпуклой, гладкой лицевой поверхностью. Пушкин носил его на большом пальце правой руки, как мы и видим: на портрете поэта работы Тропинина. История этого перстня подробно освещена в очень интересной статье доктора минералогических наук Л. Звягинцева в еженедельнике «Лит.Россия» № 28 за 1985 год. Вкратце эта история

такова. В.И. Даль, присутствовавший при кончине Пушкина, в своих воспоминаниях пишет: «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл - не знаю почему - «талисманом»... « В его же письме к В.Ф. Одоевскому от 5 апреля 1837 года читаем: «...Перстень Пушкина, который звал он - не знаю почему - талисманом, для меня теперь настоящий талисман. Вам я это могу сказать. Вы меня поймете. Как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться, за что ни будь порядочное». Здесь можно добавить, что историк М.И. Пыляев передавал слова Даля несколько иначе: «Пушкин, перед смертью, отдал ему свой изумрудный перстень, которым при жизни очень дорожил и называл своим талисманом, находя в нем какое-то соотношение к своему таланту» (курсив наш - Б.Б.). В этой же книге («Драгоценные камни») Пыляев пишет: «В старину слепо верили, что изумруд имеет силу предвидения...» Л. Звягинцев в своей статье продолжает по этому поводу: «Согласно лапидариям - книгам, содержащим описание драгоценных камней, по древнему поверью, указывалось, что изумруд служит талисманом людей, посвятивших себя искусству... во все века был призван вдохновлять поэтов, художников, музыкантов... Трудно найти другой цветной камень, который бы так высоко ценился в древности, как изумруд, часто называемый камнем свечения. По календарю «счастливых камней» изумруд приписывается людям, родившимся в мае месяце. Как известно, Пушкин родился 26 мая по старому стилю. Римлянин Плиний Старший писал: «И, наконец, из всех драгоценных камней только изумруд питает взор без пресыщения. Даже когда глаза утомлены пристальным рассмотрением других предметов, они отдыхают, будучи обращены на этот камень».

Высказывая предположение, что перстень с изумрудом был кем-то подарен Пушкину накануне его отъезда на юг, в печальный день 6 мая 1820 года, и относя стихотворение «Храни меня, мой талисман» именно к этому перстню («Ты в день печали был мне дан...»), а не, как считалось ранее, к перстню, подаренному поэту Е.К.Воронцовой перед его отъездом из Одессы в Михайловское, то есть тоже в печальный день, Л. Звягинцев аргументирует эту мысль тем, что, приехав в деревню, Пушкин настойчиво и неоднократно просит брата Льва прислать ему из Петербурга его кольцо-перстень: «Мне скучно без него», - добавляет он в одном из писем. «О каком кольце-перстне здесь идет речь - не указано. Известно, что этим кольцом поэт так же дорожил, как и перстнем с сердоликом. Но кольцо (с сердоликом - Б.Б.), подаренное Воронцовой, в это время находилось у него. Естественно предположить, что ... (имелся в виду - Б.Б.) перстень с изумрудом...», по каким-то причинам, возможно из-за его ценности, оставшийся в Петербурге. Письма поэта к брату были написаны в конце 1824 года (ноябрь, декабрь), стихотворение же «Храни

меня, мой талисман» условно датируется первой половиной 1825 года, то есть было написано после получения из Петербурга заветного кольца талисмана. В его беловом тексте, как и в черновых вариантах, снова проскальзывает повторение уже отмеченной нами темы:

«Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...»

(беловой текст)

«Как сон, как утренний туман,
Любви сокрылось сновиденье...»

(черновик)

Вся статья Звягинцева смотрится вполне обоснованной, и трудно не согласиться с основными ее мыслями. Нам же остается только констатировать, что с ней родилась тайна нераскрытого имени того или той, кто подарил Пушкину изумрудный перстень, ставший для него магическим кристаллом. В раскрытии этого имени, как уже знает читатель, - суть нашей гипотезы.

... Возьмите ручку или карандаш и представьте, что на большом пальце вашей руки надето кольцо с крупным, мерцающим зеленым светом, камнем-кристаллом. Попробуйте сочинить, написать что-нибудь, пусть даже простое письмо. Задумайтесь на мгновение, и ваш взгляд неминуемо остановится на этом кристалле. Другое дело, что вы вряд ли увидите в нем то, что видел Пушкин.

ОЖЕРЕЛЬЕ МАРИИ АНТУАНЕТТЫ

Несколько лет назад вышла в свет новая книга известного современного писателя Романа Белоусова «Рассказы старых переплетов». В одной из ее глав, под интригующим названием «Дело исчезнувшей графини», автор возвращается к давно известной истории одного из самых скандальных и сенсационных судебных процессов XVIII столетия - делу о краже бриллиантового ожерелья Марии Антуанетты. Об этом «процессе века» существует целая литература, как исследовательская, так и художественная, включая роман Александра Дюма «Ожерелье королевы». Несколько глав посвятил этой истории и Стефан Цвейг в своей монографии об Антуанетте. Зачем же понадобилось Белоусову возвращаться к этой теме, пересказывать, хотя и кратко, давно известные факты? Дело в том, что, изучив и сопоставив ряд мало знакомых широкому читателю исследований и мемуаров современников, опубликованных за последние сто лет, он приходит к вполне аргументированному выводу: главная «героиня» столь шумного процесса, талантливая авантюристка, похитившая королевские бриллианты, Жанна Валуа де Ламотт не покончила жизнь самоубийством, как считалось ранее, в Лондоне, в 1791 году, где находилась после бегства из французской тюрьмы, а лишь симулировала его, организовав собственные похороны. Затем, присвоив имя графини де Гаше, она эмигрировала в Россию, возможно, захватив с собой все или часть похищенных бриллиантов. В России она прожила более двадцати лет. В 1812 году приняла русское подданство, в 1822 году переехала из Петербурга в Крым, где и умерла четыре года спустя.

Интересующихся всей этой увлекательной историей мы отсылаем к названной книге, остановившись лишь на следующем. Обращаясь к рассказу незаслуженно забытого ныне историка и бытописателя М.И. Пыляева, Белоусов уверен, что Пыляев неспроста утверждал, будто «старые петербургские ювелиры знали, что знаменитое алмазное ожерелье Марии Антуанетты... было продано в Петербурге графу В-кому одним таинственным незнакомцем...» Эту цитату Белоусов никак не комментирует, и поэтому, естественно, возникает вопрос: кто такой этот граф В-кий, рискнувший и имевший возможность купить краденые алмазы казненной королевы, об истории которых знала и еще недавно судачила вся Европа? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, обратимся, прежде всего, к первоисточнику, то есть к рассказу о графе В-ком в книге Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы», изданной в 1898 году. Вот что он пишет, характеризуя этого графа: «В первой четверти текущего столетия в Петербурге жило немало загадочных иностранцев; в ряду таких был известен миллионер граф В-кий, происхождением поляк; он находился в самых приятельских отношениях

с выдающимися людьми всей Европы; его хорошо принимали при многих дворах. Обхождение, манеры, образ жизни, все обнаруживало в нем человека, привыкшего к высшему обществу... Обеды его считались самыми гастрономическими, вина тончайшие, щедрость его была изумительная, вкус во всем изящный, речь увлекательная и характер самый веселый и уживчивый. В доме его играли в карты, и он сам играл превосходно во все игры, выигрывал большие суммы, но и проигрывал иногда приятно...

Многие предполагали, что В-кий составил себе состояние игрою, но где и как - никто не знал. Граф В-кий жил в Петербурге, в доме графини Браницкой (теперь дом князя Юсупова, на Мойке), затем купил собственный дом на Большой Морской, на углу Почтамтского переулка. Комнаты В-кого были меблированы с большим великолепием. Он имел богатое собрание картин лучших мастеров. Но что составляло истинное богатство этого миллионера - это коллекция драгоценных камней и разных ювелирных изделий, которые находились в витринах за стеклами в его кабинете... Граф отличался широкою благотворительностью: он сыпал деньги на все благотворительные учреждения. Виленскому университету он подарил свою редкую коллекцию минералов, которая теперь хранится в Киевском университете. Говоря об источниках его богатства, вше кажется, нельзя ошибиться, если сказать, что он приобрел его торговлей драгоценными камнями, картинами и табакерками. Все петербургские ювелиры собирались у него ежедневно, как на биржу, по утрам, и приносили вещи или брали их из его витрин, У него известный ювелир Я.Д. Дюваль вел даже переписку с Парижем, Лондоном и Амстердамом, и через тогдашнего банкира барона Раля им переводились за границу и получались оттуда огромные суммы денег. В делах В-кого все обнаруживало торговлю, но вел он ее секретно через других. В то время в обществе охотнее принимали ловких шулеров и разных темных авантюристов, чем купцов. Граф В-кий имел внешность вельможи, он выезжал в парной польской или венгерской шорной закладке, в богатой собольей шубе, крытой зеленым бархатом, с звездой - Станислава на pokrышке, и в таком виде никто не мог бы заподозрить в нем продавца алмазов. Покупать бриллианты в те годы было очень выгодно, да и знатоков было очень немного. Старые петербургские ювелиры все знали, что знаменитое алмазное ожерелье Марии Антуанетта, наделавшей столько шума в Европе своим скандальным процессом, было продано в Петербурге графу В-кому одним таинственным незнакомцем, впоследствии довольно известным лицом в Москве».

Вот такую характеристику дает своему герою М.И. Пыляев.

Какие же выводы можно из нее сделать? Но прежде несколько слов о самом Пыляеве. Он родился в 1824 году. В молодости увлекался театром, искусством, минералогией. Все это нашло отражение в его

многочисленных газетных публикациях в 1860 - 70-х годах. Первой книгой был сборник популярных рассказов о драгоценных камнях (1877 г.). С 1879 г. в газете «Новое время» публикует множество исторических зарисовок, очерков, анекдотов, мелких исследований, собранных затем в книгах «Старая Москва», «Старый Петербург», «Старое житье», «Замечательные чудачки и оригиналы». Все они написаны в увлекательно-популярном жанре и сегодня не потеряли еще своего информативного значения. Умер Пыляев в 1899 году. Из этой справки выделим важное для нас - увлечение минералогией и драгоценными камнями. Вероятно, оно и подтолкнуло М.И. к написанию очерка о таинственном графе В-ком, промышлявшем торговлей алмазами. Отсюда же и его неоднократные упоминания о старых ювелирах, вероятно, лично знакомых автору и рассказывавших ему о своей прошлой деятельности и скрытых аферах В-кого. Возвращаясь к характеристике графа, обратим внимание на следующее. Не говоря уже о замысловатом (как увидим ниже) криптониме, скрывающем его истинную фамилию, Пыляев недвусмысленно избегает каких-либо конкретных указаний на служебную и общественную деятельность В-кого, его семейное положение, возраст, другие черты биографии. Не назван никто из его многочисленных светских знакомых. Короче говоря, сказано о нем, о его жизни вроде бы много, но нет ничего, позволяющего подразумевать реальную личность. Исключение только одно: купил дом на углу Большой Морской улицы и Почтамтского переулка. Но и здесь, на поверку, обнаруживается маленькая неточность, уводящая от истины.

Зачем же понадобилось Пыляеву столь тщательно маскировать своего графа? Ответ достаточно ясен. Обрисовав человека как очень богатого, широко известного в обществе, пользующегося вроде бы заслуженным уважением и популярностью в свете, он одновременно обвиняет его в спекуляции алмазами и покупке заведомо известных краденых драгоценностей огромной стоимости, причем косвенно компрометирующих французский и австрийский королевские дома. Публикация таких сведений, так сказать, открытым текстом, неминуемо должна была вызвать бурную протестующую реакцию со стороны наследников и родственников В-кого, к тому времени (1898 г.), вероятно, уже умершего, безусловно потребовавших бы более веских доказательств совершения нечистоплотной сделки. В тоже время Пыляев, как писатель и историк, не мог не понимать, что имеющаяся у него информация о дальнейшей судьбе ожерелья Марии Антуанетты представляет собой объективную историческую и научную ценность, а, следовательно, его долг - сделать ее общественным достоянием. В этом плане он выбрал, пожалуй, единственно правильный вариант. Но, как говорится, все тайное становится явным.

Свою попытку разгадать загадку, предложенную Пыляевым, и узнать, кого он скрыл под буквами В-кий, мы начали с поисков в справочной, научной и мемуарной литературе, отражавшей жизнь высшего света Петербурга первой четверти прошлого века. Однако никого, чья фамилия укладывалась в этот криптоним и кто был бы при этом графом, поляком, миллионером, ценителем и коллекционером картин и прочего, любителем карточной игры, гастрономом, благотворителем и кавалером ордена св.Станислава, найти не удалось. Более того. По документам Ленинградского городского исторического архива, из восьми владельцев домов, стоящих по обоим углам Почтамтского переулка и Большой Морской улицы в период с 1800 по 1834 годы, не было никого, кто бы соответствовал описанию Пыляева. В конце концов, мы остановились на человеке, чей облик и жизненный образ отвечал указаниям историка, но фамилия вроде бы не подходила под криптоним В-кий. Речь идет о нашем «старом знакомом» - графе Валериане Венедиктовиче Стройновском.

Из тех же воспоминаний племянника его жены, Н.С.Маевского, явствует, что в молодости граф много путешествовал по Европе, пользовался доверием и милостью короля Станислава Августа, наградившего его орденами Белого Орла и св.Станислава; что происхождение его миллионного состояния так и осталось неясным. Еще в Польше, в 1795 году, Стройновский приобрел имение Горохов в Волынской губернии, ранее принадлежащее племяннику короля Станиславу Понятовскому. Как указывается в польской энциклопедии, Стройновский перестроил находящийся в имении дворец, великолепно его украсил, поместил в нем галерею картин, коллекцию древностей, привезенных из Помпеи, заложил английский парк, суконную фабрику. Картинную галерею и коллекцию он позже перевез в Петербург, в собственный дом на набережной Фонтанки, купленный им в 1819 или 1820 году. Этот дом он вскоре проиграл в карты титулярному советнику Смирнову^{XII} (Сам факт подтверждается только устными воспоминаниями-преданиями петербургских старожилов). В начале 1820-х годов, по личному повелению Александра I, был без суда и следствия отставлен от службы. Затем долгое время жил в деревне^{XIII},

^{XII} См. Мазалевский. Пушкин. Переписка Салтановой.

^{XIII} Н.С. Маевский рассказывает о трагической истории холерного бунта 1831 года в старорусских военных поселениях, рядом с которыми находилось имение В.В.Стройновского. Мы думаем, что мет нужды здесь повторять его рассказ, и отсылаем интересующихся к первоисточнику, приведя, однако, маленькую выдержку из воспоминаний об этих грустных и бессмысленных в своей жестокости событиях некоего отставного полковника А.Ф.Ушакова: «Среди военного поселения старорусского отряда имели свои небольшие поместья отставные

генералы-поляки: Буткевич и варшавского сената сенатор граф Стройновский, состоявшие между собою в близком родстве. Они не уступили казне своих крестьян, тогда как у всех прочих помещиков почти все было скуплено под военное поселение. Во время бунта на поместья Буткевича и Стройновского также было сделано нападение поселянами; но молодая графиня (Екатерина Александровна Буткевич-Стройновская - Б.Б.), как новая амазонка, храбро вступила в бой и верхом на коне хладнокровно командовала и распорядилась своими людьми против нападающих...» («Русская старина», 1874, т.9,с.161).

Интересно, слышал ли об этом Пушкин? Во всяком случае, в VIII - впоследствии им изъятый - главе «Евгения Онегина» он отправил своего героя путешествовать именно в те места, где были аракчеевские военные поселения. Эта глава под названием «Отрывки из путешествия Онегина» изданы были особо, со следующим Пушкинским предисловием:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем, весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифром; но во избежание соблазна решил он лучше выставить вместо девятого номера ...осьмой над последней главой Евгения Онегина и пожертвовать одною из окончательных строф:

«Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал -
Хвала вам, девяти Каменам и проч.»

П.А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение» может быть, и выгодно для читателей, вредит, однако ж, плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъяснимым. - Замечание, обличающее опытного

художника. Автор сам чувствовал справедливость оною, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики». Катенин разъяснил эти слова Пушкина: «Об осьмой главе Онегина слышал я от покойного в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярмарки и Одесской пристани, Евгений видел военные поселения, заведенные гр. Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнаружения, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них

в 1832 году купил на имя жены дом в Петербурге на Большой Морской улице. Этот дом был рядом с Почтамтским переулком, третий от угла. Умер Стройновский там же, в Петербурге, и похоронен в своем Волынском имении, в местечке Кульчино. Было ему 87 лет....

Мы позволили себе повторить основные вехи этой, уже известной читателю, биографии, чтобы было легко заметить, что ряд ее деталей полностью совпадает с нарисованным скрупулезным Пыляевым обликом В-кого. Причем наиболее интересной, в совокупности с остальными, является, конечно, покупка дома на Большой Морской улице. О приобретенном Стройновским и затем проигранном в карты доме на Фонтанке Пыляев мог просто не знать или же не решился упомянуть о нем, так как покупка эта была непосредственно связана с получившей широкую огласку историей последней женитьбы графа.

Дополнительным подтверждением тождества Стройновского с графом В-ким могут служить еще несколько моментов. Так, рассказывая о замужестве своей тетки, Маевский пишет, что Стройновский «был чрезвычайно умен и образован, и ум его был одинаково приятен как для гостиных, так и для тихой домашней жизни». Далее. Пыляев упоминает об изысканных обедах В-кого и его широкой благотворительности. Здесь в первом случае мы располагаем фразой из письма Л.И. Тургенева к П.А. Вяземскому (см. очерк «Прообраз Карлы Черномора»).

Во втором же - следует принять во внимание следующее. Пыляев пишет о пожертвовании графом В-ким Вилейскому университету коллекции редких минералов, которая находилась затем в Киевском университете. Отметим здесь, что и Стройновский, и его родной брат Иероним были одно время связаны с Виленским университетом. Иероним несколько лет был его ректором, а первая книга Стройновского вышла в Вильно в 1809 году. Но не это главное. Как известно, Киевский университет был открыт в 1834 году на основе Виленского учебного округа. Эта гимназия, в связи с отдаленностью от Вильно, стала фактически самостоятельным высшим учебным заведением. Основал ее в 1805 году известный деятель просвещения того времени, ученый-правовед, польский магнат Фадей

слишком короткую и как бы оскудевшую». (А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в одном томе. Государственное издательство художественной литературы, М.,1949,с.510-511). Наверное, разговор имел место. Но нам кажется возможным и другое: Пушкин предал «вечному забвению» путешествие именно в Новгородскую губернию еще и потому, что здесь (и об этом знали очень многие из окружения поэта) были имения тех самых двух семейств. В этом свете слова «по причинам, важным для него, а не для публики» обретают дополнительный смысл.

Чацкий. В «Истории Киевского университета» читаем, что «Кременец явно соперничал с Вильною, и многие профессора были лучше виленских. Суетность знати удовлетворялась, добровольные пожертвования умножались, собран был капитал в несколько сот тысяч, и распространялось убеждение, что честный человек обязан жертвовать своими собраниями на умножение собраний лица... Кременец сделался любимым местопребыванием польского дворянства...» И далее - о коллекциях Киевского университета, что они «имеют основанием своим коллекции бывшего Волынского лица, создателем которого был Ф. Чацкий. В основу их он положил собрание книг, медалей, минералов... приобретенное от наследников короля Станислава-Августа Понятовского... Увеличенные различными пожертвованиями и приобретениями, эти коллекции вошли в полном составе своем в университет Св. Владимира в Киеве». Таким образом, Пыляев, написав, что коллекция В-кого поступила потом в Киев, подсказал тем самым, что ранее она находилась в Кременецком (Волынском) лицее, то есть на родине Стройновского, в уезде, где ему принадлежал целый ряд крупных имений. Кроме того, немаловажно и то, что родной племянник Фадея Чацкого граф Тарновский был женат на дочери Стройновского от первого брака. Совокупность всех этих сведений дает все основания считать возможным и закономерным факт пожертвования Стройновским своей коллекции Кременецкому лицее.

Теперь о самом псевдониме, за которым Пыляев скрыл подлинное имя своего графа. Прежде всего, следует отметить, что в девятнадцатом веке всякого рода шифровка имен и фамилий была весьма распространенной. Делалось это самыми разными способами. Одним из них и воспользовался Пыляев. Суть его в том, что в начале такого криптонима ставилась первая буква не фамилии, а имени или отчества, и затем, через дефис, один или два последних слога самой фамилии. В словаре Масанова можно найти множество подобных примеров. В нашем же случае В.В. Стройновский стал В-кий. Такой псевдоним, сохраняя определенную документальность, одновременно защищал Пыляева от возможных, как мы уже говорили, обвинений и неприятностей. Ведь если б он написал, допустим, В.С-кий, даже просто С-кий, все было бы намного прозрачнее и яснее. Например, совершенно понятно, что, рассказывая в этой же книге о шуточных чудачествах друга Пушкина П.В. Н-на, он подразумевал Павла Войновича Нащокина и скрыл его за столь понятным криптонимом лишь из уважения к жившей еще в то время жене Нащокина Вере Александровне.

Думаем, что предложенный выше анализ и сопоставление биографии Стройновского с обликом В-кого, очерченным М.И.Пыляевым, дают право не сомневаться в их тождественности и, следовательно, считать, что последним из известных нам на сегодня владельцев бриллиантов

Марии Антуанетты был граф Валериан Стройновский. В дополнение к нашим размышлениям интересно отметить еще и то, что характеристики Стройновского, сделанные Пыляевым и Маевским, ни в чем не противоречат, а лишь дополняют друг друга. Так, Пыляев, безусловно знакомый с воспоминаниями Маевского, опубликованными в 1880 году, нигде не упоминает о том, что Стройновский был доктором права и медицины, сенатором, писателем и так далее, а Маевский, в свою очередь, естественно обходит молчанием торгово-спекулятивную деятельность своего двоюродного дядюшки, богатству которого он, в какой-то мере, был обязан своим благосостоянием. Да и не только он, но и все другие члены этой семьи, дети и внуки Стройновской (по второму браку Зуровой), занимавшие в конце прошлого века высокие ступени иерархической лестницы.

Другое интересное наблюдение, позволяющее предположить время покупки Стройновским бриллиантов у графини де Гаше, можно сделать из следующего. В воспоминаниях Маевского говорится, что Стройновский был «позорно без суда и следствия» отставлен императором Александром I от всех должностей в середине 1823 года, то есть сразу после рождения у Стройновского дочери Ольга, и что причиной было ведение им в сенате собственных тяжёбных дел, в силу чего просители не могли рассчитывать на справедливость сенатского решения. Что после увольнения он проиграл крупный процесс и вынужден был уплатить миллион, для чего продал свой дом на Фонтанке, собрание картин, скульптуру и многое другое.

Однако в письме митрополита Евгения Болховитинова к В.Г. Анастасевичу (переводчику книг Стройновского с польского на русский язык) из Пскова в Петербург от 12 ноября 1820 года есть такие строки: «...не верю я, что Стройновского за гражданский процесс приговорили к исключению из всех должностей. Он все-таки останется сенатором, как и после поступка с Вами. Сколько в сенате подобных ему?...» Документальность этого письма опровергает воспоминания Маевского в отношении времени отставки и увольнения Стройновского. Конечно, мемуарист, писавший обо всем спустя шестьдесят лет после реальных событий, мог быть введен в заблуждение неточной информацией тех, кто рассказал ему о прошлом семьи (Маевский родился в 1833 году), но не исключено, что он сделал это умышленно, охраняя семейные тайны, в чем мы не раз убеждались, проверяя другие страницы его записок. Может быть, относя время увольнения Стройновского от дел к 1823 году, с последующей продажей дома и уплатой миллионного долга за якобы проигранный процесс, Маевский прикрывал его крупный карточный проигрыш. Но возможно и другое. Вспомним, что графиня де Гаше (по свидетельству П.П. Вяземского, написанному в конце века) переехала в Крым в 1822 году. Если предположить, что покупка у нее Стройновским,

через доверенного «таинственного незнакомца», краденых королевских алмазов состоялась вслед за ее решением покинуть Петербург, то это вполне могло произойти в том же 1820 году. Сама же сделка, ставшая каким-то образом известной Александру I, несомненно, должна была вызвать его гнев, и последующую «позорную» (эпитет Маевского) отставку Стройновского, и удаление его из Петербурга, где он стал вновь появляться лишь после смерти императора. Возможно, что и потеря миллиона тоже была связана с этой историей.

Читатель наших заметок вправе спросить: ну, а причем же здесь Пушкин? Какое отношение имеет к нему все рассказанное?

Не было бы никакого, если бы Стройновский не был мужем Екатерины Александровны Буткевич. Если бы не было «утаенной» любви Пушкина к ней. Если бы не было церкви Покрова, где Пушкин любовался своей графиней... В своих воспоминаниях Маевский пишет: «В первую зиму после свадьбы граф Стройновский попробовал вывозить свою жену. Не помню теперь, куда был ее первый выезд; помню только, что первый контрданс она протанцевала с государем Александром Павловичем, а затем весь вечер танцевала со страшнейшим из ловеласов того времени, графом Чернышевым. Произведенный ею эффект доходил до фурора и испугал старого графа; первый выезд моей тетки был и последним. Она, впрочем, никогда и не возбуждала об этом вопроса, все более и более погружаясь в свой величавый индифферентизм». Этот рассказ о не знающей границ ревности Стройновского, не отпускавшего жену никуда и ни на шаг, подтверждается и другими свидетельствами. Можно предполагать, что единственным местом, где Пушкин встречал в ту зиму 1819 года плененную графиню, была та же церковь Покрова, «где ее можно было видеть каждый воскресный и праздничный день». Много позже он любил «летать, заснувши наяву» на эти встречи, вспоминал о них, создавая свой «Домик в Коломне». Наступила весна 1820 года. Тучи царского гнева нависли над его головой и 5 мая обрушились повелением оставить Петербург и отправиться в ссылку на юг. Отъезд был назначен на шестое число, но шестого Пушкин не уехал. Более того, вероятно, именно в этот день, ставший для него «днем печали», он снова был в церкви Покрова и виделся с графиней Стройновской.

Павел Васильевич Анненков в своих материалах для биографии Пушкина привел очень интересные слова поэта, предварив их маленьким вступлением. Он писал: «Пушкин был обвенчан с Н.Н. Гончаровой февраля 18 дня 1831 года, в Москве, в церкви Старого Вознесенья, в среду. День его рождения был тоже, как известно, в самый праздник Вознесенья Господня. Обстоятельство это он не приписывал одной случайности. Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все связаны с днем Вознесенья. Незадолго до своей смерти он задумчиво рассказывал об этом одному из своих друзей и передал ему твердое свое

намерение выстроить со временем в селе Михайловском церковь во имя Вознесенья Господня. Упоминая о таинственной связи всей своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: «Ты понимаешь, что все это произошло недаром и не может быть делом одного случая».

Пушкин не мог уехать из Петербурга 6 мая 1820 года лишь потому, что этот день был неприсутственный и почтовое ведомство не работало. Был праздник Вознесенья Господня. Спустя год, в своем кишиневском дневнике, Пушкин сам уточнил дату своего отъезда. 9 мая 1821 года он записал: «Вот уже ровно год, как я оставил Петербург».

Можно с уверенностью предполагать, что Стройновская знала о всех злоключениях своего опального друга, знала о его предстоящем отъезде. И очень соблазнительно предположить, что, собираясь к обедне в церковь утром 6-го мая, - где бывала одна, без мужа, католика по вероисповеданию, - она с его разрешения или даже без спроса взяла из стеклянной витрины в его кабинете один из находящихся там драгоценных перстней - массивное золотое кольцо с вставленным в него крупным изумрудом. Прощаясь с Пушкиным в тот день Святого Вознесенья, она подарила ему этот перстень. По рассказам своего ученого мужа она могла знать, что изумруд еще с древних времен был призван вдохновлять людей, посвятивших себя искусству: поэтов, художников, музыкантов. Знал это и Пушкин, не чуждый, как известно, суеверия и прекрасно разбиравшийся в символике драгоценных камней; Знали они оба и то, что изумруд считается счастливым камнем для людей, родившихся в мае, то есть в том самом месяце, когда родился Пушкин.

Хочу сразу оговориться, что никакими документальными свидетельствами реальности приведенной сцены их прощания и того, что Стройновская подарила Пушкину перстень с изумрудом, я не располагаю. Все это лишь зыбкая догадка. Но она, думается, имеет право на существование.

Нам известны сегодня шесть колец, в разное время принадлежавших Пушкину. Почти все они имеют свою историю. Хронологически это выглядит так:

1. Перстень-печатка с изображением сосуда в форме античного светильника, с выступающей справа высокой ручкой, напоминающей птичью или змеиную голову на длинной шее. Такие перстни-печатки имели все члены литературного общества «Зеленая лампа», заимствовавшие эту традицию из масонской символики. Пушкин запечатывал таким перстнем письма своим друзьям по обществу в 1819 году. По свидетельству сына поэта А.А. Пушкина, этот перстень был потерян его отцом в Кишиневе.

2. Тонкое золотое кольцо со вставленным в него сердоликом. На камне вырезаны три амура, садящиеся в ладью. Этот перстень, принадлежавший Пушкину, был положен им в лотерею, проводившуюся в доме Раевских, и выигран М.Н. Раевской. Через много лет ее внук передал его в Пушкинский дом, где он теперь и находится.

3. Золотое витое кольцо-перстень с сердоликом, подаренное Пушкину Б.К. Воронцовой в Одессе в 1824 году, известное как талисман. После смерти Пушкина находилось у Жуковского, затем у Тургенева. Полина Виардо передала его в Пушкинский музей Александровского Лицея, откуда оно было украдено.

4. Кольцо, подаренное Пушкину на именины А.П. Керн в Петербурге в 1827 году. Дальнейшая судьба этого кольца неизвестна.

5. Кольцо с бирюзой, подаренное Пушкину П.В. Нащокиным. Уже на смертном одре Пушкин отдал его на память Константину Карловичу Данзасу - секунданту на его последней дуэли. Кольцо это, снимая перчатку, Данзас уронил в сугроб, и найти не смог.

6. Перстень с изумрудом, тоже называемый Пушкиным талисманом. О его происхождении и времени появления у Пушкина ничего не известно. Отдан Натальей Николаевной В. И. Далю после смерти мужа. Теперь находится в Пушкинском Доме.

Какие же выводы можно сделать, анализируя этот перечень? Прежде всего то, что история трех колец из этих шести известна нам от начала до конца, в том числе знаменитого «талисмана», подаренного поэту княгиней Воронцовой и воспетого им в одноименном стихотворении. Из других трех можно считать известной судьбу кольца с амурами. Пушкин легко расстался с ним, предоставив судьбе определить его дальнейшего владельца. Отрадно, что она не ошиблась в своем выборе. Несколько сложнее говорить об именинном подарке 1827 года. Упоминание об этом кольце есть только в записках А.П. Керн. Вероятно, это было изящное золотое колечко с небольшим драгоценным камнем, возможно бриллиантом, так как по ее словам «он (Пушкин) взял кольцо, надел на свою маленькую, прекрасную ручку и сказал, что даст мне другое... На другой день Пушкин привез мне обещанное кольцо с тремя бриллиантами...» Как видим, поэт не остался в долгу и поспешил отблагодарить Анну Петровну со свойственным ему благородством и щедростью. Дальнейшая судьба этого кольца неизвестна, но в жизни Пушкина оно вряд ли играло какое-либо особое значение. Остается перстень с изумрудом, второе сохранившееся до наших дней кольцо Пушкина. Долгое время оно не привлекало внимания исследователей, и только недавно его значение стало темой работ Л.И. Звягинцева^{XIV} и нашего очерка «Магический кристалл». Ничего не известно о том, когда и при каких обстоятельствах

^{XIV} Звягинцев Л.И. «Храни меня, мой талисман». Памят.Отеч. N 2, 1986.

появилось оно у Пушкина. Со слов В.И.Даля, получившего его от вдовы поэта, и из кратких упоминаний Тропинина и Анненкова мы знаем, что Пушкин дорожил им не менее чем перстнем Воронцовой, тоже постоянно носил на руке и также называл талисманом, причем связывал его магическую силу со своим дарованием, которое могло иссякнуть с утратой этого перстня. Такое убеждение Пушкина соответствовало, как указывалось выше, символике изумруда - камня, призванного вдохновлять людей, посвятивших себя служению музам. По мнению Звягинцева, разделяемому нами, именно этот перстень, а не кольцо Воронцовой, имел в виду Пушкин в стихотворении «Храни меня, мой талисман», написанном вскоре по приезде в Михайловское после южной ссылки. Думается, не лишне остановиться на этой гипотезе несколько подробнее. Суть ее в том, что сердолик (в кольце Воронцовой), согласно все той же символике, наряду со своими якобы лечебными свойствами, помогающими от слабости сердца, лечению ран, останавливанию кровотечений и так далее, имел и другое значение. «В средние века в Европе было убеждение: тем, кто обладает сердоликом, он придает храбрость и может вызывать любовь и симпатию... На Руси же этот красный камень считался талисманом любви и страсти... цветом напоминает огонь и кровь, изображает пламень веры... может содействовать любви». Именно это свойство сердолика предельно ясно отражено в строках стихотворения «Талисман», написанного в ноябре 1827 года, в Петербурге, куда там проездом находилась Е.К. Воронцова. Вспоминая их крымские тайные встречи, Пушкин пишет:

«... Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.
И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман...
Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя -
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман».

Здесь значение волшебного камня только как хранителя их любви совершенно однозначно. В словах, в образах нет подтекста, нет столь свойственного Пушкину напластования мысли. А потому появляется основание считать, что Т.Г. Цявловская, справедливо усматривая в «Талисмане» как бы антитезу стихотворению «Храни меня, мой талисман», написанному двумя годами ранее, допускает, тем не менее, ошибку, считая, что и в нем Пушкин обращается к перстню, подаренному Воронцовой, просит у него защиты от жизненных бурь и невзгод. Гораздо правдоподобнее предположение, что поэт имеет в виду другой свой талисман - перстень с изумрудом:

«... Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи,
Храни меня, мой талисман.
В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман...»

Звягинцев пишет, что «изумруд для Пушкина являлся не только счастливым камнем по рождению в мае месяце, но и жизненному призванию, (в силу) тех исторических предначертаний, которые приписывались изумруду по символике камней».

Однако правомерен вопрос. Если эта символика отводила изумруду свойство лишь способствовать вдохновению, творчеству служителей искусства, то почему тогда Пушкин обращается к нему с призывом о помощи в роковые, тяжкие минуты жизни? Позволю себе предложить такой ответ. Нет сомнения, что самым главным, самым святым и сокровенным, «предопределяющим весь смысл жизни, был для Пушкина его творческий дар, его гений, воспринимаемый им как «божественный глагол», открытый его вещему слуху. Именно в нем поэт искал и находил защиту и поддержку, находил силы в беспрестанной борьбе с трагичностью жизни и судьбы. Тогда, поскольку перстень с изумрудом в какой-то мере ассоциировался для Пушкина с этим его божественным даром, охраняющим от жизненных невзгод, становится понятен и подтекст звучащего как заклинание рефрена: «храни меня, мой талисман».

Написанное 6 ноября 1827 года, стихотворение «Талисман» увидело свет через три месяца. Оно появилось на страницах «Альбома северных муз» в конце января 1828 года. «Храни меня, мой талисман» было опубликовано лишь через девяносто лет после создания. Снова по каким-то, оставшимся тайными, причинам Пушкин решил не печатать это

безупречное по форме и прекрасное по смыслу стихотворение. После его смерти оно затерялось и ждало своего часа до 1916 года.

Это решение поэта было как бы продолжением всей той таинственности, что окружала историю изумрудного перстня. Выше уже говорилось, что доподлинно мы ничего не знаем о его происхождении, времени появления у Пушкина. Догадка Звягинцева о том, что Пушкин в письмах к брату из Михайловского в 1824 году просил прислать ему именно этот перстень, остается только догадкой. Возможно, он не расставался с ним с той минуты, когда получил на прощанье в «день печали». И опять же остается только гадать о том, кто мог сделать ему столь дорогой подарок. Ведь изумруды «чистой воды», причем столь крупные, как этот, весом около 15-ти каратов, ценились в то время значительно дороже столь же крупных бриллиантов. Если действительно тот «день печали» был 6 мая 1820 года, то кто из тогдашних близких знакомых юного опального поэта мог быть столь щедрым? С пристрастием перебирая многочисленных известных нам друзей, родственников, знакомых Пушкина тех лет его петербургской жизни, трудно с решающей долей вероятности предположить здесь кого-либо конкретно. И не только потому, что подарок был столь дорог, но, главное, потому, что отношение поэта к большинству из них нашло затем свое освещение в творчестве поэта, а те или иные подробности этого отношения - в многочисленных, дошедших до нас свидетельствах и воспоминаниях, подвергшихся потом самому тщательному исследованию со стороны пушкинистов. И трудно допустить, что появление у Пушкина столь многозначного для него перстня осталось бы неизвестным, не было бы упомянуто хотя бы словом, догадкой, завуалированным намеком. Но случилось именно так. Тайна магического изумруда осталась неразгаданной. Думаю, что это могло произойти только в случае, если интересующая нас личность была совершенно не связана с литературным и светским окружением Пушкина, не появлялась в нем, не была этому окружению известна в связи с именем поэта. То есть, если ее отношения с ним находились как бы вне всего окружающего - только она и Пушкин. Как уже говорилось, похожая ситуация могла существовать между ним и графиней Стройновской. Стройновская тайно подарила ему перстень, он хранил эту тайну до конца жизни.

Ну, а как же афера с покупкой королевских алмазов, вызвавшая гнев императора, позорную отставку престарелого авантюриста?... Знал ли Пушкин обо всей этой истории? Скорее всего, знал, но из-за участия в графине тоже ни разу о ней не обмолвился. Только мельком он упомянул однажды Марию Антуанетту в послании к князю Юсупову:

«... Там ликовало все. Армида молодая,

К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена...»

И все-таки не верится. Неужели никогда, ни разу после той пресловутой свадьбы в Старой Коломне, после столь злой насмешки над жалким и смешным в его старческом бессилии Черномором, он не вспоминал этого похитителя своей влюбленности? Нет, никогда.

Хотя постойте!... Осенью 1835-го Пушкин в очередной раз едет в Михайловское. В то время недавно овдовевшая Екатерина Александровна, как обычно, проводила лето в своем Старорусском имении близ села Налючи, что стоит на впадении речки Ларинки (и опять, как Мавр-Мавруша - Ларинка-Ларины: случайные слова?) в полноводную Полу. Это был единственный год после замужества, когда она была свободна от ревнивых брачных уз, могла принимать, кого хотела и когда хотела. Чтобы по пути в Михайловское хоть на несколько часов заехать в ее имение, нужен был один, от силы полтора дня. Кстати, в тех местах и сегодня (автор сам был тому свидетелем) устойчиво бытует предание, что Пушкин приезжал в Налючи. Было так или нет, мы достоверно не знаем. Но среди стихотворений, написанных им в ту Михайловскую осень, есть одно - этакая, непонятно чем вызванная, нескромная шутка. В ней можно увидеть и бедного поэта, и беспомощного, скучающего без дел богатого мужа, и алмазы, и изумруды. В рукописи она датирована 10-11 сентября, то есть днями, когда Пушкин находился в дороге по пути в Михайловское. Вот эта шутка-эпиграмма:

«К кастрату раз пришел скрипач,
Он был бедняк, а тот богач.
«Смотри, - сказал певец безмудый, -
Мои алмазы, изумруды -
Я их от скуки разбирал.
А! кстати, брат, - он продолжал,
- Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу».
В ответ бедняга равнодушно: - Я? я муде себе чешу».

А, может быть, подъезжая к Налючам, он просто вспомнил и записал этот экспромт, сочиненный им еще в том далеком 1819 году и несколько своеобразно запечатлевший случайный «светский разговор» ясновельможного старца-жениха с влюбленным, бедным юношей - поэтом

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

«Нет, - отвечала она.

- Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского»⁵¹

Поставив точку в предыдущей главе, мы могли бы кончить и наш рассказ. На первый взгляд, в дальнейшем творчестве Пушкина нет ничего, что напоминало бы о Стройновской. Но это не так. Можно с уверенностью сказать, что и в последние годы жизни он не раз мысленно обращался к ней, к ее судьбе. В 1832-33 годах создается «Дубровский», где имеют место и «настоящий русский барин», и тривиальная ситуация «неравного брака». И если прообразом Кириллы Петровича Троекурова был, как известно, самодур и крепостник генерал Измайлов, то англоман, богач и ценитель искусств князь Верейский весьма походит на графа Стройновского. Более того, похоже, что описывая знакомство тетки с будущим мужем, Маевский держал перед глазами роман Пушкина. Он пишет: «Граф, смолоду красавец, имел громадный успех у женщин. Красота Екатерины Александровны... поразила его - он тут же решил добиваться руки ее. Согласие родителей было заранее обеспечено...»

В «Дубровском» читаем:

«В зале встретила их Марья Кирилловна, и старый волокита был поражен ее красотой». Верейский незамедлительно решил добиваться ее руки, согласие же Кириллы Петровича было обеспечено. А разве слова Марьи Кирилловны, поставленные эпиграфом к этой главе, не перекликаются со столь известными словами Татьяны: «Но я другому отдана; я буду век ему верна»?

Параллельно с «Дубровским» Пушкин начинает писать «Капитанскую дочку», приступает к сбору материалов для «Истории Пугачевского бунта». Он работает в архивах, едет в Казанскую и Оренбургскую губернии. И что же? Среди нескольких тысяч архивных документов он находит бумаги, касающиеся целого ряда казанских Буткевичей - близких родственников Екатерины Александровны, сражавшихся как за, так и против Пугачева. Он находит материалы о подпрапорщике Богдане Буткевиче^{XV}, перешедшем на сторону Пугачева и сдавшем ему свой город Заинск, встречает эту фамилию в донесениях о сражении под Казанью, о взятии Саратова. В приложениях к «Истории Пугачева» он, среди длинного перечня других имен, называет воеводского товарища секунд-майора Буткевича, казненного Пугачевым в городе Петровске, и

^{XV} Мы не смогли уточнить, кем приходился Богдан Буткевич родному дяде Александра Дмитриевича - поручику Сергею Михайловичу Буткевичу, назначенному в 1760 году Заинским воеводой.

прапорщика Буткевича, повешенного в Царицыне. Наконец, он находит и подробно конспектирует реестр надворного советника Ивана Буткевича, представленный в январе 1774 года генералу Бибикову с просьбой о компенсации, согласно реестру, «украденного злодеями добра» в его имениях в Заинском уезде. Яркая социальная значимость этого документа и его обладателя, безусловно оцененная в свое время Пушкиным, не раз отмечались на страницах пушкиноведения. Однако нам реестр интересен в другом плане. Трудно с уверенностью сказать, где и как намеревался Пушкин его использовать, когда переписывал для своих «архивных тетрадей». Но причиной первого, эмоционального внимания поэта-историка именно к этому реестру, а не к какому-либо другому из тех, что подавались разгромленными помещиками во все инстанции, вплоть до императрицы, было скорее всего, то, что составителем его оказался именно Буткевич. У нас нет сомнения в повышенном интересе Пушкина к этой фамилии, особенно после уточнения ее родственных связей с его петербургскими соседями. Нет сомнения, что в те часы перед его глазами вновь возникала Коломна, трехэтажный генеральский дом на углу, встречи в гостиной Ивеличей... Пушкин не счел нужным упомянуть об этом документе в «Истории Пугачева». Но два года спустя он частично использовал именно его на страницах «Капитанской дочери»... Помните? «Это что еще! - вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами... - Заячий тулуп! Я те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты...» Именно так реагировал Пугачев на поданный ему добрейшим Савеличем реестр пропавшего добра своего барина Петра Андреевича Гринева. Этот перечень еще со школьной скамьи знаком каждому из нас, и нет нужды повторять его. Обратим внимание на другое. В тексте «Капитанской дочери» реестр Буткевича переделан Пушкиным до неузнаваемости; из его 37 наименований оставлены только четыре, но и они так или иначе изменены:

В реестре Буткевича:

1. Два халата, один хивинский, Два халата, миткалевый другой полосатый на 20 руб .
2. Двенадцать рубах мужских Двенадцать рубах полотнянных с манжетами на 60 руб
3. Одеяло ситцевое, другое хлопчатой бумаге 19 руб.
4. Два тулупа, один мерлушатый, второй из беличьего меху 60 руб.

В реестре Савелича:

1. Два халата, миткалевый другой полосатый на 6 руб .
2. Двенадцать рубах полотнянных, голландских с манжетами на 10 руб.
3. Одеяло ситцевое, другое тафтяно на хлопчатой бумаге - четыре руб.
4. ...Заячий тулупчик...пятнадцать рублей.

Кроме того, в реестр Савелича добавлены еще четыре пункта (которых нет в подлиннике), содержащие предметы обмундирования и быта офицера того времени. И можно полагать, что если б не пушкинский конспект, хранившийся в его личном архиве, не уничтоженный им, но обнаруженный только после смерти поэта, то существование среди сотен пугачевских дел подлинника этого документа вряд ли связало бы его с «реестром Савелича», как это и было до 1936 года, когда Ю. Оксман, нашедший конспект в частном собрании, впервые отметил и обнаружил эту связь. А, следовательно, фамилия Буткевичей никогда не фигурировала бы на страницах пушкиноведения, посвященных последним годам творчества поэта, и мы, в свою очередь, не имели бы оснований обратить внимание читателей еще на несколько любопытных, с нашей точки зрения, мест в тексте «Капитанской дочери».

Так, в первой главе романа отец Петруши Гринева, листая Придворный календарь, удивляется карьере своих бывших подчиненных и, пожимая плечами, говорит: «Генерал-поручик!... Он у меня в роте был сержантом!... Обоих российских орденов кавалер! Л давно ли мы...» Здесь же в первый раз упоминается некто князь Б. - влиятельный петербургский родственник Гриневых. Напомним, что отец Александра Дмитриевича, Дмитрий Михайлович Буткевич, накануне восстания Пугачева был в чине генерал-поручика, служил в гвардии и имел ордена. И хотя князем он не был, но чин и богатство ставили его на самый верх иерархической лестницы, предоставляя связи в свете. Далее, во второй главе Петруша Гринев переводится в *** полк, «в глухую крепость на границу Киргизкайсацких степей». В черновиках Пушкина было: «в Шемшинский драгунский полк». В те времена в этом полку служили офицерами несколько казанских Буткевичей.

Роман заканчивается, как помните, припиской «Издателя», где, в частности, говорится: «В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова».

Невозможно сказать, какое село имел в виду Пушкин и какой город зашифрован тремя звездочками. Зато нам доподлинно известно, что в 1773 году селом Порутчиковым, что за рекой Сарапалою в Казанском уезде, владели десять помещиков, девять из которых носили фамилию Буткевичей. Сколько хозяев было в этом селе спустя шестьдесят лет, мы не знаем, так же как не знаем причины, побудившей подпрапорщика Богдана Буткевича пойти за Пугачевым, открыв его отрядам ворота Заинска.

В начале 1836 года Екатерина Александровна начала новую супружескую жизнь. В обществе и на этот раз не обошлось без злословия. Сестра Пушкина Ольга Сергеевна писала мужу: «... Кстати, графиня Стройновская вновь вышла замуж за Зурова Ельпидифора Антиоховича. Побьюсь об заклад, что ее соблазнило имя, иначе как объяснить ее брак? Женщина сорока лет, богатая, независимая, имеющая двенадцатилетнюю дочь? - право, это смешно. Говорят, она все еще очень хороша, ее муж тоже богат...»

А что же Пушкин? До рокового января оставалось меньше года...

«ЗАГАДКА МАЕВСКОГО»

(Продолжение)

«Более или менее я влюблялся во всех хорошеньких женщин, мне знакомых, и все изрядно надо мной насмеялись; все, за исключением одной, кокетничали со мной».

Пушкин (Из записной книжки 1822-23 годов) ПСС, т. XII, с. 304, с.486.

Вернемся к загадкам Н.С. Маевского. Первая - напомним - заключается в однозначном утверждении мемуариста, что Пушкин не был знаком с его теткой, графиней Е.А. Стройновской (графиней в «Домике в Коломне»). Вторая - в том, что всем, даже прислуге в имении Налючи Старорусского уезда Новгородской губернии, было известно, что с портрета Е.А. Стройновской, висящего в гостиной, была написана Онегинская Татьяна, но мемуарист об этом умолчал. Почему? Здесь и кроется третья загадка Маевского. Как ни парадоксально, но ответом на две первые его загадки является ... эта третья. Причем сама по себе она все еще остается до конца неразгаданной. Суть ее в следующем. В своей семейной хронике Николай Сергеевич более или менее подробно знакомит читателей с многочисленным рядом лиц из родственного и прочего окружения семьи своих родителей и их предков за период, без малого, в полтора столетия. Главным образом, это относится к его родственным связям по материнской линии, т.е. по линии А.Д. Буткевича. Начиная с Петровских времен, повествует он о судьбах, служебной карьере своего прапрадеда и прадеда, об их женах и детях, называя имена и фамилии, годы жизни. Рассказывает о тех или иных наиболее значительных жизненных ситуациях в их семьях. Очень подробно останавливается на истории жизни своего деда Александра Дмитриевича, его нраве, характере, службе, живописует все перипетии его трех браков, перечисляет всех его детей, рассказывает о дальнейшей судьбе каждого. Маевский поименно упоминает разных знакомых деда, отца, матери, родственников графа В.В. Стройновского, даже многих их крепостных слуг и приказчиков. Описывает жизнь самого Стройновского, историю его женитьбы на своей тетке, грустную судьбу их дочери Ольги Валериановны (своей двоюродной сестры), в замужестве княгини Багратион -Имеретинской. И при всем этом...

Но сначала напомним, что от третьего брака с Марией Семеновной Бинкевич, у Александра Дмитриевича в 1810-х годах было четверо детей. Сын Николай, самый младший, и три дочери: старшая Екатерина, в замужестве Стройновская, затем Любовь Маевская, мать мемуариста, и третья... Так вот, с ней-то и происходит у автора воспоминаний нечто

крайне непонятное. На всем протяжении своих записок он шесть раз говорит о ней, своей родной тетке, но ни разу не называет ее имени. Она безымянно появляется на страницах хроники, когда автор в раннем детстве вместе с сестрой Любой и братом Николаем катает в санках старшую сестру, и последний раз упоминается примерно под 1823-24 годом, когда Маевский пишет об увольнении Стройновского от службы, его денежных затруднениях и отъезде с семьей в деревню: «... Длинна и тяжела показалась эта зима моей бедной тетке (Стройновской - Б. Б.), в первый раз разлученной со своей семьей... На лето дед с бабушкой и дочерьми приехал в деревню к графу, и общая семейная жизнь потекла прежней колеей...» Повторяем, что это было летом 1824 года. Больше Маевский ни разу, ни словом не вспоминает о своей второй тетке, а, говоря про смерть деда в 1832 году, пишет, что: «... Осиротелая бабушка пригласила к себе (т.е. в город - Б.Б.) жить зятя и дочь (Маевских - Б.Б.), но этим семейное счастье не было возвращено... - И далее, когда в декабре 1834 года умер граф Стройновский, - По окончании траурного года тетушка моя по любви вышла замуж за генерала Зурова, тогдашнего Тульского губернатора... мы остались втроем, мать и бабушка принялись за мое воспитание сообща...». Маевский говорит «втроем», так как с конца 1832 года его отец находился постоянно в Молдавии, командуя дивизией в оккупационном корпусе графа Киселева.

Из приведенных цитат можно сделать вывод, что «таинственная» тетушка исчезает из семьи А.Д. Буткевича в промежутке между 1824 и 1832 годами. Сам же факт замалчивания Маевским всего, что касается ее жизни и дальнейшей судьбы, хотя и не сразу бросается в глаза, но, тем не менее, явно диссонирует со всеми теми семейными подробностями его воспоминаний, о которых говорилось выше. Полным молчанием он обходит ее юность, характер, взаимоотношения с родными, ее друзей, поклонников, замужество и так далее, вплоть до возможной преждевременной смерти.

При внимательном осмысливании всего этого рождается впечатление, что здесь не случайность, а совершенно намеренное утаивание, продиктованное нежеланием назвать именно ее имя, и, как следствие, вынужденное упоминание о ней только вскользь, так как крайне странным выглядел бы рассказ о родной тетке, которую неизвестно как звали. Что же могло побудить Маевского, писавшего свою хронику где-то в конце 1870-х годов, то есть спустя пол века после описываемых им событий, создать эту таинственную завесу, эту третью свою загадку? На наш взгляд, ответов может быть два.

Первый - это то, что он действительно ничего не знал о ней, допустим, умершей за несколько лет до его, в 1833 году, рождения. Не знал даже имени. Но всякий, взявший на себя труд прочесть его воспоминания, скажет вслед за нами, что это предположение более чем абсурдно. А если

так, то вторым - и, вероятно, единственным, - хотя и косвенным ответом на эту третью загадку может быть только следующее: для всего семейного клана Стройновских-Зуровых, Буткевичей и Маевских существовали какие-то очень серьезные причины, в силу которых добровольный мемуарист не мог - даже в 1881 году! - обнародовать именно имя этой своей тетушки, к тому времени, наверное, уже давно умершей.

Следовательно, первой нашей задачей было узнать, как звали третью, младшую дочь Александра Дмитриевича Буткевича от его третьего брака, которой в 1810-х годах было около 16 лет, - неизвестно, когда и где родившуюся, бывшую ли замужем и когда, где и как умершую. Сейчас ситуация сложилась так, что все загадки и умолчания Н.С. Маевского, словно преломленные лучи в фокусе, сошлись как раз на имени младшей сестры Екатерины Александровны Буткевич. Задача, вполне подтверждающая французскую поговорку, что у истоков всякой тайны - «ищите женщину». Чтобы современному широкому читателю стало вполне ясно, в чем заключается трудность такого поиска, нужно сказать, что, если жизнь и деятельность мужчин того времени (имеется в виду дворянское сословие), кроме церковных метрических записей о рождении, женитьбе и смерти, фиксировалась затем в их учебных аттестатах, послужных списках и формулярах, сохранившихся в разных архивах до наших дней, то в отношении женщин все было гораздо примитивнее. Они записывались в те же метрические книги при рождении, затем при выходе замуж, если это происходило, и когда умирали (дата и причина смерти). Кроме того, жены, как и дети, заносились в послужные списки мужей по имени и отчеству, но, как правило, без указаний их девичьей фамилии. Исключение составляли только дочери титулованных особ, когда, например, писалось: «женат на Марии, дочери князя или графа Ивана такого-то». Вот и все, если не считать архивных списков воспитанниц двух привилегированных Петербургских институтов для благородных девиц - Смольного и Екатерининского, да разных юридических актов, отражавших земельные, купчие, бракоразводные и другие тяжбы того времени. Ну, а в нашем случае? Известно лишь то, что в 1810-1824 годах интересующая нас особа, по отчеству Александровна и по фамилии Буткевич, жила в доме родителей, в старой петербургской Коломне, в приходе церкви Покрова Богородицы. Судя по воспоминаниям Маевского, она, как и ее сестры, в институте не училась. Однако этот поиск мы все-таки начали. Просмотр в Ленинградском историческом архиве метрических книг Коломенской церкви за 1817-1833 годы не принес результатов. Среди многочисленных записей о крестинах, свадьбах и похоронах прихожан этой церкви в те годы есть сведения о венчании в 1819 году Екатерины Буткевич с графом Стройновским, о рождении в 1823 году их дочери Ольги, о венчании матери Маевского Любви с его отцом в 1827 году и рождении его самого в 1833-ем, но ни

одного упоминания о третьей дочери Александра Дмитриевича там не было. Правда, все это отражало лишь зимний период, так как на лето вся семья уезжала в деревню, а метрические книги Преображенской церкви села Спасское Старо-Русского уезда Новгородской губернии не сохранились. Оставалась последняя надежда - исповедальные ведомости. Согласно церковным правилам, все прихожане в определенные дни должны были бывать у исповеди и «святого причастия», что и регистрировалось опять же в специальных книгах. Особенно строго это соблюдалось в последнюю неделю Великого поста, перед праздником Пасхи. И снова пришлось перелистать груды толстенных фолиантов в корявых от времени, изъеденных мышами переплетах, где на порыжелых страницах зачастую выцветшей, трудно разборчивой скорописью указывалось, что тогда-то и тогда-то у исповеди были те-то и те-то. И так год за годом, начиная с 1810-го. Но то ли семья генерала Буткевича не отличалась особым благочестием, то ли исповедывались они дома или в какой-либо другой церкви, но в первых просмотренных книгах этой фамилии не было. Разгадка появилась только в книге за 1815 год. Здесь, на обороте страницы 152 указывалось, что на страстной неделе в апреле месяце у исповеди и причастия были:

«Генерал-лейтенант Александр Дмитриевич Буткевич 65 лет и дети его:
Екатерина 17 лет
Любовь 14 лет
Татьяна 10 лет (!)
Николай 13 лет
и воспитанница его Виктория Алексеевна 7 лет»

Таким образом, вслед за Пушкиным, мы теперь можем повторить: «Ее сестра звалась Татьяной...» - и добавить, что, следовательно, именно это имя так тщательно скрывал Маевский в своих воспоминаниях. Но почему? Однако прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, вернемся ненадолго к приведенной записи, так как указанный в ней возраст членов семьи

А.Д. Буткевича и его самого требует уточнений. Делавший эту запись священник или дьячок допустил несколько неточностей - случай, с точки зрения архивных работников не редкий, вполне возможный. Он мог бы и не заслуживать внимания, если б весь рассказ не был связан с именем Пушкина.

Так, из ряда источников, начиная с хроники Маевского и кончая Провинциальным некрополем вел. кн. Николая Михайловича, известно, что Александр Дмитриевич родился 21 января 1759 года. Следовательно, весной 1815 года ему было 56, а не 65 лет. Далее, если считать правильной указанную Маевским дату рождения Екатерины Александровны - 6

августа 1799 года, - то в день исповеди ей было неполных 16 лет, а не 17. По хронике, его мать Любовь Александровна родилась 15 февраля 1801 года. Стало быть, в апреле 1815-го ей уже исполнилось 14 лет. Здесь все совпадает. По косвенным указаниям Маевского, его дядя Николай Александрович родился в 1804 году. В С-Петербургском некрополе сказано, что генерал-майор Ник. Александр. Буткевич, похороненный на кладбище Новодевичьего монастыря, умер 20 февраля 1878 года, на 75-ом году жизни (т.е. 74-х с лишним лет), следовательно, он родился после февраля 1804 года, а, значит, в апреле 1815-го ему было не более 11 лет, а уж никак не 13. Маевский пишет, что после 1804 года у его деда с бабкой детей больше не было. Его же указание на присутствие всех трех сестер на смотринах, подстроенных перед свадьбой Екатерины, а также то, что Екатерина была старшей, дает основание считать, что Татьяна была младшей сестрой и родилась между февралем 1802 и серединой 1803 годов. Тогда в апреле 1815-го ей должно было быть не более 13 лет, и, таким образом, в ведомостях ее возраст перепутан с возрастом брата Николая. Приняв 1802 год за дату рождения Татьяны Буткевич, следует полагать, что в 1817-1820 годах ей было соответственно 15-18 лет, а во время смотрин, то есть в 1818-ом, -16. И еще. Отсутствие в исповедальных ведомостях жены Александра Дмитриевича, Марии Семеновны, которая должна была бы быть указанной вслед за ним, скорее всего, говорит (если исключить случайность, например, болезнь) о том, что в 1815 году она еще не стала его законной женой. Маевский пишет, что вторая жена его деда, Анна Ивановна Фон-Меллер, умерла через несколько лет после кончины их старшего сына Алексея в 1812 - начале 1813 года. Скорее всего, под словами «несколько лет» подразумеваются не год-два, а пять-шесть. Опять же, приняв среднее, то есть пять лет, получаем, что умерла она в 1817 году. Алексей Татищев женился на А.И.Грановской в 1818-ом, в январе или середине декабря - но, естественно, не позднее, а, следовательно, вскоре после смерти Анны Ивановны и последовавшим за тем со стороны Александра Дмитриевича отречением от дочерей Софьи и Веры, которым было тогда 20-22 года, и изгнанием их навсегда из материнского имени. Такой поступок А.Д. действительно мог стать причиной новой вспышки негодования у старого графа Татищева и запрета на свадьбу сына с Екатериной Буткевич.

Последней в исповедальном списке указана воспитанница Александра Дмитриевича - Виктория Алексеевна, семи лет. Если этот возраст правилен, то, родившись в 1808 году, она, скорее всего, была внебрачной дочерью его сына Алексея Александровича...

Но продолжаем. «Итак, она звалась Татьяной». Так что ж из этого? - спросит читатель. И почему Маевский не хотел, не мог назвать ее имя? Много размышляя над предыдущими двумя его недомолвками, мы также задавали себе и этот вопрос. Но только когда с замусоленных,

закапанных воском страниц исповедальной книги Покровско-Коломенской церкви, сквозь толщу ста семидесяти лет глянуло на нас имя «Татьяна», только тогда стала приоткрываться завеса над всеми загадками Маевского, над его тайной. Даже не над ней самой. Ее суть еще продолжает оставаться непонятной и загадочной. Стало ясно лишь одно: назови он в своих мемуарах хоть раз это имя (кстати, не очень-то популярное в те времена, о чем в «Онегине» недвусмысленно сказано), и оно, завязавшись в тугий узел с прекрасной графиней из «Домика в Коломне», с предположениями Лернера о прототипе «онегинской» Татьяны, со свидетельством В.М. Глинки, таинственным мадригалом «К.А.Б.», неминуемо направило бы беспокойное племя пушкинистов по своему заманчивому следу, и они давно уже прошли бы сквозь воздвигнутую Маевским стену.

Но что увидели бы они по ту ее сторону? Какую тайну ему нужно было скрыть так тщательно и надолго? Думается, что ответ теперь может быть только один. Дело касалось событий, бросавших тень на безупречность семейной репутации. То есть тех условных понятий о чести дворянских фамилий, как самого Маевского и его родственников (Зуровых, Буткевичей, Багратионов-Имеретинских), так, возможно, с его точки зрения, и репутации семьи потомков Пушкина, которая была для них в то время уже важнее нескольких коротких, неизвестных нам страниц биографии юности поэта. Сейчас это столь же трудно понять, как и допустить, что где-то существует неизвестный дневник Пушкина, который по чьей-то злой воле не может стать достоянием нашей и мировой культуры. Но тогда, столетие назад, потомки Стройновской, как уже говорилось, в силу своего общественного положения находились в плену иерархических фамильных предрассудков. Той же паутиной были окутаны и потомки Пушкина. Из книги В.М. Русакова мы знаем о парадоксальной судьбе некоторых из них. Достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что младшая дочь поэта Наталья Александровна уже была в те годы женой принца Ниссауского, брат которого с 1844 года был женат на племяннице Николая Первого. В кругу этих людей прощалось и забывалось многое, пусть даже весьма сомнительное в истинном понятии чести и порядочности, но только в том случае, если оно не становилось предметом гласности. Поэтому Маевский и умолчал о чем-то, что не подлежало огласке, публикации, должно было быть навсегда похороненным вместе с памятью уходящих очевидцев и современников. В так называемых «беловых рукописях» II главы романа «Евгений Онегин» одна из редакций XXI строфы, начиная с пятого стиха, звучала так:

«... Не портили Татьяны милой.
Фадеевна рукою хилой

Ее качала колыбель -
Потом стлала (ее) постель.
Она за ней одна ходила,
Бову рассказывала ей,
Чесала шелк ее кудрей
(И чаем) по утру поила.
Да раздевала ввечеру
Ее да старшую сестру» (Выделено нами - Б.Б.)
(Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Издательство Академии наук СССР, 1937, т.6, сс.566-567).

Причем это было не случайно, ибо Татьяна, как младшая сестра основной героини, появилась здесь в результате авторской переделки текста. Видимо, Пушкин на каком-то этапе колебался, кого из сестер, младшую или старшую, назвать Татьяной. Но если - младшую, то какое же имя он дал бы старшей, для «описания» которой в семнадцатой строфе намеревался даже взять «новый карандаш»?..

Надеемся, на этот вопрос отвечает предложенная гипотеза, которую попытался обосновать автор. Как кажется, доверие к ней позволит отредактировать и самого Пушкина: «она» не только «казалась», «она была» действительно - Катенька Буткевич, необычайная по силе, длительности, влиянию на всю жизнь и им самим никогда не названная, «утаенная» любовь великого поэта.

ДИАЛОГ С ОППОНЕНТАМИ

Может быть, и вправду: чем полнее мы очищаем творческую личность от всего личностного - от внешних признаков, от исторических черт, от ее известности, - тем ближе подходим к «сокровенному центру» ее универсальности. А все же, расшифровывая «белые пятна» биографии гения, реконструируя его мысли и чувства, мы делаем это, в известной мере, по «образу своему». Поэтому стоит ли удивляться, что каждое новое прикосновение к жизни А.С. Пушкина, любое гипотетическое построение, связанное с его именем, должно вызывать и вызывает контраргументы? Это естественно. И важно тут только одно - убедительность этих возражений, так как только она одна дает «чистый опыт». Наша гипотеза, изложенная в очерках под общим названием «Она казалась... она была...», предполагает, как уже знает читатель, что «утаенной» любовью Пушкина была Екатерина Александровна Буткевич. Пушкинисты - не все, конечно, - не согласны. Рассмотрим их возражения на примере наиболее развернутой рецензии Валерии Федоровны Муленковой, зав.сектором Государственного музея А.С. Пушкина. Итак, Валерия Федоровна считает, что слова Маевского «Пушкин не был знаком с Екатериной Буткевич» - свидетельство скромности мемуариста, которому «напротив... было скорее лестно назвать свою тетку в числе знакомых поэта. Но, не имея для этого документальных оснований, мемуарист проявляет осторожность». Мы же уверены, что Маевский умышленно написал эти, ставшие на наш взгляд роковыми для исследователей, слова. Наша уверенность основана на следующих предположениях. Маевский родился в 1833 году, значительно позже интересующего нас времени. Свою семейную хронику писал где-то около 188го.

Основными источниками для него, скорее всего, были рассказы матери, бабки и некоторых слуг, умерших, вероятно, много ранее написания хроники. Так, его мать умерла в 1852 году, когда ему было девятнадцать лет. Бабушка - через два года. За последующие почти тридцать лет многое из того, что не было записано, могло стереться в памяти. Конечно, написать фразу «Пушкин не был знаком с Екатериной Буткевич» Маевский мог и потому, что ничего не знал и не слышал об этом знакомстве. Но почему не знал? Потому что - не было? А если потому, что в прошлом его семьи, как и во всякой другой, могли иметь место события, которые не подлежали разглашению и, в данном случае, не позволяли его матери и бабушке говорить о Пушкине и Пушкиных вообще?

Более того, с самого Маевского могли потребовать обещания (в том числе и сама его тетка Стройновская - Зурова) не говорить и не писать на эту

тему. Характерно, что во всей хронике фамилия поэта упоминается только один раз именно в разбираемой нами фразе.

Здесь же нужно учесть, что в 80-х годах прошлого века дети Стройновской от второго брака, т.е. Зуровы, занимали очень видное и влиятельное положение в высшем петербургском свете, и не считаться с их мнением в вопросе, касающемся прошлого их матери, Маевский, конечно, не мог. Но кажется бесспорным, что Маевский в то же время не мог не знать о близком соседстве семьи своего деда с семьей Пушкиных. (Расстояние меж их домами составляло не более двухсот метров). Не мог не знать, что лучшая, задушевная подруга его матери графиня Екатерина Марковна Ивелич была одновременно родственницей и очень близкой знакомой Пушкина и жила буквально рядом с обеими семьями. Также он, наверно, знал, что дети Александра Дмитриевича - Екатерина, Любовь, Николай - и дети Сергея Львовича - Александр и Лев - были почти ровесниками. После выхода Пушкина из лицея все они жили, в основном, под родительскими крышами, и Маевский вряд ли не понимал, что вся эта молодежь, живя в столь близком соседстве, имела немало поводов и случаев для частого общения.

Учитывая все это, для Маевского логично было бы, даже проявляя максимальную осторожность, написать, что он не знает или что ему неизвестно, были ли знакомы Пушкин и его тетка. Однозначность же его фразы, по нашему мнению, направлена как раз на то, чтобы отвести любого читателя даже от мысли о возможности этого знакомства. (Время показало, что он добился желаемого результата). Вопрос же о том, зачем ему это было нужно, остается пока нерешенным.

«В научном издании: Л. Чарейский «Пушкин и его окружение» (Л. «Наука», 1976, с.400) фамилия Стройновской, урожденной Буткевич, дана со звездочкой, означающей гипотетичность знакомства с Пушкиным. Автор же строит свою гипотезу не только о знакомстве, а о близком знакомстве Екатерины Буткевич с поэтом, не приведя для этого ни единого серьезного доказательства». Это - следующее возражение оппонентов, аргументированность коего, пожалуй, лишь в категоричности. И еще: «Исследователи т.н. «Донжуанского» списка Пушкина среди имен Катерина 1,2,3,4 имя Стройновской даже не предполагают». К сожалению, вынуждены здесь напомнить, что всякая гипотеза (в переводе с греческого - «предположение») является предположительным суждением о закономерной связи явлений (событий).

И в данном случае она предполагает на основе логических сопоставлений биографических фактов и пушкинских текстов направить работу исследователей на поиск документальных доказательств, обретя которые, данная гипотеза перестанет быть только гипотезой. Отсутствие же имени Стройновской в работах, посвященных «Дон-

Жуанскому» списку, имеющему на сегодня много «белых пятен», - не аргумент. И нужно добавить, что если бы пушкинисты за прошедшие сто лет хотя бы предположили в одной из Екатерин «списка» Екатерину Буткевич, то вопрос о гипотетичности ее знакомства с Пушкиным был бы давно снят, а сам факт подвергся бы, вероятно, самому внимательному изучению.

Некоторых рецензентов не устраивают «довольно странный язык и манеры» (цитата принадлежит В.Ф.М.) Пушкина в очерке «У соседей», написанном лишь как пример одного из возможных вариантов встречи Пушкина с Екатериной Буткевич и начала ее разрыва с графом Татищевым. Вниманию этих критиков предлагаем первоисточники:

- 1) А.М. Каратыгина. Воспоминания. 1880, т.28, с.568.
- 2) А.И. Тургенев. Ост. Архив, 1,296.
- 3) Вересаев. Пушкин в жизни, т. 1, с. 126.
- 4) Спутники Пушкина. т.1, с.213.
- 5) Яцевич. Пушкинский Петербург. 1935, с.12.

На вопрос о том, что побудило Пушкина переименовать няню Лариных из Фадеевны в Филиппьевну, дать однозначный ответ так же нельзя, как безоговорочно отрицать возможную связь между Фадеевной у Лариных и, допустим, матерью или женой буфетчика (по Маевскому, наиболее доверенного слуги в доме) Фадееича, которую, повторяем, скорее всего звали Фадеевна.

Далее. «При перечислении общих знакомых Буткевичей и Пушкина происходит смещение во времени - первые свидетельства о личных встречах поэта с Хвостовым относятся к 1830 году (Черейский, с.451), Арендт лечил Пушкина с 1821 г., они не могли одновременно встречаться у Буткевичей. Кроме того, есть еще ряд неточностей. Так... Шемиот - двоюродный брат не матери Пушкина, а самого поэта (Павлищев, с.50)». Отвечаем. В очерке «Факты» написано: «... что семьи Пушкиных и Буткевичей, живя в близком соседстве и имея немало общих знакомых, вполне могли быть знакомы между собой...». Здесь, как видно из приведенного текста, речь идет не о знакомых самого Пушкина, а, в первую очередь, об общих знакомых семьи поэта и семьи Буткевичей. А потому заметим, что тот же Черейский (с.450) говорит и о возможности знакомства Пушкина с Хвостовым еще в лицейские годы, и о посещении лица - 20 марта 1816 года - Василием Львовичем Пушкиным вместе с Державиным, Жуковским, Хвостовым и др. Точно так же врач Н.Ф. Арендт (по словам Маевского, «друг и домашний врач семьи»), лечивший Пушкина после ссылки, мог и раньше бывать в обеих семьях. Но в последнем случае замечание о смещении во времени имеет основание, хотя и требует подтверждения, как и наша версия.

В отношении же незадачливого жениха Любови Буткевич - Шемиота, действительно, была допущена неточность. Однако ошибался здесь уже Павлищев. Согласно родословной росписи, приведенной в 1-ом томе сочинений Пушкина (изд. Анненкова, СПб, 1855 г., с.435), Шемиот был сыном двоюродной сестры Надежды Осиповны Пушкиной и приходился поэту троюродным братом.

«Впервые выдвигается причина стремления Пушкина покинуть Петербург в 1819 г. - трагедия неравного брака Екатерины Буткевич. Но известно, что Пушкин был серьезно болен и потому испросил отпуск в Коллегии иностранных дел, чтобы уехать в Михайловское».

Ответ. Летом 1819 года Пушкин после болезни пробыл в Михайловском всего лишь около месяца. Говоря о его стремлении покинуть Петербург в 1819 -м - начале 1820-го, мы имели в виду общее настроение поэта, его желание поступить на военную службу, уехать за границу и т.д. Обычно это объясняется пущенной в Петербурге сплетней о том, что он якобы был высечен в канцелярии III отделения.

Трагедия первого брака Екатерины Буткевич, как одна из причин такого настроения Пушкина и его желания покинуть столицу, действительно, выдвигается впервые.

Конечно, не все оппоненты аплодируют и атрибутированию мадригала поэта «К.А.Б.***». Вот одно из конкретных возражений: «Но ведь первоначальными вариантами названия этого стихотворения были: «Экспромт М...ой» и «Экспромт М-оой». Рядом с ним печатается обычно другое стихотворение Пушкина «Мадригал М... ой», которое датируется тем же временем, т.е. 1817-1820 гг. Таким образом, адресат мадригала первоначально скрывался поэтом за этими буквами».

Это довольно распространенное заблуждение. И вот почему.

1. Пушкинский автограф этого стихотворения не сохранился.

2. Первоначально этот мадригал был помещен Пушкиным (в конце 1819 - начале 1820 годов) в подготовленный к изданию сборник его стихотворений, представляющий собой писарскую копию, известную под названием «тетради Всевожского», где назывался «Экспромт». Пушкин самолично передал Никите Всевожскому ее с просьбой издать сборник в его отсутствие, тем самым полностью подтверждая свою авторскую корректуру. В отсутствие Пушкина его сборник не был издан.

В Михайловском, в 1825 году, Пушкин, получив «тетрадь Всевожского» обратно, вновь корректирует текст и исправляет «Экспромт» на «К.А.Б.***». До получения «тетради Всевожского» Пушкин, восстанавливая многое по памяти, создает так называемые «тетради Капниста», где в записи заглавий (не приводя его полностью) называет стихотворение «Экспромт» и дает начальную строку:

«Что можем наскоро».

«Тетрадь Всеволожского» подробно описана Тимашевским и Цявловским в кн. «Летописи гос. лит. музея», кн. 1, Пушкин, с. 1-79. В резюме, посвященном стихотворению «К.А.Б.***», сказано (с.61) : «25 К.А.Б.*** (Экспромт)». В этом стихотворении Пушкин изменил только название. (Его же рукой сделана пометка «М», т.е. «Мелочи» - Б.Б.). Текст его совпадает с текстом издания 1826 года. Ранних текстов этого стихотворения не известно, равно как не известна и дата его написания. «Тетрадь Всеволожского» ставит начало 1820 года как предел, но это можно было бы предположить и на основе стилистических особенностей. Возможно, что мадригал относится к еще более раннему времени, например, к лицу, хотя и не фигурирует в лицейских собраниях. Буквы, поставленные в заголовке, не расшифрованы до сего дня». В примечании М.А.Цявловского к этому стихотворению (П.С.С. Пушкина изд. Академии наук, т.2 (2), 1949 г.,с. 106) сказано:

««К.А.Б.***». («Что можем наскоро стихами молвить ей».) (с.123 и с.606). Напечатано Пушкиным впервые в «Стихотворениях А. Пушкина» изд. 1826 г.,с.111, в отделе «Эпиграммы и надписи». Вошло без изменений в «Стихотворения А.С. Пушкина» часть 2-я 1829 г.,с. 150, в отделе стихотворения «разных годов» (С.П.)». Копии в сборниках:

1. В «тетрадах Всеволожского», л. 11 оборот с исправлениями Пушкина в 1825 году. У заглавия карандашом помета Пушкина 1825 г.: «М», т.е. «Мелочи». (Вс.). Напечатано Тимашевским в публикации «Тетрадь Всеволожского» (см.выше).
2. Шереметева (Ш). Датировка: 1820-е годы.
3. Кавелина (Квл) - Вторая половина 1820 гг.
4. Долгорукова (Дл) - 1830 - 1860-е гг. (датировку см. П.С.С. Пушкина изд. Академии наук, т.2(2), 1949 г.,с. 1008, 1009,1011).

Все копии восходят к не дошедшему до нас автографу (ищи в архиве Стройновских! -Б.Б.). Под обозначением «Экспромт» («Что можно наскоро...») вошло в «тетради Капниста», л.1, в перечень стихотворений отдела «Эпиграммы, надписи и пр.». См. Л.Н. Майков «Автографы Пушкина, принадлежащие П.Н. Капнисту» - «Известия отделения русского языка и слов. имп. Академии наук», т. 1,1896г., кн.3, с.580. Включено в рукопись 1830г. (курсив наш - Б.Б.) - Л.Б. N» 2393, л. 103. Печатается по С.П. Датруется июнем (не ранее 11-го) 1817 - 1819 гг., предположительно не позднее ноября (М.Ц.) (т.е. не позднее свадьбы ЕА. Буткевич - Б.Б.)».

Приведенные выше ссылки и цитаты дают полное основание утверждать, что наличие в копиях N* 2,3,4 названия «Мадригал М-ой» ни в коей мере не имеет отношения к авторству или корректуре Пушкина.

Все они, а в 3-ем и 4-ом случаях - безусловно, должны быть отнесены ко времени после выхода в свет СП (1826 г.) и, скорее всего, возникли в отсутствие Пушкина, предположительно, как попытка расшифровать адресат мадригала сначала Шереметевым Л.В. (см. Черейского), а затем Кавелиным и Долгоруким. Н.О. Лернер в статье «Дон-Жуанский» список» пишет: «Весьма возможно также, что Катерина 4 - либо Е.В. Вельяшева, либо Е.А. Тимашева; может быть, она даже та «К.А.Б.», которой Пушкин посвятил когда-то четверостишие (чье имя обозначено этими инициалами, установить невозможно)», (Пушкин, т. 4, СПб, Б-Ефрон, 1910 г., с.98).

Таким образом, следует, что исследователи «Дон-Жуанского» списка среди имен Катерина 1,2,3,4 имени К.А. Стройновской даже не предполагают, - факт, гипнотизирующий многих знатоков пушкинианы. Стройновской - да. Но имя Катерины Александровны Буткевич Лернер-то как раз и предположил благодаря Маевскому, правда, сам того не подозревая. В дополнение нельзя не упомянуть, что тот же Н.О. Лернер посвятил мадригалу «К.А.Б.***» очень подробный комментарий, в котором проследил на удивление превратную судьбу этого стихотворения в печати с 1870 по 1907 годы (см. Пушкин, т.1, СПб, Б-Ефрон, 1907, с.448). По нашему мнению, «К.А.Б.» - это, скорее всего, Катерина 2 или даже загадочная NN.

«В отношении Стройновской - прообраза Татьяны из «Онегина»- тоже можно возразить. Здесь совпадают лишь отдельные страницы их жизни. Современные пушкинисты прототипом образа Татьяны чаще называют Н.Д. Фонвизину». Вот такой контраргумент!

Интересно, что подразумевается под словами «отдельные страницы жизни»? Возраст Татьяны, когда Пушкин расстался с ней в конце романа, - не старше 22 - 23-х лет. В этом возрасте Екатерина Стройновская еще постоянно жила в Петербурге и ждала рождения своей единственной (от первого брака) дочери Ольги. Так какие же это «отдельные страницы их жизни»? Татьяна, как известно, росла в деревне, а Екатерина Буткевич - в городе. Так ведь петербургская Коломна была почти деревней. Или, может, имеется намек на ярмарку невест в Москве. Конечно, мы не найдем в жизни Татьяны точную фотографию жизни Буткевич-Стройновской. Более того, почти все приведенные нами в виде эпитафий и отрывков из «Онегина» строки Пушкина взяты из черновых вариантов, не включенных поэтом, и, думается, не случайно, в основной текст романа. Что же касается Н.Д. Фонвизиной как прототипа Татьяны Лариной, то, во-первых, Пушкин вообще не был с нею знаком (см. Черейского), во-вторых, есть свидетельство целой творческой киногруппы, в содружестве с пушкинистами работавшей над созданием телефильма «Ужель та самая Татьяна». Для сбора материала, подтверждающего версию «Н. Фонвизина - Т. Ларина», ими были

перерыты основные, архивы страны и найдено много документов, писем и проч., освещающих разные периоды жизни Наталии Дмитриевны. Фильм был снят и показан по телевидению, но перед премьерой в еженедельнике «Говорит и показывает Москва» (N»20 от 11.05.83) появилась статья, где автор сценария М. Столбова писала: «Несмотря на многие биографические совпадения, к концу поиска мы склонны были согласиться с некоторыми литературоведами, выражающими сомнение: она ли (Фонвизина - Б.Б.) послужила прототипом Татьяны Лариной».

Вообще-то пушкинисты любят цитировать вот эти слова Н.О. Лернера: «Любимая героиня Пушкина соединяла в себе некоторые черты многих женщин и ни с кого исключительно не была списана». (Пушкин, т.4,СПБ, 1910, с.92).

Лернер написал эти строки в 1909 году. Но он же в 1916-ом опубликовал в журнале «Столица и усадьба» (N»72 от 15.12.1916, с.17) статью под недвусмысленным названием «Прообраз Пушкинской Татьяны», имея в виду историю жизни Катерины Стройновской. Два года спустя он же в сборнике «Наша старина» (Т.Н»???, 1917 г., с.32 -38 и портрет) опубликовал статью «Графиня Стройновская», в которой прослеживал весь жизненный путь Екатерины Александровны вплоть до ее кончины в 1867 году. Заканчивал он так: «Грустная история ее первого брака не могла не быть известна Пушкину... Отголосок этой повести мы находим в судьбе Татьяны Лариной...».

Спустя еще 12 лет тот же Н.О. Лернер в своей книге «Рассказы о Пушкине» («Прибой» 1929 г.) помещает главу «У возможных истоков «Евгения Онегина»», состоящую из двух частей. Во второй части, под названием «Один из прообразов Татьяны», он почти дословно перепечатывает свою статью, помещенную ранее в журнале «Столица и усадьба». И еще. У самого Пушкина мы находим три варианта в концовке романа:

«А те, с которых образован Татьяны милый идеал...» («Болдинская осень», М., 1974 г., с. 123).

«А та, с которой образован Татьяны милый идеал...» («Пушкин,т.5, Л.: «Наука», 1978 г., с. 164).

«А ты, с которой образован Татьяны милый идеал...» («Пушкин,т.3, Б-Ефрон, 1909 г., с.314) (курсив везде наш - Б.Б.).

Теперь о письме Татьяны, которое мы считаем действительной реалией, а «большинство пушкинистов сходится на том, что письмо представляет собой ряд реминисценций, в первую очередь, из текстов французской литературы».

Вопрос очень емкий, и ответить на него коротко невозможно. Прежде всего, о реальности письма. Здесь наше мнение в принципе совпадает с

предположением Иванова-Разумника, комментирующего «Онегина» в издании Брокгауза. Он писал: «... Онегин не был Пушкиным, который «свято берег» это письмо и перечитывал его «с тайной тоскою». Далее идет сноска: «... возможно, что это автобиографическое признание Пушкина. Эти строки написаны им в Михайловском, в конце 1824 года, когда Пушкин читал и перечитывал письмо своей «Татьяны» - графини Е.К. Воронцовой». Строки же самого письма Татьяны, приведенные нами, разбирались Ивановым-Разумником с позиции русской идеалистической критики с привлечением цитат из Достоевского и др. (см. Пушкин, т.3, Б-Ефрон, 1909 г., с.22 и сл.).

Что касается реминисценций, связанных с французскими романами (имеется в виду Ж.Ж. Руссо «Новая Элоиза»), то появлением этой версии мы обязаны В.В. Сиповскому, который первый предложил ее в своих комментариях. Затем ее поддержал Н.Л. Бродский (Комментарий к «Евгению Онегину», М., 1972 г., с.110). За ним повторил Я.М. Смоленский («В союзе звуков, чувств и дум», М., 1976 г., с.95). К этому же мнению присоединяется и Ю.М. Лотман (Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980 г.).

В то же время, если принять нашу гипотезу, то все становится на свои места и соответствует жизненной реальности.

Вот еще один контраргумент В.Ф. Муленхой: «Станным кажется вывод автора относительно реестра Ивана Буткевича, использованного Пушкиным в «Капитанской дочке». Этот реестр стал известен каждому читателю не «благодаря красоте» Стройновской и «вдохновенному ею гению Пушкина», а потому что документ, найденный поэтом, сам по себе эпохален и выразителен, и будь он реестром дворянина другой фамилии, а не Буткевича, он был бы так или иначе опубликован Пушкиным».

Полностью соглашаясь с эпохальным и социальным значением реестра Ивана Буткевича, безусловно оцененным Пушкиным, считаем нужным заметить следующее:

1. Пушкиным было просмотрено в общей сложности 3587 документов, касающихся восстания Пугачева. Из них он включил в свои архивные тетради только 320, т.е. 9 процентов (в том числе и реестр Буткевича). (См. Овчинников Р.В. Пушкин в работе над архивными документами. Л.:»Наука», 1969 г., с. 83).

2. Реестр по неизвестным нам причинам (возможно, из-за нежелания упомянуть фамилию Буткевичей отдельно, а не в длинном перечне помещиков, казненных Пугачевым, как это сделано им в приложении, где мы находим несколько Буткевичей) не был приведен Пушкиным в тексте «Истории Пугачева». Он великолепно использовал его в «Капитанской дочке» как связующее звено, как мотивировку отношений Гринева и Пугачева. Сам реестр был почти полностью переделан

Пушкиным, (см. Оксман Ю. Пушкин в работе над «Капитанской дочкой» - Литерат. наследство, т.58, с.235, 239). В этом виде документ уже смотрится в плане эпохальности и социальной значимости.

3. Можно с уверенностью предположить, что наряду с реестром Буткевича в просмотренных Пушкиным «Пугачевских книгах» среди 3587 документов были и другие реестры, так как разгромленные помещики подавали их во все инстанции, вплоть до Екатерины II. Мы же считаем, что первоначальной, эмоциональной причиной, побудившей Пушкина заинтересоваться данным реестром, было именно то, что составителем его являлся Иван Буткевич - родственник его петербургских соседей.

«Кроме того, - пишет в своей рецензии В.Ф.Муленкова, - нуждается в проверке и уточнении ряд дат:

1. Дата рождения Екатерины Буткевич - 6 августа 1800 г., а не 1799 - см. Русский провинциальный некрополь. М., 1914, с. 323. Л. Черейский исправил свою ошибку в статье, посвященной новой публикации портрета Стройновской, «Воспетая Пушкиным» («Вечерний Ленинград», 1985, 7 февраля)».

Возразим: и совершенно напрасно это сделал. Некрополь великого князя Николая Михайловича грешит многими неточностями и несоответствиями. В данном случае нужно вспомнить, что Маевский называет дату рождения своей матери (здесь он вряд ли ошибается) - 15 февраля 1801 года. Легко понять, что Екатерина Буткевич не могла родиться 6 августа 1800 года.

«2. Дата венчания Е. Буткевич и графа Стройновского 1817 - 12.11.1818 г. (см. Черейский, с.400)». Дата венчания Стройновской уточнена нами по переписке митрополита Евгения Болховитинова с В.Г. Анастасевичем (переводчиком книги В. В. Стройновского). (См. Р.А. 1889 г., т.2, с. 167 - 168).

«3. Дата смерти графа В.В. Стройновского, по одним данным, 1831г. (Энци. словарь Б-Ефрон, т.31, с.824), по другим данным - уточненным - 1834 г. (Черейский Л. Воспетая Пушкиным)».

Дата смерти В.В. Стройновского - 1835 год - указана нами по Маевскому. Кстати, дата - 1834 - была указана еще в примечаниях к архиву братьев Тургеневых (см. т. 2, 1913 г., с.192).

И последнее. Приведенные в названии первого очерка строки «Она казалась... она была...» взяты из «Домика в Коломне» и касаются непосредственно образа графини Стройновской (октавы ХХIП и ХХIV). В 8-ой главе «Онегина» они звучат в обратной последовательности: «Она была... она казалась...» Тем не менее, написанные Пушкиным в Болдине почти одновременно, эти фразы, перекликаясь между собой, еще раз говорят о едином образе любимой Пушкинской героини.

ДОСАДНЫЕ НЕТОЧНОСТИ ХОРОШЕЙ КНИГИ

Популярная литература о Пушкине пополнилась существенным вкладом. В издательстве «Правда» массовым тиражом (350 т.экз.) вышел в свет двухтомник «Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками». Составитель и автор вступительных очерков В.В. Кунин. Совсем недавно многие почитатели первого поэта России, все, кто интересуются его жизнью и творчеством, с большим интересом прочли две книги того же В. Кунина «Друзья Пушкина», теперь перед нами еще более интересная его работа, посвященная биографии самого поэта. Ее значение, пожалуй, трудно переоценить. Со времени появления в 1930-х годах книги Вересаева «Пушкин в жизни» это первый и безусловно успешный опыт популярного пушкиноведения в подборке и публикации как уже известных материалов о Пушкине, так и новых, являющихся результатом архивных и других исследований, опубликованных небольшими тиражами в специальных научных изданиях.

В предисловии к вышедшему двухтомнику говорится: «Цель предлагаемого сборника - собрать вместе хотя бы часть разрозненных официальных, эпистолярных, мемуарных свидетельств и, объединив их с автобиографическими строками великого поэта, сделать доступными самому массовому читателю... читателю-пушкинисту, чья квалификация за последние десятилетия необычайно возросла...» Можно с удовлетворением отметить, что поставленная составителем нелегкая задача выполнена. И еще в предисловии есть такие строки: «Многочисленные стихотворные произведения включаются нами в документальный монтаж вовсе не с целью прямого их биографического толкования. Только в контексте писем и всех иных материалов они помогают воссоздать личную биографию поэта. Это нисколько не противоречит тому факту, что поэтические строки Пушкина, рожденные конкретными впечатлениями бытия, поразительно точны в деталях». Да, все правильно. О том, что Пушкин всегда конкретен и точен, говорилось уже не раз. И этот факт, несомненно, обязывает всех, кто берет на себя ответственность писать о нем, тем более для массового читателя, быть так же предельно точным в изложении всего, что касается жизни и творчества поэта. К сожалению, при всех упомянутых и бесспорных достоинствах нового сборника В. Кунина, нельзя обойти молчанием досадные неточности, имеющие в нем место.

Не будучи профессиональным пушкинистом, вернее, специалистом научного пушкиноведения в энциклопедическом смысле сегодняшнего его объема, и, следовательно, не имея возможности проанализировать и проверить все факты, даты, цитаты и пр., приведенные на полутора тысячах страниц, составляющих «Жизнь Пушкина...», и в том числе вступительные очерки составителя, предпосланные каждой главе,

остановлюсь только на одном из них. В первом томе, в четвертой главе есть очерк под названием «В красе надменной и суровой», занимающий всего семь страничек и рассказывающий о возможном знакомстве Пушкина с Е.А. Стройновской-Буткевич. Этой теме был посвящен наш очерк «Мадригал», упомянутый В. Куниным. Не вступая в полемику о достоверности выдвинутой в «Мадригале» гипотезы, укажем лишь на допущенные В. Куниным неточности и ошибки, которые желательнее исправить при возможном переиздании его книги. Автор, в основном, пересказывает воспоминания племянника Стройновской Н.С. Маевского и, не посчитав нужным проверить, по возможности, их достоверность, может быть, и несущественную для семейных мемуаров, но недопустимую в отношении биографии Пушкина, повторяет ошибки мемуариста или же дополняет его текст отсутствующими в нем подробностями. Независимо от значимости этих погрешностей приведем их по порядку.

Вслед за Маевским, Кунин пишет: «... Когда исполнилось ей (Екатерине Буткевич - Б.Б.) 16 лет... в нее страстно влюбился молодой граф Александр Татищев...» О возрасте Маевский не упоминает, это предположение Кунина, а вот старший сын генерала от инфантерии графа Н.А. Татищева - Александр Николаевич - был убит в 1805 году в сражении под Аустерлицем и никак не мог быть влюбленным в 1815 году. Второй сын А.Н. Татищева - Сергей - сложил голову под Бородином в 1812 году. Надо полагать, что несостоявшимся женихом был третий сын генерала - Алексей Николаевич (1792 - 1851гг.), с декабря 1818 года (не позднее - Б.Б.) женатый на Анне Ивановне Грановской. Далее у Кунина читаем: «... Позвали однажды трех сестер в гости к родственникам...» (т.е. на смотрины - Б.Б.). Сенатский секретарь Кохановский и его жена, о которых тут идет речь, следуя Маевскому, родственниками Буткевичей не были.

Кунин: «... Красота Екатерины Буткевич... давно (Б.Б.) уже пленила графа (Стройновского - Б.Б.) ...Согласие родителей было, казалось, обеспечено...» Маевский: «Красота моей тетки... поразила его... Согласие родителей было заранее обеспечено...» Между «казалось» и «заранее обеспечено» есть существенное различие. Кунин: «...Он (отец Екатерины Буткевич - Б.Б.) позвал дочь... и думать запретил ей о подобных вещах». Маевский: «...Взволнованный и растроганный, он привлек дочь к себе на грудь и сквозь слезы дал ей свое благословение...»

Характеризуя графа Стройновского, Кунин в примечании пишет: «Между прочим, книга В.В. Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами» (Вильно, 1806г.) напугала правительство и одно время была запрещена». Это не совсем верно. Она была запрещена лично министром народного просвещения А.К. Разумовским, не понявшим казуистику ее смысла, весьма далекого от истинной защиты прав

крепостных крестьян. Исполнивший приказание министра П.И. Голенищев-Кутузов получил выговор. Александр I писал: «В упомянутой книге ничего похожего всем вашим опасениям я не нашел». Более того, современники считали, что именно за эту книгу Стройновский был сделан сенатором. Далее Кунин пишет: «В 1817 году (весной - Б.Б.)... состоялась свадьба в Коломне - Храме Покрова... Екатерина Буткевич вышла из церкви графиней Стройновской». В нашем очерке «Мадригал» указывалось, что свадьба Стройновских состоялась в начале 1819 года. Это подтверждается записью К5 в метрической книге Покровской церкви от 29 января 1819 года: «Господин тайный советник и разных орденов кавалер граф Валериан Стройновский венчался с дочерью г. генерал-лейтенанта Александра Дмитриевича Буткевича девицей Екатериной Александровной...» (См. заметку Н. Жуковой в газете «Вечерний Ленинград» от 4.04.85г.). Совершенно непонятно, почему В. Кунин, упомянув затем наш очерк, публиковавшийся в «Литературной России» №47,1985г., приписывает нам предположение, что приведенные в нем строки из поэмы «Езерский» мы считаем посвященными Стройновской. Ничего подобного из текста «Мадригала» не следует. Строфа из «Езерского» приведена лишь как косвенное подтверждение выдвинутой гипотезы. Здесь же читаем: «К ней же (Стройновской - Б.Б.) Б. Матвеевский (псевдоним автора «Мадригала» - Б.Б.) относит и четверостишие 1820 (?) года «К.А.Б.***» (предполагается - Катерине Александровне Буткевич). Однако убедительных подтверждений этой версии пока нет. Да и в 1820 году Катенька Буткевич уже три года как была Екатериной Александровной Стройновской». Прежде всего, непонятно, почему В.Кунин относит мадригал «К.А.Б.» к 1820 году, а не к 1817-му? М. Цявловский датирует его интервалом времени между июнем 1817 и ноябрем 1819 гг., Н. Лернер и П. Ефимов склонны были относить его к раннему послелицейскому периоду, то есть к началу 1817 года. Более точной датировки «Мадригал» не имеет. Затем - В.Кунин снова повторяет свою ошибку о времени замужества Стройновской: в 1820 году она была замужем всего год, а не три. Любопытно также узнать, откуда у автора очерка информация о любви Стройновского к сочинению стихов по-польски с латино-французскими примесями? Маевский упоминает только о его трудах по политической экономии, имея в виду уже упомянутую книгу и трактат в 4-х частях «Всеобщая экономия народов...», СПб, 1817 г. Других его сочинений мы не знаем.

Кунин: «Впоследствии, когда, разорившись, он жил в деревне... До бедности было, конечно, далеко, но петербургское изобилие все же осталось в прошлом...» О каком разорении или «далекой, но бедности» может идти речь, когда, даже продав один из двух своих петербургских домов с картинной галереей и статуей Кановы и заплатив миллион долга, Стройновский оставался владельцем 7000 душ крепостных мужского

пола в своих западноукраинских имениях и 2000 душ, купленных им в Новгородской губернии, и построенного там каменного дома? В конце очерка о Стройновском Кунин пишет, что по смерти первого мужа она через год вышла замуж за Ельпидифора Антиоховича Зурова, и далее дает цитату: «Побьюсь об заклад, что ее соблазнило имя - иначе как объяснить ее брак? Женщина сорока лет, богатая, независимая...» Здесь все правильно, только это не шуточный разговор сестры Стройновской, а письмо Ольги Сергеевны Павлицевой, сестры Пушкина, к мужу П.И. Павлицеву. И, в заключение, еще об одной маленькой ошибке. Дочь Стройновских О.В. Багратион-Имеретинская умерла за границей, в Марселе, но не в 1852, а в 1853 году. Это указано на ее надгробии в Александро-Невской лавре в Ленинграде.

Уточнение даже косвенных фактов, касающихся жизни и творчества гения, представляется нам делом в высшей степени нравственным. Вот отчего, думается, столь фундаментальное здание возвела пушкинистика - как профессиональная, так и любительская, - и конца этому долгострою, видно, не бывать. Это тот редкий случай, когда мы искренне говорим: и слава Богу, что не бывать! Наш следующий очерк - об одном таком косвенном факте, анализ которого обогащает ощущения и приводит к мысли о закономерности случайностей. Впрочем, как уже доводилось писать, судите сами.

«ХОТЯ КРУПИЦУ МОГ НАЙТИ»^{xvi}

Этот портрет был найден несколько лет назад, на помойке, во дворе московского дома №31 по улице Чернышевского. Замызганный грязью край паспарту с потускневшим золотым тиснением торчал среди груды выброшенного хлама. Проходивший мимо студент Станислав Будник извлек его из кучи мусора и замер от неожиданности. На не пощаженом временем, местами безвозвратно стертом акварельном портрете была изображена еще молодая женщина с удивительно живым, выразительным лицом. Чуть улыбаясь, она, словно с благодарностью, смотрела на своего «избавителя» большими карими глазами. Пышное, с кружевным воротником, серо-голубое платье, нарядный чепец с длинными лентами говорили о временах давно прошедших. В левом нижнем углу под слоем грязи угадывались несколько полустертых слов. Дома Станислав показал свою находку сестре, а немного спустя в их адрес пришло письмо: «Глубокоуважаемая Софья Владимировна! Государственный музей А.С. Пушкина благодарит Вас за портрет княжны Трубецкой работы А. Рокштуля (бумага, акварель, 1835г.). Мы надеемся, что нам удастся отреставрировать портрет, обнаруженный Вами столь неожиданным образом».

Затем в газете «Вечерняя Москва» появилась небольшая заметка под интригующим названием «Загадка акварельного портрета». Кроме уже рассказанного, в нем говорилось, что найденный портрет принадлежит кисти известного в России акварелиста, академика миниатюрной живописи Алоиза Петровича Рокштуля (1798 - 1877гг.)» учившегося и работавшего в Петербурге. Чуть ниже его автографа, обнаруженного на портрете, уже другим почерком указывалось, что изображенная дама - жена некоего Леонтия Кирилловича Черепова, урожденная княжна Трубецкая. Далее в заметке вполне логично связывалось место нахождения портрета с домом № 22, что на другой стороне той же улицы, хорошо известным любителям московской старины под названием дома –«комода» князей Трубецких, одной из достопримечательностей не только улицы, но и всей Москвы, построенным неизвестным зодчим школы Растрелли в конце 1760-х годов, редким для Москвы образцом елизаветинского барокко.

Поскольку в начале прошлого века хозяином этого дома был князь Иван Дмитриевич Трубецкой, приходившийся троюродным братом Сергею Львовичу Пушкину, который, как известно, возил сюда на детские танцевальные вечера своего маленького сына Сашу и дочку Ольгу, и

^{xvi} А.С. Пушкин. «Евгений Онегин». XLIX

поскольку потом, спустя много лет, Пушкин снова бывал в этом доме, то, естественно, у нас возникало предположение о возможной, но пока еще не выясненной, связи между найденным портретом и Пушкиным. Эта версия, безусловно, заслуживает внимания. Среди окружения Пушкина известен целый ряд более или менее близких ему людей - представителей многочисленной фамилии Трубецких. К сожалению, далеко не все они знакомы нам, так сказать, «лично», по портретам, миниатюрам, рисункам, и понятно, сколь интересна здесь каждая новая находка.

Но на портрете не просто княжна Трубецкая. Эта женщина была в 1835 году супругой некоего Леонтия Кирилловича Черепова. Кто же он, этот Черепов? Среди двух с половиной тысяч лиц, упомянутых в книге Л.А.Черейского «Пушкин и его окружение», такой фамилии нет. Возможно, что разгадка семейных тайн обаятельной княжны так и осталась бы до поры до времени на совести дотошных пушкинистов, если бы не попала та «Вечерка» в руки одной старинной нашей знакомой. Прочитав заметку о найденном портрете, она сказала:

- Ну, что ж, это, конечно, очень интересно. Удивительно необычны бывают порой судьбы вещей. И предположения вполне обоснованы. Здесь только одно неверно. Леонтий Кириллович Черепов никогда не был женат на княжне Трубецкой.

И потом, в ответ на недоуменные вопросы и сомнения, сказала со свойственной в отношении давно прошедшего возрастной категоричностью:

- Уж позвольте мне лучше знать, на ком был женат мой прапрадедушка.

Затем добавила:

- Жена Леонтия Кирилловича Черепова, действительно, была княжеского рода, она приходилась бабушкой моему дедушке, но только она была не Трубецкая, а какой-то иной фамилии, но вот какой - не помню.

- Но, может быть, это другой Черепов?

- Нет, другого Леонтия Кирилловича Черепова в те годы в России не было. Позже был - внук этого первого, а больше не было.

Этот разговор, однозначность утверждения, основанного на воспоминаниях почти столетней давности, хотя и вызывали сомнения, но, тем не менее, зародили мысль начать поиск, попробовать найти документальное подтверждение этому зыбкому воспоминанию.

Вскоре, благодаря любезному содействию работников Центрального исторического архива, в наших руках оказалась микрофильмокопия так называемого «Дела о дворянстве Череповых» из фонда Сенатского Департамента герольдии. Затем, на основании этих документов, была составлена поколенная роспись рода Череповых. И, действительно, среди внесенных в нее ста пятидесяти имен оказалось только два Леонтия Кирилловича. Интересующий нас (то есть старший) был в 1830-х годах

отставным гвардии ротмистром, владельцем богатого родового имения Череповых - села Грузское Путивльского уезда Курской губернии. В 1809 году он женился на восемнадцатилетней девушке, соседке по имению, «Анне князя Андрея Мещерского дочери». Так вот, значит, все-таки не Трубецкая, а Мещерская.

Дальше все было проще. Из родословной Мещерских узнаем, что отцом нашей героини был отставной секунд-майор, помещик Тимского уезда той же Курской губернии князь Андрей Никитич Мещерский. Что же касается ошибочной подписи под се портретом, то здесь тоже все вполне объяснимо. Дело в том, что представители этих двух титулованных фамилий не раз вступали между собой в кровное родство. Достаточно привести лишь два тому примера. В воспоминаниях Л.В. Мещерского, написанных в конце прошлого века, говорится, что его отец получил в наследство от матери своей, рожденной княжны Трубецкой, имение в той же Курской губернии, а его дядя Н.И. Мещерский женился на Александре Ивановне Трубецкой, дочери Ивана Дмитриевича, который был владельцем того самого дома «комода», рядом с которым и был найден портрет. Ну, и так далее. Поэтому, вероятнее всего, тот, кто написал эти несколько слов, сделал это позднее создания самого портрета. Этот кто-то точно знал, что на нем изображена супруга Л.К. Черепова, а потом добавил «урожденная княжна Трубецкая» и тут ошибся, вернее, просто напутал. Ведь, действительно, пойдя, упомни всех этих бесконечных родственников, княжен и князей, столь часто женившихся друг на друге. Казалось бы, тут можно поставить точку. Портрет атрибутирован. Среди знакомых Пушкина разных Мещерских было не намного меньше, чем Трубецких, и поле деятельности для пушкинистов открыто. Но... оказалось, что все рассказанное - это только половина той тайны, что была найдена среди мусора и хлама.

Вернемся ненадолго в семью Череповых. Анна Андреевна подарила мужу семерых детей: пятерых сыновей и двух дочерей. Поскольку и отец их, и дед служили в кавалерии, то и четверо старших сыновей решили пойти в гусары. Все они поочередно поступали в Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Первым в 1827 году поступил в нее старший сын Кирилл и, проучившись два года, был выпущен в Лейб-гвардии Гусарский полк. В этом полку он прослужил до октября 1841 года. Александр и Андрей поступили в ту же школу одновременно, в 1832 году, и десятым выпуском 22 ноября 1834 года были выпущены корнетами опять же в Гусарский полк. Третьим, вместе с ними, был направлен в тот же полк их товарищ по школе, и даже по спальне в ней, Михаил Лермонтов. Сразу оговоримся: этот факт не нов. Впервые о том, что вместе с Лермонтовым были произведены в офицеры и служили в Гусарском полку братья Череповы, писал еще в 1873 году дальний родственник поэта М.Н. Лонгинов. Интересно другое. В

«Лермонтовской энциклопедии» 1981 года читаем: «Череповы Александр и Андрей Леонтьевичи, братья, сокурсники Лермонтова по школе юнкеров, зачислены в полк одновременно с ним. Портрет одного из Череповых работы А.И. Клюндера - в Эрмитаже». Следовательно, за прошедший век, кроме отчества, ничего нового, касающегося этих двух сокурсников и однополчан поэта, в течение шести лет проживших и прослуживших с ним бок о бок, возможно, бывших для него членами «кружка родного», найдено не было. Впрочем, нет. В справочном аппарате энциклопедии есть ссылка на воспоминания В.В. Боборыкина «Три встречи с Лермонтовым». Здесь, после рассказа о поступлении автора в школу юнкеров, говорится: «... Это было так: Лермонтов, Лярский, Тизенгаузен и братья Череповы, как выпускные, с присоединением к ним проворного В.В. Энгельгардта, составляли по вечерам так называемый ими «Нумидийский эскадрон», в котором, плотно взявши друг друга за руки, быстро скользили по паркету легкокавалерийской камеры, сбивая с ног попадавшихся им навстречу новичков...» И еще одно. Литературовед Л.И. Прокопенко в статье «Братья Череповы, однополчане и друзья Лермонтова» настойчиво и не без оснований писал о необходимости искать личные и фамильные архивы Череповых, которые «наверняка имели у себя рисунки, автографы стихов, рукописи прозы, может быть, даже письма поэта...» Вот, собственно, и все, что было написано о Череповых в связи с Лермонтовым. Но это - было. А теперь, когда благодаря найденному портрету мы знаем, что Анна Андреевна была в Петербурге в середине 1830-х годов? Что может добавить этот, казалось бы незначительный, факт к уже известной нам информации о возможных связях Лермонтова с ее сыновьями? Совершенно понятен повод ее приезда в столицу. Старший сын служит в полку, в Царском Селе. Двое младших только что окончили школу, тоже будут в полку, они еще так молоды, столько соблазнов кругом, а гусарский полк издавна славится своими пирушками, азартной карточной игрой, шумной, разгульной жизнью. Большинство офицеров богаты, соряют деньгами. «Здесь нужен глаз да глаз. Вот бабка Арсеньева, как только ее Мишенька поступил в школу, так и сама в Петербург приехала и живет тут уже третий год. Теперь же, когда внук тоже в полку корнетом, то по десять тысяч на год ему положила на представительство. Ну да и Череповы не из бедных. И родни влиятельной, связей нужных немало. Хоть родня и не близкая, а все ж своя, разве можно родством не считаться?»

Но на какое же родство рассчитывала Анна Андреевна? Прежде всего, конечно, на Мещерских, на кузенов своих по дядюшке троюродному, московскому князю Ивану Сергеевичу. «Вот, к примеру, кузен Петр Иванович, уже семь лет как на Екатерине Карамзиной женат, или братец его Николай Иванович, скоро в подполковники выйдет, к Сашеньке

Трубецкой сватается. Опять же - у Карамзиных свои люди. Да всех и не перечтешь. А в полку? Кирилл сам скоро выгодно женится, земляку своему Платоше Пищевичу, тому, что в дочку Варвару влюблен, помог в свой полк перейти, теперь и адъютантом при генерале Клейнмихеле сделан. Ну, да здесь не обошлось без помощи Огарева Николая Александровича. Это он, наверно по просьбе Кирилла, Пищевичу спротежировал.

Небось и супруга генерала, Клеопатра Петровна, словечко замолвила. Впрочем, ей и сам бог велел. Ведь она - из Ильинских, тех, что Череповым свояками и соседями по губернии доводятся...» Остановим на этом возможные соображения Анны Андреевны, что заполняли ее мысли по приезде в Петербург, может быть, в то самое время, в те часы, когда Алоиз Петрович Рокштуль в гостинной Карамзиных или Мещерских писал с нее наш портрет. И не думала она тогда, что спустя полтора года лет протянется от ее портрета незримая, пусть косвенно, но реальная нить, связывающая ее сыновей с именем не только Лермонтова, но и Пушкина. Ведь почти все промелькнувшие в ее мыслях имена мы находим теперь в научной литературе, посвященной этим гениям русской поэзии. Так, в книге Л.А.Черейского указывается, что Пушкин был знаком не только с самим Клейнмихелем, но и с его женой Клеопатрой Петровной. Николай Александрович Огарев (крестный отец внуков Анны Андреевны) - однополчанин и приятель близкого друга Пушкина А.О. Роскета. В 1833 году Пушкин писал жене из Болдина: «Кто же еще за тобой ухаживает, кроме Огарева?...» Платон Пищевич (муж одной из ее дочерей) - с 1836 года поручик Гусарского полка, знакомый Карамзиных и, по-видимому, Пушкина. Многочисленные знакомства Карамзиных и их ближайших друзей с офицерами гвардейских полков, представляющими, в основном, самые аристократические фамилии, широко известны. Достаточно сказать, что из 43-х офицеров Гусарского полка (в октябре 1838 года) более 30 были знакомы Карамзиным, бывали у них в гостях, в разное время общались с Пушкиным, дружили с Лермонтовым. Однако, кроме приведенных воспоминаний Боборыкина и несмотря на все сказанное, мы не знаем в этой связи ни одного упоминания о Череповых. Трудно сказать, является ли это «роковой» случайностью или же отражает прекращение в силу каких-то причин дальнейших, после школы, близких контактов и связей. Казалось бы, братья Череповы соответствовали всем требованиям, предъявляемым к офицерам гвардии. Они были богаты, родственными узами близки к самым знатым фамилиям. Брат их отца, Степан Кириллович, был женат на княжне Щербатовой, имел от нее трех дочерей, среди которых первенство по красоте принадлежало старшей, Марии Степановне (в замужестве Линеман). На семейном портрете «она представлена бессмертным Кипренским отдыхающей после бала, с увядающим цветком на нежного лубом корсаже». Судьба этого портрета,

к сожалению, неизвестна. Все это еще раз подтверждает, что великосветской родни Череповым было не занимать, а фамилия Щербатовых дает повод вспомнить об известном увлечении Лермонтова княгиней Щербатовой, породившем один из шедевров лирики поэта:

«На светские цепи
На блеск утомительного бала
Цветущие степи
Украины она променяла»

«написано немало восторженных слов, но мы привели эти строки еще и потому, что далее пойдет речь о документально подтвержденном разговоре, вернее, рассказе, самого поэта о посещении им небольшого украинского имения Арсеньевых.

В упомянутых выше воспоминаниях А.В. Мещерского говорится о его встречах с поэтом в 1840 году. Вот что пишет мемуарист об одной из этих встреч: «В другой раз была серьезная беседа об интенсивном хозяйстве, о котором в настоящее время так много пишут в журналах и о чем тогда уже заботились. Лермонтов, который питал полное недоверие и обнаруживал даже некоторое пренебрежение к сельскому хозяйству, называя его ковырянием земли, сказал мам при этом, что сам недавно был в своем маленьком имении в Малороссии, откуда не получал никакого дохода. Его долготерпение, наконец, истощилось, и он поехал туда, чтобы лично убедиться в причине бездоходности имения. «Приезжаю, - говорит Лермонтов, - в деревню, призываю к себе хохла-приказчика, спрашиваю, отчего нет никакого дохода? Он говорит, что урожай был плохой, что пшеницу червь испортил, а гречиху солнце спалило. Ну, а спрашиваю, скотина что? - Скотина, говорит приказчик, ничего, благополучно. - Ну, я спрашиваю, а куда же молоко девали? - На масло били, отвечает он. - А масло куда девали? - Продавали, говорит. - А деньги куда девали? - Соль, говорит, куповали. - А соль куда девали? - Масло солили. - Ну, а масло куда девали? - Продавали. - Ну, а деньги где? - Соль, говорит куповали!.. И так далее, и так далее. Не истинный ли это прототип всех ваших русских хозяйств? - сказал Лермонтов и прибавил: «Вот вам при этих условиях, не угодно ли завести интенсивное хозяйство!.. «Лермонтов хорошо говорил по-малороссийски и неподражаемо умел рассказывать малороссийские анекдоты...»

Эти воспоминания были впервые опубликованы в 1900 году. Тогда же, как приложение к ним, появились «Заметки к биографии Лермонтова» некоего А.И. Маркевича, который, говоря о том, где было это неизвестное имение Лермонтова, писал: Верстах в семи от моего родного села Смоши находится значительное местечко Переволочно (Полтавской губ. Прилуцкого уезда) на реке Удае. Почти при въезде в местечко, по

Роменской дороге, расположена прекрасная усадьба, в которой дом ... и сохранился весьма старинный тенистый сад. Усадьба эта, а также известное число крестьян и десятин земли, принадлежала Арсеньевны, и я хорошо помню рассказы, что сюда наезжала некогда очень важная старая барыня, Арсеньева же; и это относится к 30-40 годам. Весьма соблазнительно думать, что именно здесь было имение, о котором упоминает князь А.В. Мещерский, не Лермонтова, конечно, а его бабушки, которой он был единственным прямым наследником...» Мы привели эти выдержки не только как малоизвестные. Важным для нас является здесь то обстоятельство, что расстояние от усадьбы Арсеньевой до родового гнездовья Череповых - Грузского, где в те годы хозяйничала Анна Андреевна, составляло всего около ста верст, то есть не менее одного дня пути. И если предположить, что Лермонтов приезжал в свое имение в конце 1830 -х годов, как это следует из его рассказа, допустим, весной или осенью 1839 года, то он вполне мог навестить своих однополчан, быть гостем на свадьбе того же Пищевича с их сестрой Варварой.

Все это еще требует поисков и уточнений. В заключение рассказанного, или, вернее, подсказанного портретом, найденным среди мусора, добавим, что Андрей Леонтьевич Черепов, умерший в 1881 году, к концу жизни был одинок, и его маленькое имение Землянка, вблизи Грузского, перешло к его племянникам Леонтию и Владимиру Николаевичам.

Наша старинная знакомая^{XVII}, о которой мы упоминали в начале рассказа, провела свои детские годы в Грузском. Не раз гостила она и в Землянке у своего двоюродного деда Владимира Николаевича. В одном из своих рассказов о впечатлениях тех лет она вспоминала, что в Землянке, в бильярдной, стояло два бильярда, один из которых был особенно любим ее дедом, он называл его почему-то (оттого и врезалось в память) бильярдом Мишеля. Какого Мишеля и почему, она не знала. Среди потомков Леонтия Кирилловича и Анны Андреевны Череповых не было никого, кто бы носил это имя...

...Надеемся, читатель не удивляется, казалось бы, неожиданному экскурсу в биографию М.Ю. Лермонтова в нашей любительской пушкиниане хотя бы потому, что случайность - воистину лишь проявление необходимости. А также потому, что нас не может оставить равнодушными предположение, что оба они посещали дом - «комод».

^{XVII} Мать автора - Ольга Ивановна Буткевич, из рода Череповых.

ВЕРА МОЛЧАЛЬНИЦА

Был жаркий июньский полдень, когда добрался я до деревни Сырково, что возле Новгорода, в паре километров от его северной окраины. Собственно, интересовала меня не сама деревня, ничем особенно не примечательная и почти слившаяся уже с городскими новостройками, а находившийся когда-то здесь Сырков женский монастырь, основанный еще во времена Ивана Грозного неким дьяком Федором Сырковым во исполнение данного им по какому-то случаю обета.

По пути сюда не устаешь любоваться красотой древнего города, с золотыми куполами его кремлевских соборов, белоснежными храмами Ярославова дворища, окруженными зеленью газонов, многоцветьем ярких цветов на ухоженных клумбах, пестрыми, оживленными группами наших и иностранных туристов, восхищающихся всей этой сказочной красотой, без конца щелкающих фотоаппаратами... Здесь же все было по-другому. Сюда не возят туристов, тут не увидишь их фешенебельных автобусов. Справа от пыльного, шербатого шоссе несколько деревенских улочек, полных разнообразия современного сельского зодчества от кирпичных коттеджей до перекошенных, зарывшихся в землю избышек в три крохотных оконца. А слева, за сельмагом и беспредельно унылыми, барачного вида домами, что тянутся вдоль дороги, на заросшем бурьяном и высокой травой пустыре находится... все, что осталось от монастыря, - обшарпанная, ставшая почти бесформенной громада бывшего Владимирского собора. Чуть дальше в столь же плачевном виде еще одна церковь, а правее - двухэтажное здание келейного корпуса, смотрящего теперь на мир черной пустотой выбитых окон. На нем нет даже таблички, такой, как те, что прибиты у дверей бывших храмов и на которых еще можно прочесть, что это - памятники архитектуры XVI века, охраняются государством и повреждение их карается законом. Вот такую грустную картину пришлось мне увидеть в тот день и успокаивать себя тем, что просто не дотянулись еще сюда руки новгородских реставраторов, сумевших буквально из руин возродить свой Великий Новгород. Усмехнулся я тогда и по поводу своей наивной надежды отыскать здесь одну старую могилу, где в 1861 году была похоронена много лет жившая при монастыре таинственная Вера Молчальница. Упоминание об этой удивительной подвижнице я встречал в нескольких старинных книгах, где, кстати, говорилось, что спустя немало лет после смерти над ее могилой служили панихиды, а многие и многие богомольцы искали и находили возле нее утешение своим духовным и физическим страданиям.

И решил я тогда пойти к людям, то есть перейти шоссе и попытаться разузнать что-либо у сельских старушек. На первой же улице спросил я

встречного прохожего, где можно отыскать самую древнюю старушку, обязательно верующую и чтоб была еще в памяти. Ответ получил сразу же:

- Так это вам надо бабку Анисью поспрашать.
- А сколько ей?
- Да, верно, под сто.
- А живет где?
- Так вот за углом, направо третий дом, во дворе красный «Москвич» стоит, увидите.

Все так и оказалось. И дом красивый, ухоженный, и «Москвич» во дворе. Здесь же молодая пара с транзистором. Вошел в калитку, спрашиваю, дома ли бабушка Анисья? Молодые переглянулись, с опаской, как показалось, посмотрели на меня, на болтающийся фотоаппарат. Девушка, подойдя к веранде, позвала:

- Баб, здесь бабушку Аню спрашивают.
- Из дома вышла пожилая женщина, на вид лет за шестьдесят, смуглая, худощавая, с тяжелым узлом волос на затылке.
- Вам бабушку Анисью? Ее нет, она на работе.
 - Как на работе?
 - Да так, она в церкви работает, только к вечеру будет, далеко это. А зачем она вам?

Я представился: корреспондент из Москвы, интересуюсь стариной, хотел спросить, не знает ваша бабушка чего-либо о Вере Молчальнице, не помнит ли, где была ее могила? Мария Лукинишна, так звали хозяйку дома, чуть помолчала, словно что-то взвешивая, потом просто сказала:

- Так у нас в деревне все местные, кто до войны здесь родился, все про Веру Молчальницу знают, и память ее чтут. И место, где могила ее была, знают, если хотите, пойдемте покажу?

Уже на улице она, усмехнувшись, добавила:

- Я здесь много лет депутатом райсовета была, сами понимаете, приехали бы вы годков пять назад, вряд ли бы я вам что рассказала и показала, а теперь, слава Богу, время другое, теперь можно. И ведь дело-то не в том, что эта Вера в монастыре жила, что в Бога верила, тогда ведь все верили, что обет молчания на себя до гроба наложила, как говорят, чужие или свои грехи искупить хотела. Нет, совсем не в этом, а в том, что очень людей она любила, жалела их и помогала каждому, чем могла, от души помогала... Вот народ и помнит...

- А кто же была она, эта Вера, раньше, до монастыря, до всего этого? - спросил я.

- Так кто же знает? Скрыла она свое прошлое и тайну эту с собой унесла. Хотя разные люди по-разному рассказывали... Вот, подождите, захватим с собой двух моих одноклассников, вот они, на скамеечке.

Мы проходили мимо дома, где на лавочке у забора сидели, покуривая, двое пожилых мужчин. Мария Лукинишна познакомила нас, объяснила, в чем дело. Оба охотно пошли с нами. Остановились против южной стены Владимирского собора. Один из мужчин, тот, что представился Иваном Михайловичем, уверенно направился к чуть выступающему из стены пилону с обитой внизу штукатуркой. Не доходя до него метра два, там, где гуща травы была сплошь покрыта белыми полевыми ромашками, стал, слегка топнул ногой. Обращаясь к своим друзьям-одноклассникам, спросил утверждающе:

- Здесь?

- Да, да, верно, здесь и была могила Молчальницы, - сказала Мария Лукинишна, - как сейчас помню, памятник стоял из черного камня в виде гроба на львиных лапах, и надпись была, и всегда цветов много. А помните, - продолжала она, - когда в тридцатые годы ломали звонницу, так большой

колокол сорвался и, упав, накрыл собой Верину могилу? Сам от удара треснул, но не распался и могилу сохранил. Об этом народ тогда много судачил.

- Ну, а куда же потом надгробие делось? - спросил я.

- Так это уже во время войны все порушили. Да разве только его? Здесь вокруг собора целое кладбище было: могилы, плиты, памятники. Вот, рядом с могилой Молчальницы, тоже богатая могила была - игуменьи Александры. А сколько цветников кругом, сад фруктовый был, оранжерея зимняя... да мало ли чего. В трудные годы все пропало...

- Ну, это ты, Марья, зря, - перебил ее Иван Михайлович, - камень с Веринной могилы и теперь еще цел, не верите? Пойдемте, покажу.

Он повел нас к келейному корпусу, к одному из его углов, слегка осевшему в землю, отчего по образующим его стенам струились извилистые трещины. У основания угла темнела большая, заросшая бурьяном яма. Иван Михайлович спустился в нее, стал на колени и вырвал, примял густую зелень. В самой глубине, на уровне кирпичного фундамента ясно виднелся край черного полированного камня, уходящего под угол дома.

- Это когда здесь немцы стояли, перед их приходом от обстрела угол осел, так они его этим камнем с могилы Молчальницы укрепили, мне отец рассказывал, он сам видел, - добавил Иван Михайлович.

Уже идя обратно, я снова спросил, на этот раз уже у мужчин, о том, кто же была - в миру Вера Молчальница?

- Да всякое рассказывали, одни, что просто нищенка блаженная. Другие что, наоборот, из очень богатых, из помещиков, грехи здесь замаливала, а некоторые старики и по давню говорили, что это царица Елизавета, жена Александра Первого. Что когда он помер, она следом все так сделала, будто тоже умерла, а вместо себя другую покойницу подставила, сама же

здесь в монастыре зачем-то скрывалась и даже молчальницей стала, чтоб случаем не проговориться. Ну, да в это мало кто верил.

Выйдя на шоссе, мы подошли к остановке автобуса. Я сердечно поблагодарил своих провожатых, мы расстались, и час спустя я снова был в Новгороде.

Должен признаться, что, расспрашивая местных старожилов о том, кто была эта женщина, я умышленно допустил маленькую хитрость, сделав вид, что плохо знаком с ее историей. Мне интересно было выяснить, что знают о ней, и знают ли что-либо вообще, сегодняшние жители деревни Сырково, если - да, то насколько трансформировались в народной памяти связанные с этой историей легенды. В остальном же, наверно, только мне и довелось за последние шестьдесят лет с возможной полнотой попытаться проследить жизнь этой Молчальницы, обобщить то немногое, что сохранилось о ней в книгах, в воспоминаниях современников.

Этот интерес объясняется не только ее действительно необычной от рождения и до смерти судьбой, но, главное, тем, что волею исторической случайности, как ее семья, так, возможно, и она сама, находились в числе ближайшего окружения Пушкина в годы его петербургской юности и тем, что это обстоятельство на сегодня совершенно не нашло отражения в литературе о жизни поэта.

Так кто же была в действительности Вера Молчальница? Прежде чем рассказать о том, что доподлинно известно о ее жизни, остановимся в нескольких словах на сохранившемся, как оказалось, до наших дней предании о тождестве ее с императрицей Елизаветой Алексеевной. Начало ему было положено почти одновременно с возникновением легенды о старце Федоре Кузьмиче, под именем которого, инсценировав свою смерть, якобы скрывался Александр Первый, решивший таким образом отказаться от власти и подвижнической, праведной жизнью, молитвой и кротостью искупить грех участия в убийстве своего отца Павла I. А поскольку императрица умерла всего через полгода после кончины мужа, то вскоре возникла легенда, что и она, последовав его примеру, организовала свою ложную смерть и похороны, а затем тоже «удалилась от мира». В подтверждение приводились рассказы о странных обстоятельствах ее смерти в городе Белеве, на пути из Таганрога в Петербург, о появлении затем в Сибири, в Томском округе, таинственной странницы, в которой речь и манеры выдавали особу из высшего общества. Реальным же подтверждением этому и подобным рассказам послужило действительное появление уже в новгородской губернии, в середине 1830-х годов, а затем в Новгородском женском Сырковом монастыре (с начала 40-х годов) некой, как она себя называла, девицы Веры Александровны, принявшей обет молчания и, как считалось, так и не открывшей тайну своего истинного происхождения.

Эта тайна была, вероятно, известна только графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской, «духовной дочери» пресловутого архимандрита Фотия, всячески покровительствовавшей Молчальнице. Сама же Вера Александровна лишь письменно отвечала: «Я - прах земли, но родители мои были так богаты, что я горстями выносила золото для раздачи бедным, а крещена я на Белых Берегах». Как правильно рассказывали мне в Сыркове, ее могила находилась рядом с могилой игуменьи Александры (в миру Шубиной), бывшей крестной матерью императрицы Елизаветы Алексеевны, что тоже способствовало утверждению легенды. На надгробии Молчальницы была надпись: «Здесь погребено тело возлюбившей Господа всею крепостью души своя и ЕМУ ЕДИНОМУ ИЗВЕСТНОЙ рабы Божией Веры, скончавшейся в 1861 году мая 6-го дня, в шесть часов вечера, жившей в сей обители более 20 лет в затворе и строгом молчании, молитву, кротость, смирение, истинную любовь ко Господу и сострадание к ближним сохранившей до гроба и мирно предавшей дух свой Господу». Любопытные воспоминания, не лишённые, правда, излишнего вымысла, оставил о Вере Молчальнице некто граф М.В. Толстой, путешествовавший в середине прошлого века по российским монастырям. Его записки были опубликованы в журнале «Русский Архив» за 1881 год. Вот что он писал: «В шести верстах к северу от Новгорода находится женский Сырков монастырь, окруженный со всех сторон лесами и болотами. Там, как случайно услышал я в Новгороде, жила старушка, по имени Вера Александровна, положившая на себя обет молчания. Об ней я узнал много любопытных подробностей. Кто она и откуда никто не знает. Лет двадцать перед тем она была задержана полицией, как беспаспортная, и заключена в тюрьму в Новгороде. От туда написала она письмо к графине А.А. Орловой-Чесменской, жившей тогда на своей даче близ Юрьева монастыря. Прочитав письмо и переговорив с неизвестной арестанткой, которая на все вопросы отвечала письменно, графиня поспешила в Петербург и передала лично письмо ее Императору Николаю Павловичу. Вскоре последовало повеление предложить Вере Александровне пребывание в одном из Новгородских женских монастырей, по ее выбору, с тем, что для нее будут построены хорошие кельи на казенный счет. С этого времени Вера Александровна поселилась в Сыркове монастыре и получала ежегодное пособие от Государя. В 1848 году (если не ошибаюсь) император Николай, бывши в Новгороде, посетил Молчальницу, пробыл у нее довольно долго и много разговаривал с нею, причем Вера Александровна исписала несколько листов в ответ на вопросы Государя. Прощаясь с Молчальницей, Государь поцеловал у нее руку и сжег на лампадке исписанные ею листы. При отъезде из монастыря он приказал игуменье иметь всевозможное попечение о старушке, которую удостоил своим посещением. С того времени Вера

Александровна пользовалась всеобщим уважением в монастыре, а прежде того игуменья ездила однажды в Петербург и просила митрополита Серафима избавить ее от Молчальницы, к которой приходит очень много народа, будто бы нарушающего тишину обители. Услышав эту просьбу, престарелый митрополит вскочил с кресел и вскричал: «Ах ты, дура баба! Да нас с тобой скорее выгонят, нежели ее. И поминать об этом не смей». Желая познакомиться с такой необыкновенной личностью, я приехал в Сырков и обратился к игуменье с просьбой допустить меня к Вере Александровне. Это была уже не та игуменья, которая ездила к митрополиту Серафиму и потом встречала покойного Государя в своем монастыре. «Наша Молчальница сегодня причащалась, - сказала мне игуменья, - едва ли она согласится принять вас. Впрочем, я пошлю узнать». Посланная келейница принесла ответ, что Вера Александровна готова принять, и сама игуменья проводила меня к ней. В большой светлой комнате, с выбеленными по штукатурке стенами, я увидел старушку небольшого роста, в белом платке, покрытую чепцом такого фасона, как носят вдовы в Московском Вдовьем Доме. Она встретила нас почти у двери и поклонилась в землю сначала игуменье, а потом и мне. Игуменья скоро ушла, а я, сидя на скамье, рядом с хозяйкой, стал предлагать ей вопросы, на которые она отвечала письменно. Видя на стене миниатюрный портрет, я спросил: чей это портрет?

Она: Это портрет моей матери.

Я: А кто она была?

Она: Этого я не скажу.

Я: Это лицо мне знакомо. Я видел точно такой же портрет у моей бабушки, княгини Екатерины Гавриловны Долгоруковой.

Она: А разве княгиня Ек. Гавриловна еще жива? Где она живет?

Я: Она еще жива, хотя очень стара. Живет в Москве с сыном и дочерью.

Она: Спаси ее Господи!

Я: Позвольте спросить, чьи те четыре имени, которые вписаны в вашем поминальнике за упокой: Павла, Анны, Александра, Марии?

Она: Первые два - моих родителей, а последние - крестного отца и матери.

Я: Где вы жили, пока не поселились здесь?

Она: Я ходила с места на место, больше по монастырям, питаюсь в дороге мирским подаванием. За грехи мои и моих покойных родителей я, грешная, наложила на себя обет странничества и молчания. Извините меня: я очень устала и больше беседовать не могу.

Я встал, поцеловал руку у Молчальницы и, выходя из ее кельи, хотел унести с собою лист, на котором она писала ответы, но она взяла его у меня из рук и сожгла на лампадке. Портрет, о котором я ее спрашивал, представлял весьма известную в свое время личность: светлейшую

княжну Анну Петровну Лопухину, вышедшую замуж за князя П.Г. Гагарина, брата жены родного дяди моей матери князя Никиты Сергеевича Долгорукова, княгини Екатерины Гавриловны, которая до замужества своего жила несколько времени в доме брата и невестки и много рассказывала мне о внимании Императора Павла I к последней. Почему Сырковская Молчальница знала княгиню, и кто были родители Веры Александровны - Павел и Анна? Предоставляю угадывать читателю; замечу, что после князя П.Г. Гагарина не осталось законных детей.

Спустя два года я был вторично в Новгороде, но уже не застал в живых Веру Александровну».

После публикации «Русским Архивом» этих воспоминаний в журнале «Исторический Вестник» появилась редакционная заметка, резко критикующая ту их часть, где М.В. Толстой касается своей семейной генеалогии и делает недвусмысленные намеки по поводу тайны рождения Веры Молчальницы. Дело объяснялось тем, что в том же 1881 году в двух номерах «Исторического Вестника» была напечатана «Семейная хроника» Николая Сергеевича Маевского - племянника Веры Александровны, в которой он достаточно подробно описывает ее молодость, семейную трагедию и причины «ухода из мира».

В начале своего повествования Маевский рассказывает о своем деде со стороны матери, видном и богатом вельможе и генерале Екатерининских и Павловских времен Александре Дмитриевиче Буткевиче. Родившись в 1759 году и будучи богатым наследником, он вел широкий образ жизни, был крут характером и необуздан в своих желаниях и поступках. Дом его родителей, а затем его самого, находился в Старой петербургской Коломне, на углу набережной Фонтанки и Большой Садовой улицы. Рано женившись, он вскоре овдовел. От этого брака у него осталась дочь Варвара, вышедшая впоследствии замуж за своего дальнего родственника, майора Александра Ивановича Татищева, ставшего много лет спустя военным министром, графом и председателем Верховного суда над декабристами в 1826 году. Около 1784 года Александр Дмитриевич женился вторично на одной из столичных красавиц того времени - Анне Ивановне фон Моллер. С этого времени и начинается история невеселой жизни Веры Молчальницы. Маевский пишет: «Говорят, на эту парочку молодых весь тогдашний Петербург любовался. У них родилось трое детей: сын Алексей и две дочери - Софья и Вера. Но непродолжительно было их счастье: взаимная ревность погубила его. Что было в действительности - сказать трудно; говорили мне те, которые слышали это от моего деда, будто он застал в спальне жены своей одного из своих товарищей (весьма впоследствии известного генерала, но кого именно, не упомяну, а потому и называть не смею) и выкинул его за окошко. Но некоторые старые слуги наши, до смерти благоговейно преданные Анне Ивановне, уверяли меня, что это - гнуснейшая клевета, что ни прежде, ни

после она до самой смерти не оскверняла брачного ложа, а если позволяла себе кокетство, то потому, что до глубины души оскорбленная в своей любви и женском достоинстве охлаждением и явной изменой мужа, она кокетством и ревностью надеялась возвратить себе любовь его. Как бы то ни было, но только супруги расстались навеки и, не ограничиваясь этим, дед мой отрекся от обеих дочерей, признавая своим только сына. Положение Анны Ивановны с тремя детьми и без всяких средств к жизни было поистине ужасное; своего у нее ничего не было, а дед мой о ней и дочерях и слышать не хотел. На их счастье вскоре вступил на престол император Павел, который по просьбе теток Анны Ивановны пожаловал ей маленькое имение в Лужском уезде...

... У нее росли не две барышни, а два земных ангела, две сироты живых родителей, неизвестно за что отверженные отцом и всем миром. С детства не знавшие ничего, кроме позора и горести, приобщенные к страданиям нежно любимой матери, они жили не для себя, а для других, и если не могли дать этим другим счастья, то довольствовались и тем, что облегчали их страдания.

Император Павел был еще милостивее к моему деду, чем покойная императрица; вскоре по своем вступлении на престол он произвел его в генералы и назначил шефом Белозерского пехотного полка... (а незадолго до смерти - Б.Б.) успел произвести его в генерал-лейтенанты... Смерть Алексея (сына, в 1812 году - Б.Б.) прекратила все отношения деда ко второй жене; о дочерях же своих от нее, как я уже сказал, он не хотел и слышать. Несколько лет спустя, почувствовав приближение смерти, Анна Ивановна через посредство знакомых стала умолять деда моего посетить ее на смертном одре и выслушать ее предсмертные признания. Она клялась в своей невинности и поручала ему детей своих; но дед остался неумолим и не согласился даже присутствовать на ее погребении. По кончине ее (1816- 1817?гг. - Б.Б.) он взял себе пожалованное ей императором Павлом имение; дочери его остались без крова и куска хлеба, но безропотно и беспрекословно подчинились родительской воле.

Не знаю, где провела Софья Александровна первые годы своего горького сиротства, но впоследствии она жила в Троицко-Сергиевской лавре у старшей сестры своей Татищевой, там же скончалась. Младшая сестра Вера Александровна, похоронив мать и ожидая изгнания из дома, сама из него скрылась неизвестно куда». Прервем здесь на время рассказ Маевского, писавшего свою хронику в конце 1870-х годов на основе воспоминаний родных, близких, друзей и старых слуг, чтобы предоставить слово современнику и, в какой-то мере, участнику этих давних событий. Чуть больше века назад в Москве вышла интереснейшая в мемуарном отношении и теперь очень редкая книга под названием: «Жизнь Александра Семеновича Пищевича, им самим писанная. 1764 - 1805 годы». Ее автор - сын сербского помещика, поступившего на

русскую службу и дослужившегося до генеральского чина, был молодым кавалерийским поручиком, когда в 1788 году познакомился с гусарским подполковником Александром Дмитриевичем Буткевичем и его очаровательной супругой. Спустя четыре года они снова встретились в Саратове, где стоял в то время карабинерский полк под командой Александра Дмитриевича, уже полковника, который и уговорил Пищевича пойти к нему командиром эскадрона. Здесь же, в Саратове, продолжилось знакомство Пищевича с супругой полковника, приведшее, как он пишет, к взаимной, но не более, склонности и вызвавшее, тем не менее, бурную ревность Буткевича, немедленно удалившего из Саратова молодого поручика вместе с его эскадроном. Дальнейшие встречи Пищевича с Анной Ивановной носили случайный и невинный характер, пока в 1796 году, в бытность Александра Дмитриевича в Польше, не приехал он в Петербург за новым назначением и временно не поселился в доме генерал-лейтенанта Турчанинова, приятеля своего отца, находящемся рядом с домом Буткевичей по Большой Садовой улице. Далее предоставим слово самому Пищевичу, повествование которого, написанное, вероятно, не позднее 1810-х годов, удивительно живо передает все своеобразие и колорит жизни и нравов того времени.

«Я ничего еще не сказал о продолжении моего знакомства с госпожою Буткевичевою, которую я в сем городе нашел; удовольствие ее было велико меня увидеть и прежняя наша приязнь возобновилась; муж ее тогда находился в Польше. - Вот женщина, с которою в другой раз при сем случае начинались мои изъяснения в чувствуемой мною к ней любви; и при сем разе она повела меня по всем степеням волокитных правил, дабы тем более дать цену удовольствию мне приготовляемому. Наконец, в один вечер возвратились мы из театра, в котором играна была прекрасная итальянская опера: Утешенные любовники. Имея преисполненные воображения и всяко-разной чувственности сердца наши; зрение и слух наш были насыщены, но в желаниях наших оставалась некая пустота, которую итальянская пиеса лишь привела в вящее волнование; вкусный ужин и приятные напитки придали и более огня к чувствам нашим. - По окончании стола госпожа Буткевичева вошла в прекрасно отделанный боскет, освещенный искусственным огнем, который, казалось, только ради того горел, чтобы стыдливость женскую скрыть, она прилегла на софу, я сидел возле ея; мы говорили о многом, до нашей взаимной склонности касающемся, и наконец, истощив все слова, проводили несколько минут в забытии, причем госпожа Буткевичева принимала мои поцелуи с горячностью распаленной женщины. - После сего дня мы провождали время самым приятным образом: прогулки, театр, концерты нас занимали попеременно, а впрочем, возвращаясь домой, госпожа Буткевичева находила свое удовольствие, имея меня безотлучно при себе; для чтения,

до которого госпожа Буткевичева была великая охотница, имели мы так же всякий день несколько часов отдельных; она имела ум изостренный и сведуща была во многом. Она мне нередко признавалась, что такого рода жизни еще никогда не испытывала и потому, положив пользоваться оною во всем пространстве, редко очень посещала своих знакомых, а если и делала это, то единственно дабы только соблюдать благопристойность».

Подытоживая свои столь сокровенные воспоминания тех дней и говоря об отъезде из столицы в конце июля 1796 года он пишет: «Простившись с госпожою Буткевичевой, с которой я проводил целый день и часть ночи, я оставил Петербург...»

Спустя год мы снова видим его в столице, но на этот раз он ни словом не вспоминает госпожу Буткевичеву, а рассказывает о своей женитьбе на некоей госпоже Митендорф, с которой он после свадьбы, подав в отставку, уехал в свое белорусское имение^{xviii}.

После знакомства с записками Пищевича становится очевидным, сколь наивны и далеки от истины суждения Маевского о целомудрии и верности супружескому долгу Анны Ивановны Буткевич. Но не будем строги к ней. Ведь это было время, когда сама Екатерина Вторая фактически утверждала и демонстрировала свободу нравов, условность супружеских отношений. И уж, безусловно, сам Александр Дмитриевич очень мало подходил на роль «хранителя домашнего очага». Главное же для нас здесь то, что основания сомневаться в своем отцовстве по отношению к обеим дочерям у него были, и, видимо, достаточно обоснованные.

Теперь немного поразмышляем. Известно, что старший сын Александра Дмитриевича и Анны Ивановны - Алексей родился в 1785 году. Точных дат рождения Софьи и Веры мы не знаем. Окончательный разрыв между супругами, вследствие которого Анна Ивановна была вынуждена оставить вместе с детьми дом мужа и ютиться у родственников, произошел, видимо, в конце 1796 года, когда Александр Дмитриевич вернулся из Польши и привез с собой свою третью жену Марию Семеновну Бинкевич. Маевский же пишет, имея в виду примерно 1797-1798 годы, что у Анны Ивановны росли в то время «не две девушки, а два ангела...». По тому времени понятие девушка говорило о возрасте не моложе 10 - 12 лет.

^{xviii} От этого брака у А.С.Пищевича был сын Платон Александрович (1804-1873), с сентября 1836 года поручик - л-гв. Гусарского полка, с 1844 г. отставной полковник. Знакомый Карамзиных и, по-видимому, Пушкина в 1836 году и ранее. Очерк Пищевича «Киев» опубликован в 6-м N Современника в 1837 году. С 1836 г. женат на Варваре Леонтьевне Череповой, дочери Анны Андреевны, рожд. Мещерской - родственнице П.И. Мещерского, мужа Е.А. Карамзиной. а также других Мещерских и Трубецких из петербургского и московского окружения Пушкина.

Таким образом, время рождения Софьи и Веры с большой долей вероятности может быть отнесено к 1786-1788 годам, то есть вслед за рождением сына. Далее, как мы помним, Александр Дмитриевич своего «главного» соперника, которого (как намекает Маевский) он считал подлинным отцом своих дочерей, оказавшегося в спальне жены, вполне натурально выкинул за окошко, и хотя мемуарист не раз говорит о большой физической силе своего деда, но, тем не менее, надо полагать, что соперник был не очень дороден и силен. Любопытна его фраза: «весьма впоследствии известного генерала, но кого именно - не упомяну, а потому и назвать не смею». Нет сомнения, что имя этого весьма известного генерала Маевский прекрасно помнил, но назвать действительно не посмел. Продолжая наше «расследование», обратим внимание и на следующее: Екатерина II умерла 6 ноября 1796 года, а менее чем через месяц, уже 4 декабря Павел I в числе фактически первых своих указов подписывает именным Указ Сенату о пожаловании бригадирше Анне Буткевичевой 300 душ мужского пола крестьян в Лужском уезде, с землею и угодиями. Маевский объясняет это просьбами теток Анны Ивановны, но не называет их, а говорит как-то вскользь, между прочим. Читатель, конечно, уже догадался о сути нашего предположения: столь бесцеремонно выброшенным в окошко любовником Анны Ивановны и отцом ее дочерей был, в ту пору еще наследник - цесаревич, Павел Петрович. Но чем же тогда объяснить его столь милостивое отношение к Александру Дмитриевичу, которого он за четыре года произвел из бригадиров в генерал-лейтенанты?

Как ни парадоксально, но именно такие поступки были в духе Павла I. На русском престоле мало было таких загадочных по своему характеру личностей, как Император Павел, который мог совмещать в себе крайнюю жестокость с чрезмерным великодушием и щедростью, беспардонную грубость и хамство - с изысканным благородством и рыцарством. Недаром же Пушкин пожаловал его титулом романтического императора! Поэтому вероятно, что именно он мог понять и воспринять как должное яростный взрыв ревности оскорбленного мужа (такого же дворянина, как он сам) и не только не затаить зла, но, напротив, проникнуться к нему симпатией и уважением, а в дальнейшем, не раздумывая, щедро обеспечить своих внебрачных детей. И здесь серьезным подтверждением нашей гипотезы служат приведенные выше воспоминания М.В. Толстого (конечно, за исключением его ошибочного предположения, что Вера Молчалица была дочерью того же Павла I и Анны Лопухиной). Если почтенному графу не изменила память и в поминальнике Веры Александровны действительно первые два имени были Павел и Анна, а вторые - Александр и Мария, которые она, в их последовательности, объясняла как имена родителей и крестных, то понятны и ее слова о наложении

обета молчания за грехи ее и ее покойных родителей. Как мы знаем, грехов и у Павла I, и у Анны Ивановны было достаточно. Остается неясным, кто же были Александр и Мария - крестные отец и мать Веры Александровны? Однозначный ответ можно найти только в церковных метрических книгах, где должна быть запись о ее рождении и крещении, но в какой это книге, какой церкви и за какой год? Помочь здесь может лишь случай, случайная находка. А нам опять остается сделать предположение.

В те времена среди людей, близких ко двору, существовал обычай - просить в крестные кого-либо из царствующей фамилии. Считалось это особой честью. В очень содержательном по информативности исследовании историка Валишевского о Павле I много внимания уделено сложным взаимоотношениям императора с его супругой Марией Федоровной. Постоянно оказываясь одной из сторон пресловутого любовного треугольника, императрице для сохранения видимости семейного счастья не раз приходилось выполнять «роль поверенной между мужем и предметом его увлечения». А если так, то, наверно, она не отказывала мужу в его просьбе стать крестной матерью того или другого не безразличного ему младенца. В этих случаях крестным отцом мог быть и их юный сын Александр. Вся эта альковная история находит косвенное подтверждение и в визите, который нанес Вере Молчальнице Николай I, человек, как известно, рационального мышления и не страдающий излишней сентиментальностью. Его продолжительная беседа с ней и почтительный поцелуй руки - говорят сами за себя. Так же понятным становится и то, что Маевский, конечно, знавший об этом царственном посещении своей тетки, не считал возможным упомянуть о нем в своей хронике, к еще одному отрывку из которой мы теперь вернемся. Вспоминая себя в 7-летнем возрасте, Маевский пишет:

«Так проходило мое детство. Тетка моя проводила лето в своем имении с тех пор, как муж ее был назначен новгородским губернатором^{хix}; сам он приезжал в субботу и уезжал в понедельник; по-прежнему они бывали у нас в воскресенье, а мы у них по четвергам. В одно из воскресений тетка или ее муж - не помню, рассказывали, что полиция донесла губернатору, что в лесу, в Валдайском уезде, в совершенно уединенной келье, вдали от всякого жилья, проживает какая-то странница. Когда вошли к ней и потребовали ее документы, она бросила в топившуюся печь целую связку бумаг; на расспросы она отказалась отвечать, но написала, что зовут ее

^{хix} Здесь Маевский имеет в виду дочерей Александра Дмитриевича от третьего брака: свою мать Любовь Александровну и ее сестру Екатерину Александровну Зурову, в первом браке графиню Строиовскую. Имение Строиовских-Зуровых Налючи в Новгородской губ. находилось в 6 верстах от родового имения Бутквичей - Милохова на реке Пола.

Верой Александровной и что говорить она не может, потому что наложила на себя обет молчания. Ее доставили поэтому в Новгород и, полагая, что имеют дело с сумасшедшею, подвергли освидетельствованию в губернском правлении; там на вопрос губернатора, кто она, она четким полууставом и славянскими буквами написала: Я прах, я червь, ничто, земля, Перед Богом же, что ты, то я. Не добившись ничего, ее для испытания отдали в Колмовский дом умалишенных; там она рисовала священные картинки, писала своим четким, красивым полууставом молитвы и разные изречения из священных книг. В Колмове, как и в губернском правлении, никто не слышал ее голоса...

На другой день утром или в тот же самый вечер - не помню, мать позвала меня к себе и, поставив перед образом, торжественно объявила, что желает открыть мне великую семейную тайну. «Помнишь ли ты, Николаша, - спросила она, - что тетенька вчера рассказывала о той страннице, которую нашли в келье в лесу?» По моей глупой физиономии видно было, что я ничего не понимаю и не помню. Она повторила мне рассказ и, убедясь, что я его понял, сказала: «Помни, Николай, помни это, как завет мой, и не забывай во всю жизнь твою: эта странница - твоя родная тетка, а моя сестра Вера Александровна»...

Тетка моя (Е.А. Зурова - Б.Б.) сдержала слово: Вера Александровна была переведена в новгородский Сырков монастырь. Никакие убеждения не могли заставить ее произнести хотя бы слово... Слух о ее подвижничестве сделал ее предметом особого почитания как в монастыре, так и за его стенами; к ней приходили толпы богомольцев, прося ее благословения; одних она наделяла сухариками, которые сама сушила из монастырского хлеба, другим, особенно излюбленным, давала собственноручные записочки с изречениями из священного писания. Тихо и спокойно шла ее жизнь и только однажды была прервана болезнью - горячкой; в бреду она говорила, рассказывала про свое детство на берегу Полы, про богатство своего деда (отца Александра Дмитриевича - Б.Б.). Прошла болезнь, и уста Молчальницы снова закрылись, и уже навеки... Многие ее почитатели имеют у себя ее портрет, снятый уже после смерти; когда и я, при обязательном посредстве матери Лидии, игуменьи новгородского Звериного монастыря, получил копию этого портрета, то был поражен: в полумонашеском оригинальном одеянии в гробу лежит как бы моя мать. Немало труда стоило мне убедить себя, что это обман чувств; но с тех пор портрет Веры Александровны стал мне еще более дорог - он заменил мне портрет моей матери, которого у меня не было, так как она ни за что не хотела позволить срисовать себя».

Нужно отметить, что Маевский уже второй раз в своих семейных воспоминаниях применяет этот, так сказать, «портретный способ» подтверждения кровного родства в своем семействе. Причем именно в

тех случаях, когда это родство, как он, вероятно, думал, могло вызвать сомнения у пристрастного читателя. Так, рассказывая о дочери графа Стройновского Ольге, родившейся, когда графу было 73 года, а его жене Екатерине Александровне 24, он пишет: «Но эта всеобщая любимица, портрет отца, с рождения носила какой-то странный отпечаток дряхлости: поставив рядом портреты отца и дочери, в самом юном ее возрасте, зритель поражался их сходством...» То же, но несколько в ином контексте, он повторяет, как мы видим, говоря о сходстве своей матери с посмертным портретом Молчальницы.

После посещения деревни Сырково и осмотра остатков тамошнего монастыря я побывал в Новгородском историческом музее. В его фондах удалось разыскать два документа, касающихся Веры Александровны. Первый, на гербовой бумаге, составленный 11 апреля 1841 года, гласил:

«По Указу Его И.В. и пр. Новгородская духовная консистория слушала отношения: Новгородского Сыркова Девичьего монастыря игуменьи Маркеллины и Господина гражданского и военного губернатора следующего содержания: Графиня Орлова-Чесменская просит Его превосходительство содержащуюся за неимением письменного вида в Новгородском Колмовском заведении девицу Веру Александровну, лишенную дара слова, отдать для помещения на ее счет, впредь до окончания об ней дела, в Сырков монастырь, в ведение тамошней игуменьи, которая на принятие ее изъявила, с тем, что в случае востребования девицы этой она в то же время будет Представлена и без разрешения из монастыря никуда не отпускается. Губернское правление согласно изъявленному графиней Орловой желанию в 14 число сего марта месяца заключило: Девицу Веру Александровну отдать на попечение Ея Сиятельства помещением в Сырков монастырь, о чем уведомить Новгородский приказ общественного призрения, в заведении которого находится ныне Вера Александровна...

Свято-духовского монастыря протоирей Гаков Лавров. Секретарь Шабловский».

Второй документ представлял собою небольшой плоский сверток, размером чуть меньше нынешнего конверта. На внешней его стороне написано: «Автограф Веры Молчальницы. Передан в Губмузей Ю.А. Бубновой 4 декабря 1924 года. Ею в свое время взят в Сырковом монастыре у монахини, бывшей келейницею Веры Молчальницы».

Должен признаться, что разворачивал я этот сверток дрожащими от волнения и нетерпения руками. Внутри, дважды обернутый в ветхую серую бумагу, находился прямоугольник плотного картона размером 8x13 сантиметров. С обеих сторон наклеены на этот картон листики белой бумаги с карандашным текстом. Все это оклеено по периметру узким кантом из старинной мраморной бумаги, в виде двусторонней рамки.

Цифрами помечены 1-я и 2-я стороны. Текст написан удивительно четким, красивым полууставом, на церковнославянском языке и, насколько я мог разобрать, содержит фрагмент какой-то молитвы или духовного нравоучения. Внизу второй стороны аббревиатура из пяти букв: строчная «д», потом заглавная «Б» и далее строчные «т», «ч», последняя - заглавная «В». Расшифровывается без особого труда: «девица Буткевич Вера». Видимо, такими записочками и одаривала Молчальница своих избранных почитателей.

Долго сидел я тогда в тишине и полумраке каменных сводов одной из комнат Новгородского кремля, держа в руках, еще и еще раз всматриваясь в эти маленькие странички - частицы давно ушедшей жизни. Не мог и не хотел прервать удивительно реальное ощущение живой связи с минувшим временем.

Вся эта таинственно-грустная и не до конца распутанная история, безвозвратно затерянная в прошлом, вряд ли имела бы сегодня объективный исторический интерес, если бы, как я говорил выше, не вплелась на определенном своем этапе в канву жизни Пушкина. Когда же и почему это произошло? Повторим вкратце давно известные факты. Три года, с 1817 по 1820, Пушкин жил в семье родителей в Старой Коломне, в доме вице-адмирала Клокачева. Только сто метров отделяли этот дом от дома генерала Л.Д. Буткевича. Между ними, вплотную с домом Буткевичей, стоял дом, принадлежавший графу Ивеличу - сослуживцу и давнему другу Александра Дмитриевича. Супруга Ивелича, Надежда Алексеевна, приходилась дальней родственницей матери Пушкина по своему отцу, генералу и богатому горнозаводчику А.Ф. Турчанинову^{xx} Дочь Ивеличей Екатерина Марковна всю жизнь была своим человеком в семье Пушкиных, была очень близка как с Надеждой Осиповной, так и, особенно, с Ольгой Сергеевной. Обе они постоянно бывали в гостях у Ивеличей. Часто можно было встретить здесь и юного Пушкина. Они именовали Екатерину Марковну «дорогой племянницей», «милой кузиной». Одновременно Екатерина Ивелич, по словам Маевского, была самой задушевной подругой его матери Любви Александровны и ее двух сестер: Екатерины, в замужестве графини Стройновской, и младшей Татьяны - дочерей Александра Дмитриевича от третьего брака. Все это

^{xx} Это было даже не родство, а скорее свойство. Бывший А.Ф.Турчанинову, вероятно, двоюродным братом Петр Иванович Турчанинов, тоже генерал-лейтенант, исполняющий должность по принятию прошений при дворе Екатерины Второй, приходился по своей жене Наталье Васильевне Голицыной четвероюродным братом Надежде Осиповне со стороны ее бабушки Сарры Юрьевны Ржевской. Яркий пример тому, как считались родственными связями в то время..

позволяет думать, что перипетии семейной жизни трех семейств не были тайной ни для кого из членов этого маленького общества. Тем более, что происходило все это в Старой Коломне, провинциальной окраине столицы, где каждый знал каждого и все о каждом. Ну, а какие же события, связанные с Верой Александровной, уже много лет к этому времени жившей с сестрой и матерью в имении, подаренном им Павлом I, могли волновать тогда коломенское общество? Маевский пишет, что Анна Ивановна умерла спустя несколько лет после смерти сына Алексея в 1812 году. В обиходном понятии выражение «несколько лет» подразумевает не год или два, а лет пять - шесть. Учитывая, что в 1818 году имением Анны Ивановны уже владел Александр Дмитриевич, можно считать, что ее смерть приключилась в конце 1816 - начале 1817 года. Подтверждением этому служит скандальная история расстроившейся тогда же свадьбы Екатерины Буткевич с молодым графом Татищевым, которому отец, генерал-аншеф Николай Алексеевич Татищев, возмущенный поступком Александра Дмитриевича с дочерьми Анны Ивановны, накануне свадьбы запретил и думать об этой невесте, ставшей, спустя год, женой семидесятилетнего Стройновского. Другим событием, конечно, вызвавшим в то время пересуды в коломенском обществе, была еще одна свадьба. В 1818 году живший здесь же в Коломне молодой писатель и издатель журнала «Северный наблюдатель» Петр Александрович Корсаков женился на Александре Ивановне Буткевич, вероятно, племяннице Александра Дмитриевича (по его Казанской родне), гостившей у него в Петербурге. Вот этой своей племяннице, как удалось выяснить, и отдал Александр Дмитриевич в приданое имение в Лужском уезде, забранное им после смерти Анны Ивановны, заставив тем самым Софью и Веру уйти из дома и искать другое убежище. Этот поступок Александра Дмитриевича, к тому времени почти разорившегося, был не столько проявлением родственных чувств к новобрачной племяннице, сколько демаршем перед осудившим его светским обществом, кругом родных и знакомых. Обстоятельство же, позволившее ему эту щедрость, заключалось в уже решенном вопросе о выдаче дочери Екатерины замуж за миллионы Стройновского. Все эти бурные события, конечно, были известны Пушкину, а принимая гипотезу о его увлечении Катериной Александровной, и далеко не безразличны. Не могла быть безразличной ему и свадьба Корсакова, старшего брата его лицейского товарища и друга Николая Александровича, умершего в Италии в 1820 году. С Петром же Александровичем, кроме просто знакомства, его связывал и издаваемый последним журнал, где во второй половине 1817 года были напечатаны пять стихотворений юного поэта. Много позже он писал бывшему тогда цензором Петру Александровичу: «При первых моих шагах на поприще литературы вы подали мне дружескую руку...» Мы ничего не знаем о жизни Веры Александровны в

период с 1818 по 1834 год, когда она впервые, бездомной странницей, появилась в Валдайском уезде. Ей было тогда уже 46 лет. Неизвестно, где и как провела она целых 16 лет, то есть все зрелые годы своей жизни. В те времена женщина, никогда не бывшая замужем, не стоявшая под венцом имела право, так сказать юридически, именоваться девицею. Я говорю обо всем этом потому, что думаю, что один из эпизодов тех неизвестных нам лет ее жизни нашел свое отражение в творчестве Пушкина. Вспомним первые и не имеющие продолжения страницы начала его повести или романа, условно называемого «На углу маленькой площади». Действие происходит в столь близкой его сердцу Старой Коломне.

Немолодая, но еще прекрасная женщина (она казалась лет 36) Зинаида (в плане повести Вера) принимает своего любовника Валериана (имя весьма редкое в то время). Их разговор:

- Который это Горецкий, не князь ли Егор?
- Совсем нет. Князь Егор давно умер, это брат его князь Павел, мерзавец отъявленный.
- А, знаю, которого тому лет 15 побили палками?
- Совсем нет, он просто получил пощечину и не дрался.
- Так ты очень дорожишь мнением князя Павла, мерзавца отъявленного, и благосклонностью жены его, дочери парикмахера, накрававшего миллионы?

Известно, что Пушкин всегда был точен и редко писал случайно. Известна удивительная многоплановость, многослойность его мыслей и образов. Но известно и то, что он всегда тщательно, когда считал нужным, вымарывал из написанного все, что отражало касающиеся его, реальные жизненные ситуации, моменты биографии. В приведенном отрывке, взятом частично из черновиков, можно, применительно к нашему рассказу, увидеть и крупинки из неизвестного нам периода жизни Веры Александровны, и характеристику ее отца Павла I, побитого палками (выброшенного в окошко), и его фаворита - брадобрея и проходимца Кутайсова, и даже намек на двусмысленные ситуации в ее семье, связанные с Валерианом Стройновским. Но все это стало видно лишь теперь, в ретроспективе времени, после изучения жизненных коллизий в семье Молчальницы, анализа черновиков пушкинских рукописей. А тогда? Недаром же стала расхожей фраза, что Пушкин умел хранить как свои, так и чужие, вверенные ему, тайны.

БЫЛЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

По поводу рассказа Н. Неверина «Маскарад»

«Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума...»
Пушкин А.С.

«Старинный литературный пират с чутьем гончей и хваткой гиены» - так говорил о себе известный ученый- пушкинист Николай Осипович Лернер. К этой «характеристике» следует добавить, что он был исследователем осторожным и крайне придирчиво относился к суждениям и выводам, касающимся фактов биографии Пушкина. Однако именно он счел целесообразным перепечатать в 1913 году, в журнале «Русская Старина», давно забытый рассказ из жизни Пушкина, препроводив его следующими строками:

«Пушкин... был выводим в беллетристическом изображении редко и в общем, довольно неудачно. Одна из лучших подобных попыток, притом самая ранняя, появилась много лет назад, через два года после смерти поэта. Это - рассказ «Маскарад», напечатанный в «Библиотеке для чтения» в 1839 году... В свое время на него обратил внимание Белинский. «Маскарад», - говорил критик, - бойко и резво написанный рассказ, легкий очерк большого света. В нем играет важную роль какой-то поэт П-н, по имени Александр Сергеевич, который, когда маска называет его Алеко и намекает ему о Кавказе и Бессарабии, принимает это за намек на свои сочинение... Но это еще ничего... Странно, что этот П-н, приехав с маскарада домой, «скинул фрак, придвинул свечу, опустил перо в чернильницу, потер рукою по лбу, зевнул, написал шестую строку «Бородинской годовщины» и лег спать». Это что-то похожее - как бы сказать? - на плоскость, слишком неуместную и для многих оскорбительную...»

По всем указанным Белинским признакам слишком ясно, что герой «Маскарада» - Пушкин. Упоминание о «Бородинской годовщине», этой высоко патриотической пьесе, которую Пушкин писал будто бы зевая, действительно плоскость, обидная для памяти поэта... (Но здесь Лернер, вслед за Белинским, не учитывает того обстоятельства, что Пушкин не сочинял в тот вечер эту строфу, а лишь процитировал, к случаю, самого себя. Ниже мы еще остановимся на подробном обосновании этого вывода - Б.Б.). Рассказ, - продолжает Лернер, - подписан именем «Неверии» без всяких инициалов - очевидно, псевдоним. Кто под ним скрывался, нам не удалось доискаться... Давно забытый, но «бойко и резво» написанный рассказ «Неверина» интересен тем, что в нем выступает Пушкин в качестве светского человека и остроумного двигателя хитро задуманной

маскарадной интриги. Был ли в жизни Пушкина переданный «Неверинным» эпизод, это определить невозможно, но Пушкина автор несомненно знал и сумел в нем показать находчивого, уверенного, остроумного гражданина большого света».

Фраза Лернера о том, что автор «Маскарада» Пушкина несомненно знал, навела нас на мысль проанализировать рассказ на возможную историческую достоверность, то есть перевести его из области художественной беллетристики в ряд воспоминаний о жизни поэта. Трудность задачи заключалась в том, что «Неверии» писал свой очерк, в котором вывел великосветское петербургское общество, когда все его действующие лица («сильные мира сего»), исключая лишь Пушкина, были, вероятно, живы и процветали. Поэтому неудивительно, что, начиная с самого себя, он постарался тщательнейшим образом спрятать все имена под вымышленными инициалами и криптонимами. Единственно, что он не учел, - это возможность писем, дневников и воспоминаний современников, запечатлевших отрезок времени, в которой разворачивается действие его рассказа.

Так в чем же сюжет «Маскарада»? Конспективно суть его в следующем: в Петербурге, в маскараде, в начале масленой недели, к Пушкину обращается молодая женская маска с просьбой помочь в деле, касающемся «жизни и смерти», а проще - благополучия и счастья семьи и детей, зависящих от получения ее «несносным» и никчемным мужем нового места по службе. Это возможно только при содействии очень влиятельного, но сухого и бездушного, старого чиновника Дальского, безнадежно влюбленного в княгиню В***, хорошую знакомую Пушкина. Следуя указаниям Пушкина, маска в разговоре с Дальским выдает себя за княгиню и, за обещанную благосклонность, ставит условием назначение своего мужа (якобы мужа своей приятельницы). Дальский выполняет требование и, напомнив затем подлинной княгине В*** «ее» маскарадное обещание, оказывается в смешном положении.

Всю эту историю Пушкин рассказывает «Неверину» в начале 1835 года. Композиционно сюжет рассказа разделен на пять маленьких глав:

1. Маскарад в зале Энгельгардта, в воскресенье.
2. Два дня спустя, в среду, в Михайловском театре.
3. Снова маскарад в конце недели.
4. Вторая неделя поста. Гостиная княгини В***.
5. Кабинет Пушкина. Масленица 1835 года.

Поиски, подтверждающие документальность написанного «Неверинным», мы начали с уточнения времени действия в его рассказе. Известно, что Михайловский театр был открыт 8 ноября 1833 года. Следовательно, между этой датой и началом 1835 года могла быть масленица только 1834

года, приходившаяся на 25 февраля - 4 марта, и речь идет именно об этой неделе. Первое действие в маскарade, в доме Энгельгардта. Что же это за маскарadeы? Кто был хозяин этого дома? Как он был связан с Пушкиным? Василий Васильевич Энгельгардт (1785-1837) был внучатым племянником Потемкина, одним из наследников его бесчисленных миллионов. «Расточительный богач ... строитель в Петербурге дома. Сбивающегося на парижский Пале-Рояль, со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами. Построение этого дома было событием в общественной жизни столицы. Пушкин очень любил Энгельгардта за то, что он охотно играл в карты, и за то, что удачно играл словами...» К этому нужно добавить, что знакомство Пушкина с Энгельгардтом длилось с 1819 года и до смерти поэта. Ему он адресовал стихотворение «Я ускользнул от Эскулапа», передавал поклоны в письмах из ссылки. Бывал в гостях, на обедах...» Но вернемся к маскарadeу в воскресенье, 25 февраля. В дневнике Пушкина за 1834 год читаем: «28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен - множество балов, раутов, Масленица... В воскресенье на бале в Концертной Государь долго со мной разговаривал...»

Петербургский знакомый Пушкина К.Я. Булгаков пишет брату в Москву: «СПБ., 26 февраля 1834 года. Вчера был в Концертной зале, прекрасный и веселый...» Но у «Неверина» первый бал - в доме Энгельгардта? В книге Р.А. Соминой «Невский проспект» сказано: «В большой зале этого дома устраивалось большинство концертов... Филармонического общества. Позже, в 1829 - 1835 годах, здесь устраивались публичные маскарadeы». Следовательно, под концертной залой и Пушкин, и Булгаков имели в виду залу в доме Энгельгардта, где Пушкин действительно, как и у «Неверина», был на бале-маскарadeе 25 февраля^{xxi}. Вернувшись же с бала домой, очень довольный тем, что стал вдохновителем маскарadeной интриги, направленной на благое дело, он именно в этот февральский вечер 1834 года «...скинул фрак, придвинул свечу... и написал: «А чья звезда ее вела!» То есть процитировал шестую строку из своей «Бородинской Годовщины» - стихотворения, давно написанного и уже три года (в 1831 году) как опубликованного. Ту самую шестую строку, которую он создавал, якобы, «зевая», что так шокировало Белинского и Лернера. «Неверии» же, упомянув об этой строке, хотел,

^{xxi} Здесь уместно сравнить фразу «Неверина», когда он впервые говорит о Пушкине: «У дверей залы... на высшей эстраде, сидела неподвижно черная маска... и наблюдала за проходящими», с воспоминаниями И.С. Тургенсва, который писал в 1869 году: «Пушкина мне удалось видеть еще один раз... на утреннем концерте в зале Энгельгарта. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривая кругом» (курсив наш - Б.Б.).

пусть неумело, но лишь подчеркнуть - чья путеводная звезда указывала несчастной молодой маске, как ей поступать и действовать. Это подтверждается и тем, что цензором «Маскарада» был П.А.Корсаков, много лет знавший Пушкина, относившийся к нему с глубочайшим уважением и восхищением и вряд ли допустивший бы со стороны молодого, начинающего литератора, каким был «Неверии», плоскость по отношению к памяти поэта. Плоскость, которая, по недоразумению, так возмутила Белинского. Очень вероятно, что Корсаков лично знал автора, скрывшегося за псевдонимом, и из первых рук слышал всю подноготную истории, им рассказанной. В этой связи добавим, что очерк «Неверина» назван рассказом лишь в критике Белинского. В «Библиотеке для чтения» он не имеет подзаголовка. В оглавлении же сказано: «Маскарад. Быль Неверина». Затем среди «Литературной летописи» следующей книжки журнала о нем говорится, как об «очень милой статье», словно подчеркивается его документальность.

Следующая сцена приводит нас в Михайловский театр, где «два дня спустя», то есть в среду, 28 февраля, «давали комедию «Школа стариков». Громкие рукоплескания награждали любимую актрису...»

В действительности, 28 февраля 1834 года, в Михайловском театре были представлены три небольших водевиля.

Комедия же выбрана автором по названию, отвечающему задуманной Пушкиным интриге, не случайно. Не случайно, как увидим дальше, и упоминание о любимой актрисе. Рассказывая про Михайловский театр того времени, современник писал: «Французская труппа перебралась в новый театр, который и сделался с тех пор рандеву большого света. Бельэтаж и первый ряд кресел были абонированы цветом аристократии и дипломатического корпуса. Дамы являлись в бальных костюмах, мужчины во фраках, военные в мундирах, и от этого зала имела вид блестящего салона... Немного ранее в эту труппу поступила знаменитая Виргиния Бурбье. Для дебюта она выбрала «Школу стариков»... Она была в полном смысле красавица, и число ее поклонников было немало... самым счастливым был князь Волконский, Министр Двора...»

Но занавес упал. Спектакль окончен, идет разъезд публики. Разговоры на лестнице: - «Сегодня раут у графини П***... Карета австрийского посланника!... Вы будете на будущем маскараде?... Если двор будет, то и я поеду...» Как и «Неверии», мы приводим эти фразы в их последовательности опять же не случайно. Был ли Пушкин в тот день в театре - неизвестно, но в дневниковой записи от 28 февраля он пишет: «...Сегодня бал у австрийского посланника...»

- запись сделана, вероятно, утром или днем, так как 8 марта он помечает: «...недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах)...» Булгаков пишет брату: «Ну, уж и масленица! Всякий день балы... в среду у Австрийского посла...» Фрейлина А.С.

Шереметева рассказывает в письме от 1 марта: «Вчера был бал у графини Фикельмон... Бал был блестящий и оживленный...» О близких отношениях Пушкина с семьей Фикельмон, о его дружбе с ним и его женой Дарьей Федоровной (Долли) хорошо известно. Если в тот день Фикельмоны были в театре, то вполне вероятно, что был и Пушкин.

Сцена третья. Это в четверг, 1 марта (реплика: «Ты была вчера в театре?»). Герои рассказа снова в маскараде. И хотя «Неверии» не говорит, где это происходило, но... Булгаков - брату: «СПБ., 2-е марта. Вчера вечером маскарад у Энгельгардта в доме, на коем были Государь и Великий Князь...» Шереметева: «1 марта. Вечером мы сопровождали Ея Величество в залу Энгельгардта, где был маскарад...» Очевидно, что в этот вечер в маскараде был весь двор с царем во главе. (Фраза накануне в театре: «Если двор будет, то и я поеду»). Значит, и в рассказе говорится о маскараде у Энгельгардта. Был ли на том реальном бале Пушкин - неизвестно.

Далее. Гостиная княгини В***. Вторая неделя поста 1834 года, то есть 12-18 марта. Пушкин читает свою новую поэму. Если это было, то, скорее всего, он читал «Анджело», напечатанную в «Новоселье» в апреле того же года. Подтверждения этому факту мы пока не имеем. Здесь у «Неверина» сказано: «После обеда, в гостиной княгини остались одни приверженцы поэзии и сама хозяйка. Н-н (Пушкин - Б.Б.) читал им, но читал вяло, протяжно, без одушевления». Эта фраза настораживает плохо скрытой в ней достоверностью. Иначе непонятно, зачем автору понадобились уточнения, идущие вразрез с общеизвестным фактом мастерства, с которым Пушкин читал свои произведения. К действию рассказа она ничего не добавляет и может быть объяснима или мнением самого «Неверина», бывшего на этом чтении, или свидетельством других очевидцев, если не самого Пушкина.

Появляется Петр Федосеевич Дальский. В том, что он назван тут по имени и отчеству, тоже есть свой смысл. Автор словно расшифровывает что-то. Это что-то, на наш взгляд» объясняется словами Пушкина, который на негодующий вопрос осмеянной княгиней Дальского: «Мосье Н-н, вы должны знать, кого вы ко мне (в маскараде - Б.Б.) подводили?», отвечает: «Могу ли я ручаться за каждую маску? Я принимал ее за Виргинию Бурбье». Это предельно прозрачный намек на засвидетельствованную современником (см. выше - Б.Б.) интимную связь актрисы Бурбье с влиятельнейшим в то время Петром Михайловичем Волконским, который по совокупности известных нам черт характера, манеры поведения, внешности очень похож на Дальского, обрисованного «Невериним» Чуть ранее, войдя в гостиную, Дальский показывает княгине газету, где в третьей красной строке первого столбца напечатано о назначении на желанную должность мужа таинственной маски. В просмотренных нами номерах официальных Петербургских газет за 12 -

18 марта 1834 года указанные типографские приметы полностью совпадают только с номером «Русского инвалида» от 15 марта. Там, в третьем абзаце первого столбца, читаем: «Назначаются по гарнизону. Лейб-гвардии гарнизонного баталиона капитан Косяков, по Армии Подполковником с определением смотрителем казарм Лейб-гвардии Преображенского полка». Эта фамилия, в плане пушкинского окружения, нам ничего не говорит. У «Неверина» же муж маски выведен под криптонимом С-н.

Возвращаясь к Дальскому и к его вероятному прототипу князю Волконскому, любопытно отметить следующее. Дальский - ключевая фигура всей маскарадной интриги. И на всем ее протяжении «Неверии» подчеркивает отрицательное, раздраженно-ироническое отношение к нему Пушкина. Так, в первом маскараде он говорит маске: и... Ты невпопад избрала меня в посредники. Дальский меня не терпит; наверное, тебя подучили, чтобы привести меня в столкновение с этим человеком... Все знают, что если бы он мог, с удовольствием вырвал бы у меня язык...» Затем в театре, в ложе княгини В***: «Смотрите, пожалуйста, княгиня, как Дальский осторожно пробирается между креслами. Я боюсь, что эта старая башня развалится от первого толчка.

- Тише, Н-н (Пушкин); вы сегодня нестерпимо веселы.

- Виноват ли я, что вы сегодня нестерпимо милы! Это говорю не я, а глаза Дальского. Взгляните, как жалобно просят они к вам в ложу? Бедный, он боится предательского лорнета; он не смеет направить его в вашу сторону. Дайте обол Велисарию... поклонитесь ему... Бедняжка не смеет! Сжальтесь над ним, княгиня, не то от огорчения он потеряет последние волосы...».

На первый взгляд, имеющая здесь место галантная аллегория переводится как: «Подайте милостыню ослепленному вашей красотой». Но историческая справка добавляет: «Велизарий, знаменитый полководец византийского императора Юстиниана 1-го. Его главнокомандующий. По преданию был в старости ослеплен Юстинианом и просил милостыню. (Обол - средневековая монета). Поэтому в этих фразах Пушкина можно прочесть и другое. Князь Петр Михайлович Волконский - ближайший сподвижник Александра I и Николая I. В 1813 - 1814 годах - начальник главного штаба всех союзных армий в войне с Наполеоном. С 1826 года - Министр Императорского Двора. Нажил себе много врагов своей скаредностью и тем, что избегал оказывать протекцию и быть ходатаем перед царем для кого бы то ни было. Он был знаком с Пушкиным и ранее, со времен Лицея, но после назначения поэта 31 декабря 1833 года камер-юнкером стал, как Министр Двора, его высшим начальником. Тем самым он, конечно же, не мог не раздражать Пушкина, глубоко оскорбленного «царской милостью», и сделался мишенью для его насмешек. Свидетельство тому -

уничижительная фраза о Волконском в дневнике поэта от 8 января 1835 года: «Вообразите себе рожу старого скряги...». Это через год после получения камер-юнкерства! О степени же раздражения Пушкина и граде его насмешек в адрес престарелого царедворца в начале 1834 года можно судить по рассказу «Неверина», если утвердиться во мнении, что под именем Дальского он вывел П.М. Волконского.

Третьим действующим лицом «Маскарада», позволяющим делать предположение о прототипе, можно считать княгиню В***. Вот ее характеристика, данная в рассказе словами Пушкина: «...Княгиня вдова, женщина светская, умная, и не совсем молодая; но гордая! Ужасно гордая!.. Сундуки ее набиты процессами. Потеря этих процессов лишила бы ее той роскоши, без которой она не может жить. Дальский пользуется большим влиянием у людей, от которых теперь зависит судьба ее... она раздражает самолюбие Дальского и каждою ласковою улыбкой покупает у него ходатайство по новому процессу. Вероятно, после резолюции последнего, княгиня из благодарности променяет свою княжескую мантию на графскую корону графа Т***». Здесь Пушкин опять иронизирует над Дальским, пророча ему вновь остаться в дураках. Образ княгини дополняется авторским текстом: «Ее некогда знаменитая красота, благородный оклад лица, разительная белизна, неприкрытая ложным румянцем, обращали на себя внимание...»

Конечно, на основе этих указаний, прикрытых вымышленной буквой «В», трудно строить аргументированные предположения и догадки. Среди знакомых Пушкина тех лет (начало тридцатых годов), пожалуй, только одна титулованная особа соответствует приметам «Неверина». Это графиня Стройновская. В те годы ей было около тридцати пяти лет. Она была вдова. Ее муж, граф Валериан Венедиктович (доминирует буква «в»), умер между 1831 - 1835 годами. В старости, по воспоминаниям родственника, его давняя привычка процессовать стала его страстью. Вполне вероятно, что он «заразил» ею и свою жену. Сама графиня в двадцатые годы была знаменита своею утонченной красотой, походившей на холодную красоту греческой богини. О ее непомерной гордости писал сам Пушкин, посвятивший ей несколько строф в «Домике в Коломне». Овдовев, она осталась с юной дочерью, горячей поклонницей литературы и искусства. Вторично Стройновская вышла замуж за генерала Зурова в 1836 году. Возможно, что это он выведен «Невериним» как граф Т*** и лукаво обозначен титулом и инициалом, совпадающим с титулом и инициалом графа Татищева, которым в юности была увлечена Стройновская.

В заключение остается сказать несколько слов о самом «Неверине». Как и Н Лернеру, нам не удалось выяснить, кто скрывался под этим псевдонимом. Почти одновременно с «Маскарадом», в апреле 1839 года, вышел в свет роман «Муж-эгоист», автором которого был тот же Н. Невер-

рин (прибавился инициал «Н»). Посвященный семейно- нравственным проблемам, он был тепло принят критикой, встретил отклик во всех крупных петербургских журналах. В основанном Пушкиным «Современнике» ближайший друг погибшего поэта П.А.Плетнев так закончил о нем свой отзыв: «Такого рода произведения, при самых блестящих качествах автора, не пользуются совершенным успехом. Мы желаем, чтобы сочинитель, показавший столько гибкости и остроты ума в первом своем произведении, обратил все свое внимание на действительную жизнь...» В других журналах тоже хвалили остроумие и талант молодого, начинающего литератора. О «Маскараде» не вспоминали. Его первый роман оказался и последним. В библиографических указателях и словарях, отражающих литературу того времени, Н. Неверин больше не указывается. Можно предполагать, что он либо перестал писать, либо рано умер, либо печатался под другим, возможно, хорошо знакомым нам именем.

Но, независимо от всего этого, «Маскарад», где Пушкин так живо смеется, острит, негодует, со страниц которого к нам доносятся искрометные, словно реально звучащие слова и фразы поэта, несомненно, на наш взгляд, имеет право стать в ряд неизвестных на сегодня документальных воспоминаний о Пушкине.

ЭПИГРАММА

«Они, пронзенные насквозь, рядом торчат на эпиграммах».

Так писал Пушкин о своих журнальных врагах в 1829 году. Да. Как и в вопросах чести, он был бескомпромиссен и во всем, что касалось его творчества, его литературных позиций и взглядов. Эпиграммы, направленные им в адрес светских недругов или критиков, не доросших еще до понимания его творчества, были беспощадно остры, блестящи по форме, игре слов, злomu остроумию. Даже оставаясь анонимными, они выдавали его авторство: «... Он по когтям узнал меня в минуту; Я по ушам узнал его как раз», - писал поэт в эпиграмме на А.Е. Измайлова. Общеизвестны эпиграммы, направленные Пушкиным против пресловутого Фадея Булгарина или царского сатрапа Аракчеева. Но наряду с ними, в течение десяти с лишним лет постоянной мишенью его колких и злых насмешек был Михаил Трофимович Каченовский. Бессменный (с 1815 по 1830 годы) издатель журнал «Вестник Европы», профессор истории, журналист и переводчик. Стоящий на консервативно-классических позициях в вопросах литературы и истории, он через свой журнал вел постоянную борьбу с романтической школой Карамзина, с его «Арзамасским братством», членом которого, как мы знаем, был Пушкин. В начале 1820-х годов Каченовский становится одним из литературных врагов самого поэта. Не считая журнальной полемики, Пушкин отвечал на критику Каченовского рядом (около десятка) эпиграмм, большинство которых не было напечатано, а расходилось в списках. Однако в первом сборнике своих стихов (1826 г.), в числе других, он поместил и эпиграмму на Каченовского:

«Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки»
1824 г.

До 1830 года Пушкин напечатал в разных журналах еще несколько эпиграмм на Каченовского, который (будучи на 25 лет старше поэта, пережил его, умерев в 1842 году) тем не менее, не затаил в сердце злобы. После их личного знакомства в 1832 году он подал свой голос за избрание Пушкина в члены Российской Академии, а вскоре после гибели поэта писал: «Один только писатель у нас мог писать историю простым, но живым и сильным, достойным ее языком. Это Александр Сергеевич Пушкин, давший превосходный образец исторического изложения в своей Истории Пугачевского бунта».

Однажды знакомый собиратель, обладатель одной из лучших в стране коллекции прижизненных изданий Пушкина и поэтов его поры, попросил меня привести в порядок, точнее отреставрировать несколько только что приобретенных им журналов 1820-30-х годов, в которых печатался наш великий поэт. Каждый, кто любит Пушкина, кому небезразлична культура и история России, знает это неминуемо возникающее и непередаваемое чувство сопричастности и близости к давно ушедшему, но дорогому для сердца времени. Времени, когда эту же книжку или гравюру, рисунок, возможно, держали руки если не самого Пушкина, то кого-либо из близких ему, знающих его людей, будь то Вяземский или Плетнев, Софья Карамзина или Екатерина Стройновская. К этому чувству нельзя привыкнуть. Оно возникает раз за разом, когда прикасаешься к тоненькой тетрадке первого издания главы Онегина или зачарованно смотришь на портрет кисти Соколова, наполненный прозрачной акварельной нежностью...

Так было и теперь, когда я просматривал эти доверенные мне раритеты русской словесности. Вслед за томами «Отечественных записок» я стал перелистывать потрепанный томик журнала «Славянин» за 1830 год. Чья-то заботливая рука отметила двумя закладками страницы со стихами, подписанными буквой «П». Точно так же, как я помнил, подписал Пушкин при первой публикации свое стихотворение «19 октября 1827 года», посвященное лицейской годовщине. Ну, а какие его стихи здесь, в этой книжке? Вот первое, на странице 41. Называется «К цыганке». Начинаю читать:

«Как ты, Египтянка, прекрасна!
Исполнен чувства голос твой;
Скажи мне: страсти роковой,
Служила ты? Была несчастна?...»

И т.д. Чушь какая-то. Ведь такого стихотворения у Пушкина нет и никогда не было. Не было прежде всего потому, что он не мог написать так. Это кто угодно, но только не Пушкин! Ну, а второе, на странице 58, под басней Вяземского «Мудрость»? Второе называется «Цыганская пляска» и, хотя подписано также буквой «П», но опять же никакого отношения к Пушкину не имело и не имеет. Начинаю копаться в справочниках. Словарь псевдонимов Масанова. Здесь среди 120 букв «П», скрывавших полные фамилии авторов, нахожу нужное: «П.=Александр Сергеевич Пушкин. «Славянин» 1830 г. N XIII. Ист.: Синявский и Цявловский, «Пушкин в печати», стр.25,92». Час от часу не легче! Но ведь XIII том «Славянина» 1830-го года у меня в руках. Так где же

Пушкин? Указанной библиографии Синявского и Цявловского под руками нет.

На всякий случай просматриваю алфавит ПСС Пушкина издания Академии Наук, 1979 года. Во втором томе в примечании к « 19 октября 1827 г.» читаю: «... Напечатано в «Славянине», 1830 год, N XIII». Вот это да! Опять в той книжке, что у меня на столе! Но ведь дотошный Н.О. Лернер еще в 1910 году в издании Пушкина Бр. и Ефр., в примечаниях к стихам 1827 года отсылал исследователя, интересующегося этим стихотворением, в XV том «Славянина». Звоню приятелю, у которого есть «Пушкин в печати», прошу посмотреть указанные Масановым страницы. Ну, так и есть. Вечно эти пушкинисты все перепутают...

Бедный мой друг собиратель, какое разочарование ждет его в этот раз!

Но делать нечего, продолжаю просматривать злополучного «Славянина» дальше. Стихотворения Сиянова, Пальмина, Олина...

Но что это? Внизу страницы 72 четверостишие под заголовком:

«Эпиграмма»

«Брани меня, не бойся драки;
Лишь сделай милость» не хвали.
Не страшен громкий лай собаки,
Но страшен тихий свист змеи».

« -нк- »

Вот это похоже на Пушкина. Здесь все есть. И безукоризненность формы, и чисто пушкинская лаконичность, упругая сжатость, его гениальная простота при глубине и ясности мысли. И потом, эпиграмма ведь и по форме, и по смыслу совершенно идентична той, на Каченовского, которую мы привели выше. Разница лишь в том, что та направлена на определенное лицо, уже свершившее и продолжающее вершить свое черное дело, усыпляя, одурманивая противников опиумом, отравленным ядом бешенства. Здесь же автор предупреждает кого-то, дает почти дружеский совет остерегаться яда, спрятанного под излишней, усыпляющей хвалой. Фраза «Не страшен громкий лай собаки, но страшен тихий свист змеи» - звучит не оскорблением, а скорее сентенцией, нравоучением. Упомянутые Пушкиным «когти» здесь тоже есть, и хотя и не выпущены, спрятаны, но все равно они выдают автора. Так Пушкин это или нет? Такой эпиграммы мы не знаем. Найденная нами подписана, и подпись сразу наводит на мысль, что это пушкинская анаграмма. Даже более - его собирательный псевдоним. Снова листаем Масанова. Псевдонима « - нк — « у него не значится. Всего же известно 38 пушкинских -псевдонимов. В том числе: Александр Нкпш; -нъ; Н.К.; -П-. Отдельные элементы этих анаграмм составляют подпись под эпиграммой. Из первой и второй прописные - «нк», из третьей просто -

НК, из четвертой тире с обеих сторон, т.е. в итоге «-нк-». Но все это еще не доказательство авторства Пушкина. Это может быть какой-нибудь Николаев или, наоборот, Князев. Да, но тогда это явное подражание, если не плагиат. Плагиат, опубликованный с благословения издателя журнала? А кто был этот издатель? Каковы были его отношения с Пушкиным? Издателем журнала «Славянин» в 1827-30 годах был Александр Федорович Воейков (1777-1839), знакомый Пушкина с 1817 года, женатый на любимой племяннице В. А. Жуковского Александре Андреевне Протасовой. Член общества «Арзамас», автор известной сатиры «Дом сумасшедших». В середине 1820-х годов он восторженно отзывался о творчестве Пушкина, писал, что «талант певца «Бахчисарайского фонтана», может быть» теперь есть первый пиитический талант в Европе». Эти непомерно панегирические высказывания шокировали и вызывали иронию Пушкина, тем более что, как говорит Ю. Оксман: «Воейков беззастенчиво печатал и перепечатывая в своих журналах и хрестоматиях старые и новые вещи Пушкина, без его ведома и согласия» (курсив наш - Б.Б.). В дальнейшем Пушкин заметно меняет свое отношение к Воейкову, он печатно солидаризируется с полемическими приемами «Славянина», хвалит их в частной переписке. Публикует в журналах, издаваемых Воейковым, ряд своих произведений. Все этому, вероятно, немало способствовало постоянное покровительство, оказываемое Воейкову Жуковским, которым Воейков не мог не дорожить, памятуя как отношение Жуковского к Пушкину, так и его близость ко двору. Учитывая все это, он вряд ли решился бы печатать эпиграмму и подпись к ней, столь похожие на пушкинские. Однако вполне возможно, что еще в середине 1820-х годов она была написана Пушкиным на самого Воейкова, как отклик на его неумные похвалы, но не напечатана, а просто передана или сказана адресату. Спустя же пять лет, уже в пору теплых, дружественных отношений с Пушкиным, Воейков опубликовал ее с согласия автора или даже без оно, поставив в виде подписи собирательный псевдоним поэта. Вот, пожалуй, и все, чем мы можем подкрепить наше мнение о том, что автором найденной эпиграммы был Пушкин. Можно еще добавить, что обе приведенные эпиграммы перекликаются с еще одним четверостишием из так называемого коллективного творчества поэта. Имеются в виду «Нравоучительные четверостишия», написанные Пушкиным в 1826 году совместно с Н.М. Языковым. Вот одно из них, обозначенное N 11:

«Безвредная ссора»

«За кость поссорились собаки.

Но, поворчавши, унялись

И по домам спокойно разошлись.

Бывают ссоры и без драки».

Будем надеяться, что и наши предположения и догадки найдут благоприятный отклик у читателей. Ведь последнее слово остается за пушкинистами.

КОММЕНТАРИИ

«Она казалась... она была»

1. «Так сердце, жертва заблуждений...» - Поли. Собр. Соч. А. С. Пушкина (ПСС).- М.: Изд. АН СССР. 1937.- Т. 4.- С.162.
2. «Так писал Юрий Тынянов в своей статье о безыменной любви поэта» - Тынянов Ю. Пушкин и его современники.- М., 1968.- С.209.
3. «Екатерина Андреевна Карамзина...» - Там же.- С.401.
4. «...беспрестанно и беспечно меняющем свои привязанности человеку...» - Там же. - С.232.
5. «...А вскоре газета «Литературная Россия»... // Лит. Россия.- 15.08.1975.- № 3. (Певзнер Л. И.)

На углу маленькой площади

6. «...Супруг он звался Дмитрий Ларин...» (черновик, «Евгений Онегин»).- ПСС. 1937.- Т. б.- С.295.
7. «...со своей многочисленной семьей...» Яцевич А. Пушкинский Петербург. - Л., 1935.- С.9.
8. 9. «Все они были определены на жительство в Казанской губернии.» «...в свою казанскую глухомань...» - ЦГАДА. Фонд № 286. Дело 484, - л.860-861.
10. «...написал любопытную семейную хронику...» - Маевский Н. С. Воспоминания. / /Исторический вестник. 1881.- Т. 6.

Неравный брак

11. «...меня с слезами заклинаний...» («Евгений Онегин»). - ПСС.- Т. 6.- С. 188.
12. «...старший из которых, Алексей...» - Татищев Алексей Николаевич - по Рос. род. книге Долгорукого.- Т.2.- С.228-230. №111.

Тайна

13. «...На сем лице лишь гнева след...» («Евгений Онегин», гл. 8). - ПСС.- Т.6.- С. 182.
14. «...была хорошо известна история ее первой любви и первого брака...» Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. - Л. 1929.- С.86-93.
//Столица и усадьба. 15.12.1916.- № 72.- С.17-19.
//Наша старина. - Т. 1. - с.32-38 (с портретом).
15. «...Плотную с особняком Буткевичей находился дом графа...» Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. - Л, 1975.- С. 160.

У соседей

16. «...Вам должно знать, что мой чиновник...» («Езерский», вариант). - ПСС. 1948.- Т. 5.- С.413.

Факты

17. «...То были тайные преданья...» («Евгений Онегин», гл. 8). - ПСС. 1937.- Т. 6.- С. 182.

18. «...гордая графиня, упомянутая в «Домике в Коломне»...» - Переписка Грота с Плетневым.- СПб., 1896.- Т. 2.- С.693. Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей. -М., 1925.- С.29.

19. «...Флигель-адъютант Шемиот - троюродный брат Пушкина...» - Павлицев Л. Воспоминания о Пушкине.- М., 1890. - С.50. (Павлицев был неточен, Шемиот - троюродный брат.м) Согласно родословной росписи, приведенной в 1 т. Соч. Пушкина. - СПб.: изд. Анненкова. 1855.- С.435.

20. «...гордиться своими бедными казанскими родственниками...»
- Список алфавит. Казанской провинц. Дворян, состав, в 1771-73 гг.
- Казань. 1908.- С.5-6.

Мадригал

21. «...И, наклонясь, ей шепчет нежно...» («Евгений Онегин», гл. 5). - ПСС. 1937.- Т. 6.- С.116.

22. «...Что можем наскоро стихами молвить ей?..» - ПСС 1947.- Т. 2.- С.123.

23. 24. 25. «...Так называемая «Тетрадь Всеволожского...» - // Летописи Гослитмузея (Пушкин). - М., 1936.- Кн. Щ С1-79. Там же - С.61.

Опыт Русской анфологии или избр. Эпиграммы, мадригалы~- СПб. 1828. -С 215.

Учебная книга Русской словесности. Ч. 3. - СПб.: Изд. Н. Греча. 1830. - С. 225.

26. «...Напрасно воспевать мне ваши именины...» («Е. П. Бакуниной»).- ПСС. 1947.- Т. 2.- С. 125.

27. «...Вы соединить могли с холодностью сердечной...» («В альбом Сосницкой»).- ПСС. 1947.- Т. 2.- С. 124.

28. «...они появились в печати лишь после смерти поэта--» ПСС.- Л 1978.- Т. 1.- С.462 (Примечание).

29. «...Катериия 1. Катерина 2 и так далее.» (Дон. Жуанскни список. Запись в альбоме Ушаковых. ПСС,- Л. 1978.- Т. 8.- С.54.

Портрет или « Загадка Маевского»

30. "А та, с которой образован

Татьяны милой идеал...» («Евгений Онегин»). - ПСС. 1937.- Т. 6.- С. 190.

31. «и он знает ее грустную повесть...» - Лернер Н. О. Наша старина. 1917.- Т. I.-СJ2-38.

32. «Ни дура англицкой породы...» - ПСС. 1937- Т. 6,- С.287. (черновик)

33. «Уж ей Филипьевиа седая приносит на подносе чай...» - ПСС 1937,- т. 6.- С .68.

Домик в Коломне

34. «...каждый стих для меня есть воспоминание или отрывок из жизни—» - Си. 18.

35. «Дня три тому ходил я вместе...» - ПСС»- JL: Наука. 1977^ Т. 4у- С .236.

36. «...скрытая боль отражается бурным взрывом ожесточения и гнева...» - Гершентон М. Мудрость Пушкина.- ,М. 1919.- С. 147.

37. «...Пора поступки юных дней...» - ПСС. 1937,- Т. 6.- С.340 (вариант).

38. «Я живу теперь не там, но верною мечтою...», «...она была несчастна...» - ПСС- Т. 4. 1977.- С.239-240.

39. 40. 41. Павловская Т. Г / / Прометей.: Сб.- М. 1974.- X* 10.- С.68.

//Летописи. - М. 1936.- Кн. 1.- С.300-302.

Магический кристалл

42. «...Тогда рассеянный, унылый, перед собою, как во сне...» («Кавказский . пленник»).- ПСС. 1977.- Т. 4.- С.195.

43. «...И музу призывал на пир воображения...» («К моей чернильнице»). - ПСС. 1977.- Т. 2.- Кн. 1.- С.44.

44. «...Иль только сон воображенья в пустынной мгле нарисовал...» - ПСС. 1947.- Т. 2.- С.343.

45. «...Волшебной силой песнопенья в туманной памяти моей...» («Цыганы»). - ПСС. 1937.- Т. 4.- С.203.

46. «...И постепенно в усытленье я чувств и дум впадает он » - ПСС. 1937.- Т. 6.

47. «...в смутной сне явились впервые мне...» - Там же.

41. «...Люблю летать, заснувши наяву...» - ПСС. 194&- Т. 5. - С.S8.

49. «Я сладко усыплен моим воображеньем—» («Осень»* Кн. I). - ПСС. I94&- Т. 3,- CJ2J.

50. «Чарский чувствовал то благодатное расположение духа...» («Египетские ночи», Кн. I). - ОСО- Т. 8,- С.244.

Последние годы

51. «Нет, - отвечала она. - Поздно, я обвенчана-,» ("Дубровский"). - ПСС. 1978у Г. 6,- С.207.

Список литературы

Архив села Михайловского. - СПб.- Т. Вып. 1.

Белинский В. Г. Соб. Соч.- Т. 2.

//Библиотека для чтения. 1839.- П 33 (Отд. VI) и 34. (Отд. VI),

Вольф А. И. Хроника Петербургских театров,- СПб. 1877. - Ч. 1.

Вяземский Г1. А. ПСС.- СПб. 1878.- Т. 1.

Дневник А. С. Пушкина. Под ред. Модзалевского.- М-П. 1923.

Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине.- Л. 1929.

Маевский Н. Из семейных воспоминаний. // Исторический вестник. 1881.

Новый энциклопедический словарь Брокгауз - Эфрон. См. Стройновский.

Плетнев П. А. Соч.- СПб. 1885.- Т. 2.

Пушкин А. С. ПСС.- Л. 1974.

//Русская старина. - Ноябрь 1892 н апрель 1913 (Т. 134).

// Русский архив. 1904. - Кн. 1.

//Северная пчела.- 28. 02.1834.- № 46. Сомина Р. А. Невский проспект. - Л. 1959.- С.101.

// Сын отечества. - 1839.- № 8.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. - Л. 1975.

Борис Викторович Буткевич (1929-1989) родился в семье московских интеллигентов. С детства увлекался египтологией, археологией, историей. Получив художественное образование, работал в полиграфии. Увлекался коллекционированием книг, гравюр, рукописей, геральдикой.

В различных периодических изданиях публиковал очерки и заметки, вел телевизионные передачи.

Исследование семейной родословной неожиданно вывело его на пушкинскую тему, которой он посвятил последние 20 лет жизни.

Буткевич Борис Викторович (Б. Матвеевский)

Незнакомый Пушкин и «утаённая» муза поэта.

Редактор - В.М. Кирсанова.

Подбор материала и иллюстраций (в бумажной или расширенной цифровой версиях) - С.Н. Цветкова.

Цифровой дизайн - Д.Б. Буткевич

Версия цифрового издания - простая

Составитель будет благодарен за отзывы - db65@bk.ru

Для не коммерческого использования. Распространение свободное.